

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (489)

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Алексей Порвин. «Битое зеркало в травах мазутных...» и др. стихи.....	3
Владимир Ханан. Рассказ. Сны мои. Рассказы.....	8
Владимир Аристов. «Стертым от времени голосом в трубку проговорил...» и др. стихи.....	14
Саммер Ленц. Большое космическое путешествие. Повесть.....	20
Ия Кива. «так писали музыку оглохшие композиторы...» и др. стихи.....	68
Павел Кошелев. Фрукты и фруктики. Повесть.....	73
Юлиана Новикова. «Ничего не внемлет ничему...» и др. стихи.....	115
Татьяна Грауз. Уязвимое «мы» (контрольные отпечатки).....	119
Наталья Ключарева. «Три пальто» и др. стихи.....	125
Вадим Ярмолинец. В центре всей этой неопикуемой фигни. Рассказ.....	130
Олег Шатыбелко. Стихотворения Галы Пушкаренько.....	139

ПЕРЕВОД

Ева Лисина. Брат Садри, или Я не хочу, чтобы Фатима плакала. Рассказ. Перевод автора с чувашского.....	145
--	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

Иван Макаров. Выпитое и пролитое. Книга воспоминаний (Отрывки).....	163
--	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Антон Ботев. Карлыш и Малсон.....	171
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Михаил Немцев. «И бежишь к ней а она думала свой внутренний страх»: О воспоминании и понимании в стихах Сергея Шубы.....	187
Нина Александрова. Самая страшная в мире любовь О кн.: Егана Джаббаров. Красная кнопка тревоги.....	193
Мария Верстакова. Страшные несказки Милы Борн О кн.: Мила Борн. Голодный остров. Сборник рассказов.....	194

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2020 ГОД.....	199
-------------------------------------	-----

Алексей ПОРВИН

Битое зеркало в травах мазутных
соберет осколками тишину,
людей привечая разутых –
шрамом, не значащим свет/войну.

Вечно на теле лучи рисовали
красоту, не знавшую о себе:
лишь в ранку крупница печали
падает – сразу легко судьбе.

Лучше скользить предвкушением бóсым
по холодной парности, что ведёт
к рассвету, к немеркнущим росам,
лучше словами нащупать вход –

«Эта ходьба отцепилась от цели,
как вагон от дряхлого тягача,
мы выбрать неподвижность сумели,
смотримся в рельсовый блеск луча».

Расшатана скорбь, вот-вот падёт
главная ограда – увидим
себя гуляющими там,
за пределом мысли.

Верёвочным смыслом жив
простор, удержанный над бездной;

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Публикации в журналах «Нева», «Дружба народов», «Воздух», «Новая Юность», «Носорог», «Урал», «НЛО» и др. Автор стихотворных книг «Темнота бела» (М.: Аргон-Риск, 2009), «Стихотворения» (М.: Новое Литературное Обозрение, 2011), «Live By Fire» (Cold Hub Press, 2011), «Солнце подробного ребра» (СПб.: ИНАПРЕСС, 2013) и «Поэма обращения. Поэма определения» (СПб.: MRP, 2017). Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2012), входил в шорт-лист премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2011, 2014). В «Волге» публикуется с 2008 года. Живет в Санкт-Петербурге.

что – примесь, а что – поворот
в главное значение?

Работа въедается в сердца –
струи расплетаем словами,
тела отбрасывают всё
лишнее немедленно.

Земле тяжела вода,
темнеющая всё сильнее,
солдатские тени слились
с нашими тенями.

Разрасталась, как вечер, стирка
и в закат макались рубахи,
узнав, что грязь равна отсутствию сна
расправленного, свежего.

Голосов, неизбежно хватких,
вечерей, количество, знача
людское сердце, где небесный посыл
неисчислим биением.

Выжимая из флагов каплю
темноты, так сильно скрутили
материю, что затрещали слова
крепчайшими волокнами.

Линии здешних построек нам –
выдадут смыслов изобилие,
ну о чём говорить временам?
Стёкла раздробили.

Прежняя тема – важнее всего:
окна вбирали взгляд вечерний,
где поёт о людском *ничего*
тишина речений –

«Всякую ночь проведём в жилье,
помнящем тягостью чердачной:
возвышаться нетрудно во мгле
смысловой раздачей...»

«Светом, поспешно изъятым из
правил, придуманных богами,
потолки покосившихся изб
потрещат над нами...»

Достроено счастье голосами
до этой высотной тишины, когда
поля ложились в боль колосьями,
приминая провода.

Дрожащей ли связью и натужной
беседой с врагами о судьбе земли
продолжится сомненье? Надо же
домолчать себя вдали.

Всё длились сквозь ливень переходы
от правильной жизни к небесам огня,
накиданы на сердце – грохоты,
заменяли голос дня.

Героев назвать бы поимённо,
да всякое слово поросло быльём,
перемещение армий поймано
уменьшительным стеклом.

«Наши лица сокроет знаменье» –
скажут потерявшие власть.
«Люди дурными временами не
станут, не смогут с правдой совпасть».

Трудно смолчать, что имя презрительно –
горстями черпнуть бы себя (себя
щепотью земли одарите,
песне – опора нужна в судьбе).

Дождик звякает райской мелочью,
входит в основательный свет
сквера, где ветви занемели: чью
участь держали тысячу лет?

«Нечто разжато, брошено под ноги,
теперь отражает, как люди злы;
копилась усталость в щепотнике,
собрана пальцами в точку мглы».

Победа словами вновь
зачем ко дню сведена, в котором
ленивый стук на всё готов,
даже к сомнениям полухворым?

Поправиться глотком бы одним,
да вмиг опустели бутылки,
рассудок, ты к сумеркам гоним,
к шарам заждавшейся пыли.

Солдатский дымок, огонь
плиты, что грела остатки треска
(простор, сравнение узаконь
жизни и дальнего перелеска).

Партейка офицерская, дом,
со мраком расторгнувший узы
(в пещеры закатывался гром,
как шар в дрожащие лузы).

О разбитых часах, об осколках
ночью ноет запястье: считать
остаток пульсовый нетрудно: сколько
забывшейся тьмы в желании знать...

Из покоя всё тянется жила
песни – помнит ли день красоты?

Рассеялся дымок и не сложился
в единственный образ, в чистое «ты».

Плодоносной волной омывая
сваю взгляда, прошедшего сквозь
стекло звезды, что засадило с края –
река со своим течением врозь?

Для опоры на дно – мало слишком
сёрдца, давшего выдох другим;
задержано дыхание, и ликом
любви – не успело стать, словно дым.

Выдался песенный переход
к победе, что назначена болью
на место прежней веры в глубину
прилива, полного свободой.

Голосом созвана тишина;
частицы называть поимённо –
не значит продолжать себя во всём,
что на закатный свет похоже.

Волны, принёсшие частокол
лучей, ужели просите волю,
забор поставить на участке дня,
где нежность в небо разветвилась?

Песня истоптана, а следы
хозяйничают в каждом куплете,
переставляя звуки наобум,
копируют структуру мира.

Владимир ХАНАН

РАССКАЗЫ

Рассказ

В октябре прошлого года я ехал по делам из Балтимора в Нью-Йорк. На поезде. Время у меня было, и я мог себе это позволить. Лететь? – Нет. Наверное, я по натуре консерватор. Мне больше нравится, когда из одного города до другого, до которого несколько сот километров, едешь несколько часов, когда можно и отдохнуть и подумать. А не так: сел в самолёт и через час ты на месте. Короче, купил билет, зашёл в своё купе и обнаружил сидящего там седовласого господина располагающей наружности. Поезд тронулся, и минут через десять этот джентльмен предложил: уж коль мы с вами попутчики, не познакомиться ли нам с вами, мистер, простите, не знаю вашего имени.

– Чарльз, – говорю я, – можете меня звать просто Чарльз.

– Эндрю, – говорит он. – Вот и познакомились. Должен вам признаться, Чарльз, я часто езжу и к тому же любитель пообщаться в дороге. А вы?

– Ничего не имею против, – говорю я. – Беда только в том, что собеседник я никудышный. Я, знаете ли, технарь, и голова у меня забита формулами и числами. У меня даже анекдоты в голове не держатся.

– Во всём есть положительная сторона, – говорит Эндрю, – если вы любитель помолчать, то я, напротив, любитель поболтать, так что мы с вами можем провести время с обоюдным удовольствием. Как раз сейчас меня раздражает одна история, которая просто просится быть рассказанной. И если вы не против, я вам её расскажу.

– Я весь внимание, – говорю я Эндрю, – рассказывайте, я с удовольствием послушаю.

– Ну, так слушайте. Много лет тому назад путешествовал я на своём старом бьюике по Среднему Западу. И, проезжая через какой-то заштатный городишко, остановился у некоего заведения – то ли маленькая гостиничка, то ли просто забегаловка, с целью перекусить, а заодно и отдохнуть, чего не сделаешь за рулём. Вошёл в зал, почти пустой. Только одна пара за дальним столиком и официант, он же, похоже, хозяин этого провинциального райка. Помню, заказал бифштекс, овощной салат и бутылочку пива. Хозяин принёс мне заказ и отошёл, но, смотрю, мается в одиночестве, явно желая пообщаться. Я, как видите, человек общительный, а потому возражений не

Владимир Ханан (Ханан Иосифович Бабинский) родился 9 мая 1945 года в Ереване. Семь лет провел в волжском городе Угличе; до переезда в Израиль (1996) жил в Санкт-Петербурге и Царском Селе. Учился на историческом факультете Ленинградского университета. Работал слесарем, лаборантом, сторожем, оператором котельной. До перестройки публиковался в самиздате, первая официальная публикация в журнале «Знамя» (1993), печатался в США, Англии, Франции, ФРГ, Австрии, Литве, Израиле. Автор пятнадцати книг стихов и прозы и более двухсот публицистических статей в периодике Израиля и США. В «Волге» публиковались стихи, проза, критика (2013, 2014).

имел. В общем, он подсел ко мне и пошли обычные расспросы: откуда, куда и всё в таком духе. А я в свою очередь: как дела, как справляетесь, народу, смотрю, мало... Что держит на плаву?

– Справляемся нормально, – говорит Гарри, так звали хозяина. – Уже несколько лет держим с другом это заведение и не жалуемся. В будни, конечно, народу не много, но по выходным хватает. У нас тут рядом шахта, так что по субботам и воскресеньям оправдываем всю неделю. В общем, жить можно.

– Не думаю, что шахтёры народ весёлый, – говорю я, – не скучно с ними?

– Да нет, – говорит хозяин, – а кроме того ведь и приезжие бывают, вроде вас. Так что на скуку не жалуемся. А народ бывает всякий, иногда очень даже интересный. Вот, например, у меня каждый понедельник уже два года появляется один молодой человек. Видно, что культурный и явно не богатый. Каждый понедельник у меня утром перекусывает и каждый четверг возвращается ближе к вечеру, ужинает и домой. Вот как-то раз я вижу, что парень не торопится, и мы с ним разговорились. Оказывается, он начинающий писатель. По понедельникам возит свои произведения в соседний городок то ли в редакцию, то ли в издательство, я в этих делах не разбираюсь. Что, говорю, романы пишешь? Нет, говорит, не романы, а рассказы. Такой, говорит, у меня творческий организм, что мне интереснее всего писать именно рассказы. А романы, говорит, мне даже не интересны. Ну, а как, говорю, вам платят за эти рассказы? Оказывается, сущую мелочь. Так и бросьте, говорю, вы это пустяковое дело, ведь и ноги протянуть не долго. Вот сколько вы тратите времени на один рассказ? Это, говорит он, по-разному: иногда день, а когда и неделю. И за такое время такие деньги! – говорю я. Да у меня уборщица больше зарабатывает. А знаете, пришла мне в голову мысль, я вашему делу не учился, но уверен, что написал бы рассказ максимум за полдня. Страниц пять-шесть – да запросто. Ну да, говорит он, это со стороны глядя всегда просто. А на деле иной рассказ романа стоит. А давайте, говорю я, мы с вами поспорим: вы уезжаете на четыре дня, а по приезде я выдаю вам рассказ, написанный за полдня. Я человек честный, не обману. И если вы считаете, что это мазня, я плачу вам пятьдесят долларов, а если признаёте его за рассказ, то полста долларов с вас. Идёт, говорит он, ударили мы с ним по рукам и укатил он в свою редакцию. А я перед сном задумался о рассказе, который, не подумав, пообещал написать. А подумав, честно вам скажу, дрогнул.

С чего это я решил, что могу написать рассказ, когда я матери своей письмо толком написать не мог? Подвела меня, видать, доза испанской крови – эти латиносы известные хвастуны. Конечно, я всегда любил почитать язык и среди приятелей славился хорошим рассказчиком, да и приправить всегда умел. Но ведь одно дело веселить компанию, а другое рассказы писать. Литература! Но делать нечего, стал я думать, а точнее вспоминать. Жизнь-то у меня была богатая, особенно в молодости. Вспомнил то, вспомнил это, а потом взял бумагу и начал потихоньку кое-что записывать. Сначала этак робко, а потом рука сама начала карандаш двигать, только успевай листки менять. Так рассказ и написался. Конечно, я в нём многое переделывал, исправлял, но в основном писал почти начисто. А потом, как будто ото сна очнулся, перечитал своё произведение и, помню, подумал: а что, рассказ получился, вроде, интересный, не как у Марка Твена, но тоже ничего. Может, полсотни баков он и не стоит, но и с меня их тоже вряд ли получат. Так и получилось. Показал я молодому писателю свой рассказ, когда он из редакции своей вернулся. Почитал он его и говорит: у вас, мистер, явный литературный талант, я бы на вашем месте этим делом серьёзно занялся. А ещё – достаёт он бумажку с портретом мистера Гранта и вручает мне со словами: берите, мистер, вы заслужили. К слову сказать, на эту бумажку я часы купил золотые, которые сейчас у меня в жилетном кармане тикают, да подарки своей жене Мэри и детишкам. А насчёт рассказов, говорю тому парню, с меня и этого хватит. Спасибо, разобрался, не простое это дела, но уж лучше я по старинке на своём месте поработаю. Каждому, говорю, своё. Вот так. А вы, мистер – это уже к Эндрю – не хотите почтаться?

– А я, – продолжает уже сам Эндрю, – почему, думаю, нет? Даже интересно, первый, можно сказать, литературный опыт. Вот только времени уже нет, пора двигаться дальше.

– Да я вам его с собой дам, – говорит хозяин и протягивает мне пачечку исписанных листочков. Сунул я их себе в карман плаща, расплатился, сел в свой верный бьюик и вперёд. Уже только дома через неделю достал их, начал этак лениво и... зачитался. Да так, что прочёл до конца, ни разу не оторвавшись.

– Да, – говорю уже я, – такой рассказ и я бы, пожалуй, почитал.

– А вы и почитайте, – говорит Эндрю и протягивает мне небольшую пачку бумаги. – Я бы вам сам прочитал. Но чтец я неважный, да и написан он от первого лица. Почитайте, не пожалее. А мой язык пока маленько отдохнёт.

Взял я у Эндрю эти листки и стал читать. Привожу вам этот рассказ, как он был написан. От первого лица, ничего не убавляя и не прибавляя.

«...В то время мы с Джимом колесили по Среднему Западу, ища какой-нибудь работы или вообще какого-нибудь стоящего дела. Из одного городка в другой, от одной фермы к следующей. И однажды попали в маленький отельчик, который держала пышная женщина, как раз такая, какие мне нравятся. Такие, знаете, чтобы спереди у неё было всё необходимое и сзади. Но это к слову. Договорились мы с ней остановиться у неё на два-три дня за мужскую, которой её отельчику явно не хватало, работу. Ограду поправили, окна, двери в порядок привели. И смотрю – хозяйка, Лиззи её звали – явно на меня глаз положила. А я на неё. Не буду о подробностях, скажу только, что третью ночь мы провели в одной постели, после чего мы с Джимом остались ещё на неделю. А в конце недели она мне и говорит: есть, Джек, у меня для вас с Джимом хорошая мысль. Тут в нескольких милях вверх по этой дороге есть такое же заведение, как у меня. В хорошем состоянии, там хозяин старичок, мужчина аккуратный. Так вот, продаёт он своё заведение и продаёт дёшево. Решил, что хватит работать, пора и отдохнуть. Продам, говорит, и двину куда-нибудь к морю. Вот и купите вы с Джимом этот отельчик. Я тебе на первое время денег одолжу, ты, вижу, парень честный. А дальше вы с другом сами станете зарабатывать, парни вы работающие. Так и сделали. Поблагодарил я Лиззи в последнюю ночь изо всех сил, а утром мы с Джимом поехали в это место, о котором она нам рассказала. Всё получилось как нельзя лучше. И хозяин цену назвал разумную, и место нам понравилось. Можно сказать, на перекрёстке, и городок небольшой рядом. В общем, место оживлённое. И так мы с другом устроились, что лучше нам и не надо. С Лиззи я честно расплатился, и стали мы с Джимом работать на себя и даже потихоньку откладывать. Купили старенький, но ещё резвый фورد и начали ездить по округе, зорко примечая, где чего продают и где цены поумеренней.

И вдруг получаю я неожиданное письмо из городка, в котором родился, провёл всё детство и где похоронены мои родители, а братьев и сестёр у меня и сроду не было. А в этом письме известие о том, что мой дядя, которого я лет пятнадцать не видел, умер и после его смерти остался бедный сирота – его папаша Тимоти, восьмидесяти с чем-то лет от роду. И что других родственников у этого сироты нет, а стало быть, единственный вариант его устройства – это чтоб я забрал его к себе. Забрать, значит, этого двоюродного деда к себе и лелеять его старость до естественной кончины. Но, пишу мне, чтобы я особенно не беспокоился, мой престарелый родственник не какая-нибудь развалина, которому нужна сиделка, а вполне здоровый старичок, который может о себе позаботиться, если его уговорить, с одной только мелкой болезнью – какого-то то ли еврея, то ли немца Альцгеймера. Короче, приезжай, Джек, и забирай своего драгоценного родственника, потому как всё равно его больше некуда девать. Ну и что делать? То, что я его в детстве, может, всего пару раз видел, никого не колышет, и пришлось мне ехать и забирать старика Тимоти к себе – не бросать же его в самом деле на произвол судьбы. Привёз я этого старикана к нам с Джимом, тот, слава Богу, не возражал, отвёл ему небольшую, но удобную комнатку, и зажили мы троём одной, можно

сказать, семьёй. Надо честно сказать, что этот Тимоти был человек спокойный, хлопот особых не доставлял, а то, что он с утра до вечера нёс сплошную ахинею, так это было не утомительно, а иногда даже забавно. По вечерам он сидел часами в главном зале и рассказывал тем, кто хотел его слушать, истории из своей бурной жизни. Как он воевал с Наполеоном, участвовал в англо-бурской войне, естественно, на стороне буров. Но больше всего он любил морские истории о своих кругосветных путешествиях, ибо действительно был когда-то военным моряком. Подвыпившие посетители слушали его с удовольствием. Особенным интересом пользовалась история о том, как, участвуя в Трафальгарском сражении, наш отважный Тимоти лично выбил глаз адмиралу Нельсону. Со временем я даже научился извлекать из рассказов бравого капитана пользу и брать с каждого слушателя по доллару. Единственной нашей заботой было присматривать за ним, и когда он кричал “ставить кливера!”, вести его в уборную, расположение которой он никак не мог запомнить, по малой нужде, а на возглас “свистать всех наверх!” вести его туда же по нужде более серьёзной. Нечего Бога гневить, забот он доставлял мало, и к его присутствию мы с Джимом быстро привыкли. Но я не о том, а вот о чём. Открывается однажды дверь в наш не особо шикарный зальчик, и wpłyает такая красотка, красивее которой я в своей жизни не видел. Бог бы мой! – фигура, лицо, глазки, губки – в общем всё, что нужно. Вплывает таким лебедем, находит место как раз рядом с бравым капитаном и заказывает себе что-то лёгкое: кофе с чем-то, не помню даже с чем. Я вообще тогда работал как заводная кукла, потому что глаз от этой красотки отвести не мог. Принёс я ей заказ и присел рядом, что вообще-то у нас не поощрялось. Но отойти я не мог, как будто меня к ней приклеили. Не могу не добавить, что эта лебедь была в теле, как раз такая, каких я люблю. А она знай щебечет, что едет в городок N, куда сейчас должен приехать в отпуск её кузен, который служит на флоте и страшно интересно рассказывает о своей службе. А она сама не своя до моря и хлебом её не корми – обожает слушать морские истории. Вот в прошлый раз её кузен рассказывал ей про свой парусник, где он заведует какими-то потрясающими парусами, которые называются буфера. Тут brave капитан Тимоти стряхнул с себя дремоту и объявил, что очаровательная мисс ошибается, что эти паруса называются кливерами, а не... Но в этот момент его отвлекла более насущная потребность и он гаркнул “свистать всех наверх!”, после чего сразу был уведён Джимом. Не забыв получить с “очаровательной мисс” доллар. Джим его увёл, а я сижу, как будто меня приварили к стулу. Дело в том, что у нас в мальчишеские и подростковые годы буферами назывались женские титы... ну, в общем, понятно. И это слово по сей день производит на меня впечатление взрыва миномётного снаряда, тем более что у нашей щебетуны буфера были такие, что я два часа не мог отвести от них глаз. Даже когда она ушла, я ещё час не мог встать из-за стола, настолько красноречиво выглядели мои брюки. Через некоторое время Джим, который знал меня как себя, подошёл и сказал: остынь, Джек, а то дело плохо кончится. На тебе уже сейчас можно яичницу жарить. Советую тебе как друг: вот тебе на сегодня отпуск, а ты переодевайся и дуй к своей Лиззи. Расслабись, можешь даже завтра отоспаться и опохмелиться, но к вечеру будь здесь как штык. Завтра суббота, народ должен пойти косяком. Следует ли говорить, что повторять Джиму не пришлось, я сорвался с места, быстро переоделся, плюхнулся в наш старенький форд и только меня и видели».

На этом рассказ кончался, я отдал листки Эндрю и, не кривя душой, сказал, что чтение доставило мне удовольствие.

– А знаете, что ещё интересно, – сказал Эндрю, пряча листочки в тот же объёмистый карман. – Случилось так, что парень, писавший рассказы, о котором рассказывал хозяин отельчика, спустя некоторое время стал моим близким приятелем. А заодно и по-настоящему известным писателем, причём именно своими рассказами. Уильям Сидни Портер, вы наверняка о нём слышали.

– Простите мою неграмотность, – говорю я, – наверное, стыдно, но это имя мне ничего не говорит.

– Извините, ради Бога, – говорит Эндрю, – что я невольно ввёл вас в заблуждение. Забыл сказать, что мой приятель пишет под псевдонимом О. Генри, наверняка слышали.

– И слышал и читал, – говорю я. О. Генри! – Смешно сказать. Да его вся Америка знает.

– Так вот, – продолжает мой попутчик, – показал я как-то Уильяму этот рассказ, тогда и обнаружилось, что упомянутый в рассказе молодой писатель – это он и есть. Ты знаешь, – сказал он мне, – этот парень написал рассказ, а публиковать его и не думал. Честно тебе скажу, не раз было у меня искушение напечатать его под своим именем, да совесть удержала. Нельзя воровать чужую собственность, даже интеллектуальную.

Запомнил я его слова и подумал: ну пусть он не напечатан, но всё же жив, не пропал. А у него даже названия нет, так и живёт безымянным. И решил я взять на себя это дело – придумать ему название. И, подумав, остановился на таком: «Рассказ, который не написал О. Генри». По-моему, звучит неплохо. Как вы считаете?

22. 08. 2020

СНЫ МОИ

Неожиданно мне стали сниться сны. Вообще-то мне всю жизнь они снились. Неожиданность была в том, что последние три года их не было. Не сказать, что совсем – что-то иногда случалось, но даже снами их было трудно назвать. Больше всего они были похожи на киножурналы советских лет – те, что демонстрировали в кинотеатрах перед кинофильмами. Кае-как склеенные обрывки каких-то неинтересных информации, не говорящих ничего ни уму ни сердцу. Или ещё хуже – какая-то мешанина из разрозненных кадров вообще без какого бы то ни было смысла.

Нет, сейчас мне стали сниться сны, которые лучше всего характеризовать литературно: сны – рассказы, сны – повести, сны – романы, да-да, романы, один такой я помню, хотя, разумеется, не целиком. Но чаще всего снились рассказы. Одни – их, конечно, было большинство, бесследно исчезали к утру, но другие... Эти снились, я даже могу подробно рассказать, как. Сначала рассказ снился как кино, действие происходило как на экране, причём от начала до конца. Затем он повторялся, однако уже без визуального ряда – я просто повторял его полностью, не упуская ни одной детали. И, наконец, в третий раз я снова повторял его слово в слово – и это было всегда на той тонкой границе, что отделяла сон от яви. Проснувшись, я помнил его полностью, оставалось только записать. Естественно, такое случалось не часто. Нужно только добавить, что время действия такого рассказа было совершенно произвольным, иногда без всякой связи с действительностью.

Улица была почти пустынна, только один человек шёл по ней, явно не торопясь, и я рискнул к нему обратиться.

– Простите...

– Иуда, – вставил он.

– Простите, Иуда, не подскажите, где находится Синедрион, я здесь человек новый...

– Да вот он, – не дал мне договорить Иуда, – метров двести, я как раз туда, – и показал на неказистое одноэтажное здание.

– Н-да, – сказала я, – я ожидал нечто величественное, всё же как будто парламент, парламентарии...

– Парламентарии! – хмыкнул Иуда, – двадцать старых болтунов, типичные пикейные жилеты. Век бы их не видел.

– Так и не ходите, – посоветовал я.
– Не могу, – вздохнул Иуда. – Надо. Сказали «надо!», значит надо идти. Передать кое-что (через пятисекундную паузу, со вздохом) важное.
– Ну хоть заплатят? – поинтересовался я.
– Плевать я хотел на их деньги! – сказал Иуда и сплюнул. – В нашей конторе я казначей, у меня этих денег... ящик уже не поднять. (Опять со вздохом) – А взять придётся. – И махнув мне рукой, вошёл в двери здания.

Постояв пару минут перед входом, я обошёл здание справа и на дороге впереди метрах в трёх-стах увидел какой-то парк.

– Что это за парк? – спросил я человека, который стоял на дороге, по-видимому о чём-то задумавшись.

– А? – словно очнулся мужчина, чем-то неуловимо похожий на Иуду. – Парк? – Это сад. Гефсиманский сад. Ничего интересного. Даже грибы не растут. Хотя на рынке их сейчас завались: и шампиньоны и какие-то новые, коричневые, забыл, как называются. Но если их поджарить с картошечкой... Пальчики оближете. Ручаюсь. – И забыв попрощаться, пошёл по направлению к саду. Однако метров через десять обернулся и крикнул: – А Иуду не встретили?

– Встретил, – сказал я, – он сейчас в Синедрионе. При мне вошёл.

– В Синедрионе, – повторил мужчина. – Очень хорошо. Значит, всё в порядке. Он двинулся вперёд, но через несколько минут начал словно бы таять и... исчез.

Тут я понял, что нахожусь на уже упоминавшейся мной границе сна и яви. Но не успел её перейти, как услышал голос, чётко и ясно произнёсший:

Вспомним заросли мрака и меч, поразивший раба.
Гефсимания-мать, наречённая наша судьба,
Ты вершишься поднесь, причащая началу начал.
А покудова ночь. И петух ещё не прокричал.

31. 08. 2020

Владимир АРИСТОВ

Стертым от времени голосом в трубку проговорил
Шлифуя рукой, как гальку, плоский камень карманного телефона
Другу в далекую трубу телефонную тихо бубнил
Напоминая о его воспоминаньи забытом

Здесь в городе неродном,
Но пятнами тени и каменными местами знакомого

Хоть бы он вспомнил Москву
От мостовой отозвался хотя бы Нью-Йорик один

Вымолвил ты себя где-то там
Вымолви здесь себя
Еще раз, но иного

Там в горькой той
Прозрачной той
Чернильнице, ты почувствовал чернила на
вкус и удивился

В пресной нашей воде
откуда она, другая
Когда ты обмакнул стальное перо
Оставил на прописи соленые следы
Но не морской, а океанической соли

Каховская в Малоярославце

Так наверное и после Страшного суда
бесконечный свой отбывающий срок
внезапно был реабилитирован
но о том не узнал
потому что себя забыл да и всеми забыт

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Уральская новь», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор пятнадцати поэтических сборников, двух романов и пьесы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – «Жизнь незамечаемых людей» (2019, № 5-6).

омыть от памяти лицо

словно высокие синие окна

ведь память – это рудименты жизни

но не знаю удастся ли

там лужа зимняя на улице есть огромная
что промерзает иногда до дна
тогда морщины проходят по зеркалу ее лица
глубокому и темному
никто туда заглядывать не любит
там ничего не отражено

мой прадед не вернулся

это я а не он
вернулась из сибирских урочищ и руд

он не был реабилитирован как я
хотя я не ждала и не просила
мне некого просить об этом
покуда люди не разучились убивать
друг друга

мой прадед
декабрьскую революцию не довершил
хотя был первым услышавшим наше эхо назад в историю
отдаленный во времени родственник
по имени и по крови пролитой

сейчас я вижу трижды повторенное вплавлено
в нынешний герб Эс.Эр.

Не знаю зачем мне этот город дан
Малоярославец может быть...
Чтобы попытаться вспомнить где-то здесь остался жив в бою
с Наполеоном

Милорадович

я привезла для продажи искусственные цветы
и кротостью меня встретили
у вокзала в Москве
незнакомые настоящие цветы

у каждого цветка свое лицо неузнаваемое, неповторимое

я живу на улице имени террориста смятенного нашим террором
но знаю улицы имени жертв когда-нибудь переименуют
Воровского улицу превратят в Эйхгорн-штрассе чтобы снова потом
в исконный Крещатик
я гляжу что и здешнюю мою Володарского – вернут в бывшую и быть может
в будущую Ивановскую

Здешний маленький город чем-то похож
на родной городок Тарашу
откуда рукой подать до родимого Киева

где потом в 18-м
за брестский мир и войну
Эйхгорна, генерала германского
нашей группой а по сути мной

полгода в камере ожидая подписи кайзера под приговором

укрылась потом у тарашанцев и богунцев у Щорса в полку эсерами наводненного
не вспомнить
в этой луже в черных зеркальных трещинах
где на дне иногда мне видится
лишь лицо Спиридоновой и Корде

и мне видится что моя судьба совсем не из стали но из льда
когда-нибудь и он растает
когда-нибудь растает слезный лед

и если мне удастся память мою отдать другим

тогда смогу я своею жизнью
лишь любоваться
ею не узнавая
как недоступным ледяным дворцом

в котором на каменном лице мемориальном
начертано полустертое
MISERICORDIA

Немногое сделать осталось
довести до конца перевод “Le petit prince” Сент-Экзюпери
да встретиться с Циолковской в Калуге

Ист. справка: Ирина Каховская (1887–1960), одна из немногих вернувшихся в 50-е руководителей эсеров, после полувека – с перерывом на революцию – каторги, ссылки и лагерей, жившая потом в Малоярославце, дальняя родственница декабриста Каховского.

Питомник на склоне реки

1. Страдания растений

Неутомимы растения на склоне реки
Здесь в открытой теплице долины
Происходит неустанный неравный обмен их с людьми

И цветы позавидуют людям
Тянутся к ним и одному из всех издалека

А он различает не лицо,
А лишь общества имен
Ряды, ранжиры и рамки,
Странный перечень их:
«Мишель Бюхнер», «Князь Волконский», «Монтень»,
«Огни Москвы», «Нежность», «Небо Донбасса»,
«Оливье де Сер», «Олимпиада Колесникова», «Примроз»
Вы тянетесь к нему и просите безмолвно увидеть каждого из вас
А он выбрал себе случайно
Только три сорта – сорта – а не вас одиноких – сирени:
«Мадам Лемуан», «Мадам Феликс» и «Знамя Ленина»

Остальные остались в земле
Или в таблице, приписанные к разрядам
Но где ты одна где ты один
Где ты не распознать тебя среди срезанных трупов цветов

Зеленый остров посредине реки
И вокруг него прозрачнее неба
Синие рукава воды

Северная яблоня изогнулась на склоне

И ты гравитацией красоты подавленный
Все же ты весь сквозь нее, как растение,
Восходящий ввысь

Сосны на гребне террасы на том берегу
вместе с растениями в ту сторону смотришь
где река многоярусные леса
На том берегу
В предосеннем изнеможении красоты

Жить неустанно

Сжать рукою пучок лучей расходящихся сосновых игл

2. Мемориал А.Л.

Растенья летние закроют биофак
Не видно ни души в пустынных коридорах
И лишь мемориальный тот оплаканный плакат
Чуть светится как бы просвет или итог далеких споров

3. Сын Мичурина, актер

И даже когда он играл негодяя,
Помнил он, как отец попросил сыграть его яблоню,
А он не смог

4. Питомник северных пород

Питомник северных пород
На нашем среднем юге
Создал намеренно немного их неровные шеренги

Среди них
В их безмолвной листве
Ветерок проходил
И далекого Дона долины
Вместе с ними начинали шептать и молчать

И ты немного чувствительным был
Когда сам замирал на миг меж яблонь, меж них
И глаза прикрывал под солнцем в долгий полдень

Вспоминал почему-то виноград искусственный, сиреневый и прозрачный

Питомник северных пород
Здесь на склоне реки
Основал свое царство и место

Продрогшая яблонька
С юбкой не согревающей от снега
Но все-таки сохраняющей до весны

За деревцем ты ухаживал, как за человеком

Здесь средь растений
Ты историю людей позабыл
Каждое стало тем человеком, который увидел его

ИС

Пред вертикальной картиной
стояли мы или летели
смотрела в нас она,
как в зеркало, на десятилетие вперед
И ты с тончайшим очерком лица
и я, наверное, картиною неузнанный
перед служебной дверью с надписью «Познание»
Мы были робкими учениками –
той горизонталью
что рассекает вертикальную картину жизни
на стене
Входит и в нее и влетает словно самолет-ковёр
волшебный
И здесь в музее временном
среди муз, покрытых чувственной пылью –
фигур нелепых и прекрасных чем-то средним
между виолончелью и аркебузой
И робко вдруг мы увидели друг друга

Саммер ЛЕНЦ

БОЛЬШОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Повесть

Вступление. 25 августа 1985 года

Сэм в нетерпении пританцовывает рядом с папой:

– Па, можно уже мне?! Ну па!

– Сэмми, одну минутку, – Артур перекладывает трубку телефона от левого уха к правому. – Да, милая, слушаю.

Артур Смит и его дочь Саманта всего полчаса как в бостонском аэропорту. Их самолёт до Огасты примерно через час, они решают выпить кофе, и в кафетерии их приглашают к телефону. Звонит Джейн Смит.

– Ты уже ждёшь? Что? Какое письмо?

Артур внимательно слушает взволнованный голос супруги. Потом спрашивает:

– Ты думаешь, что это правда? Что?.. – Артур отрывается от телефона и спрашивает официантку: – Простите, у вас есть факс?

– Да, сэр.

– Спасибо, – и Артур снова прикладывает трубку к уху. – Да, милая, есть. Хорошо. Подожди, тут Сэм готова мне руку оторвать.

Саманта узурпирует канал связи.

– Привет, ма! Мы уже скоро! Что?

Весёлое лицо её мгновенно становится серьёзным. Она поджимает губы и начинает медленно кивать. В это время официантка шёпотом спрашивает Артура:

– Прошу прощения, сэр, это не моё дело, но... Это ведь Саманта? Девочка, которая была в России?

– Да, – кивает Артур. – Это моя дочь.

Официантка протягивает ему руку и горячо пожимает.

– Сэр, это такая честь для нас. Она совсем уже взрослая, но лицо всё такое же. Мы очень за вас болели тогда, честно! Моя дочь с ума сойдёт, когда я ей расскажу, кого обслуживала!

– Спасибо, мэм, – улыбается Артур. – Сейчас Сэм положит трубку, и нам должен прийти факс...

– Тотчас вам его передам, сэр. Храни вас бог.

– И вас.

Саманта заканчивает разговор и возвращается за столик.

– Ты в порядке, Сэм? – спрашивает папа.

– Да, в полном.

– И что ты думаешь обо всём этом?

Сэм склоняется над столиком и таинственным шёпотом говорит:

– Кажется, наше путешествие продолжается.

Велосипед

Боре два с половиной года. К его трёхколёсному велосипеду недавно прикрепили звонок. Это для того, чтобы соседи по этажу успевали отойти в сторону, когда Боря мчится по коридору из кухни в свою комнату. Боря пока самый маленький в общежитии. Но скоро мама родит брата или сестру, и тогда Боря станет большим. Боре нравится ездить на велосипеде и звонить в звонок.

Мама выходит из комнаты в коридор.

– Боря, идём за хлебом!

Боря оглушительно трезвонит и мчится к маме. Но в середине коридора, рядом с кухней, он неожиданно сворачивает налево, к лестничной площадке.

– Боря, стой! – кричит мама.

Но уже поздно – Боря вырывается к крайней ступеньке и смотрит вниз. Интересно, что будет, если съехать по лестнице? Вверх точно не получится – он уже пробовал. И Боря смело нажимает маленькими пухлыми ножками на педали, как раз в тот момент, когда мама выбегает из коридора.

Велосипед сразу перестаёт слушаться Боря. Руль вырывается из рук, седло толкает под попу, и Боря кубарем катится вниз. Ему больно и страшно. Но реветь он начинает лишь окончательно скувыркнувшись по пролёту, когда велосипед пролетает мимо и стучается в стену.

Мама быстро спускается к Боре и испуганно его ощупывает, пока он самозабвенно ревет. Из носа у Бори течёт кровь, на ноге ссадина, шортики запачкались, один сандалик остался на ступеньке. Но в целом Боря в порядке. Мама вздыхает и тащит сына обратно. В комнате она раздевает Боря, потом несёт его в бытовку и отмывает холодной водой. Боре это не нравится, но он уже не ревет, потому что любит, когда мама держит его на руках.

Они возвращаются в комнату. В носу у Бори торчат ватные комочки, чтобы кровь не текла. Боря их не вытаскивает, он знает, что так лучше. И шумно дышит ртом. Мама надевает на него чистую рубашку, чистые шортики и носочки, и они идут в магазин.

Велосипед остаётся стоять на лестнице. Он наказан.

В магазине

В хлебном магазине Боре нравится бывать больше всех прочих. В хлебном магазине просторно и светло. Там почти ничего нет, только длинный шкаф с наклонными полками, на которых лежат буханки белого и чёрного хлеба, батоны, и круглые булочки, которые называются как колбаса – докторскими. Вдоль шкафа тянется блестящая труба, на которой Боря постоянно висит, как обезьянка. Эта труба не даёт покупателям разбредаться по магазину и лезть без очереди к кассе, за которой сидит всегда сердитая тётенька в белом халате и белом поварском колпаке. Касса приятно потрескивает и позвякивает, на ней много кнопочек, но нажимать на них сердитая тётя не разрешает.

Пока мама покупает хлеб, Боря успевает покачаться на блестящей трубе, пробежаться по магазину туда-сюда, а когда ему становится скучно, он вдруг замечает, что огромная вилка на верёвочке, которой проверяют мягкость хлеба, висит себе без дела. Это непорядок. Такая замечательная вещь не может висеть просто так.

Боря подходит к полкам, берёт вилку в правую руку и деловито, помогая левой рукой, протыкает вилкой хлеб – и докторский, и белый, и чёрный, и батоны, и ромовые бабы, и плюшки с сахаром. Так проверять мягкость гораздо интересней.

– Боря, не смей! – кричит мама.

Сердитая тётя на касе тоже что-то кричит, но Боря не обращает внимания.

Он занят.

Боря и телевизор

Боря любит смотреть телевизор. Сначала одно показывают, потом сразу другое, потом ещё что-то, потом пора спать. Боре кажется, что он живёт в телевизоре. Вот они с мамой кашу едят, потом будто программу переключили – мама куда-то пропадает, а Боря с папой едет куда-то в тесной кабине грузового автомобиля. Потом Боря снова дома, смотрит телевизор, сидя у соседки на коленях, за окном темно, идёт дождь, и вдруг в комнату заходят мама с большим свёртком и папа с таким же свёртком. Щёлкает переключатель – и вот Боря возле нарядного дерева держит папу за руку, а к ним подходит какой-то дядя с бородой и мешком и даёт Боре разноцветный бумажный кулёк, а потом Боря вдруг снова в кабине грузовика, с папой, мамой, двумя орущими одеялами и ещё каким-то дяденькой за рулём, и вокруг темно, но вскоре они останавливаются, и Борю заносят в какой-то дом, где они будут жить.

А потом вдруг снова лето, и Боря стоит у тёмного двухэтажного бревенчатого дома, он уже большой, ему три с половиной года, и папа фотографирует его фотоаппаратом «ФЭД». Боря уже откуда-то знает, что это не его дом, но здесь на втором этаже живут его бабушка, тётя и дядя, и ему здесь нравится, потому что здесь много места, бабушка варит вкусный куриный суп, и у всех есть свои имена, и Боря их знает, и даже умеет говорить длинное непонятное слово «фаридсейфульмулюков», которое услышал из телевизора, который у бабушки тоже есть.

Но Боря уже понимает, что живёт не в телевизоре. Потому что телевизор – чёрно-белый, а цветной стоит триста рублей.

Индийский танец

Дядя Лёша приносит дрова. Дрова хранятся в сарае за домом. Там много таких сараев, и старшие ребята скачут по ним, как козлы. Дядя Лёша тоже скачет, Боря видел.

Боря зовёт его просто – Лёша. Лёша засовывает в печь несколько поленьев, между ними вставляет смятую газету, берёт с полки спичечный коробок и трясёт. В коробке гремят спички. Лёша чиркает спичкой по коричневому боку коробка и поджигает бумагу.

– Надо плясать индийский танец, – говорит Лёша.

Боря внимательно слушает Лёшу. Лёша уже большой, он учится в школе, и всегда придумывает что-то интересное, а ещё учит Борю стихам, которые всех смешат: «Эй, чувак, не пей из унитаза, в унитазе всякая зараза».

Лёша показывает, как размахивать руками и топать ногами, и произносит волшебные слова «Разгорься! Разгорься!». Боря повторяет почти так, как надо, и вот они уже вместе топчут, и размахивают руками, и на всю квартиру горланят «Разгорься!». Удивительно, но огонь в печке действительно разгорается.

Потом Боря отвлекается на телевизор. Сначала показывают мультик про собаку в плаще, с зонтиком и трубкой, но очень короткий, а потом сразу какие-то люди начинают говорить на непонятном языке. Боря удивлённо ждёт, когда люди заговорят нормально. Через некоторое время люди – правда, уже другие, – начинают говорить о Солнечной системе. Это Боре знакомо, он видел такие картинки у мамы в книге.

Мысль о книге напоминает Боре о большой «мамапочитайке»: красной книжке со сказками. Все эти сказки Боре уже хорошо знакомы, но он любит их слушать и повторять. Боре нравится

картинка с мальчиком, который скачет на игрушечной лошадке и размахивает саблей. Такой лошадки у Бори нет. Но он вспоминает, что на лошадку похожа кочерга.

Боря идёт на кухню. Лёша шурудит кочергой в печи. Вдруг на улице раздаётся продолжительный автомобильный гудок. Это приехала мусорная машина. Лёша быстро вскакивает, хватая «поганое» ведро, как называет его бабушка, и убегает на улицу. Кочерга торчит из топки. Боря подходит к кочерге, трогает её пальцем. Рукоятка кочерги гладкая и блестящая, как труба в хлебном магазине. В печке весело гудит огонь. Его жёлто-оранжевые языки пляшут на почерневших боках поленьев. Боря вытаскивает кочергу из печки, перекидывает через неё свою пухленькую ножку и начинает скакать. И почти сразу роняет кочергу и пляшет индейский танец, но вместо «Разгорься!» ревёт от боли, потому что обжёгся. В этот же миг в квартиру вбегает Лёша.

Когда бабушка возвращается домой, Боря лежит на диване, обе ноги у него обёрнуты мокрыми полотенцами. И он не понимает, почему бабушка ругает Лёшу. Вinovата же кочерга!

Боря едет домой

Мама и папа часто ездят к бабушке вместе с Борей и его маленькими братьями. И хотя Боре три с половиной года, он абсолютно точно знает, как ехать из деревни к бабушке и как добираться обратно. Нужно сесть на автобус «восьмёрку», доехать до центра, там зайти в здание автостанции, потолкаться в очереди, потом выйти на платформу два, сесть в автобус, доехать до деревни Шиши, потом от остановки идти прямо до конторы, повернуть налево, потом направо, и сразу за детским садом их дом.

Но вот Борю привозят к бабушке надолго. С ним никто не играет. Лёше некогда – у него летняя практика в школе. Тётя Люда на работе, она токарь. Бабушка заснула бельё в стиральную машину, а сама топит титан в ванной. Кот Цыган сбежал. Боре хочется домой.

Он надевает сандалики и выходит из дома. Спускается по крутой скрипучей лестнице. Выходит на улицу. На крыльце сидит сосед, которого бабушка называет Дед Армян. Бабушка говорит, если Боря будет плохо себя вести, придётся звать Деда. Дед Армян и вправду выглядит страшно: он лысый, с огромным крючковатым носом, кустистыми бровями и огромными ушами. На нём только майка, растянутые трико и тапочки. В руке Дед Армян держит палку.

– Ты куда, Борис? – спрашивает сосед.

Но Боря его не боится.

– Домой, Дед Армян, – отвечает он, спускается с крыльца и идёт на автобусную остановку.

До автобусной остановки далеко. Нужно пройти мимо бани, в которой часто моются солдаты, мимо магазина, который все называют «Берёзка», хотя Боря точно знает, что на нём написано «Продукты», мимо длинного бетонного забора, за которым находится завод, на котором работает Люда (Боря не называет её тётей). Шумят кроны тополей, желтеют акации, вдоль тротуаров лениво перекачивается тополиный пух. Боря идёт, не отвлекаясь на происходящее вокруг. Скоро будет заводская столовая, за ней – памятник солдату, и почти сразу – остановка.

На остановке пусто. Ярко светит солнце, Боре жарко, спрятаться негде. Он смотрит вокруг и видит, что дверь на проходную завода распахнута. Он смело идёт туда.

На проходной так же просторно и светло, как в хлебном магазине. И даже такие же трубы. И – о чудо! – карусель! Правда, почему-то без сидений. Боря подходит к карусели и пытается на ней прокатиться, но карусель не крутится. Из-за стеклянной двери выходит тётянка в форме, похожей на милиционерскую, как у папы на работе, но тётянка точно не милиционер.

– Мальчик, ты чей?

– Я Боря Воробьёв, – отвечает Боря. – Я домой еду.

– Куда – домой? – удивляется тётя.

- В деревню Шиши, – отвечает Боря. – Я восьмёрку жду.
- А где твоя мама?
- Дома, с Сашей и Пашей.
- А папа?
- На работе, он милиционер.
- Ты что – один?
- Я домой еду, – повторяет Боря.

В открытую дверь он видит, как к остановке подъезжает автобус, и собирается идти, но тут тётя говорит:

- Подожди, я твоему папе на работу позвоню.

Боря не против. Иногда папу подвозят на машине, и Боре так нравится больше. В автобусе его тошнит.

Скоро подъезжает милицейская машина. Борю сажают в кабину и везут в милицию. Только это вовсе не та милиция, где работает папа, а какая-то другая – здесь Боря ни разу не был и никого не знает.

В милиции есть телевизор, Борю сажают перед экраном, и он смотрит какое-то кино. Или не кино, потому что показывает телевизор плохо, а слышно, что говорят, ещё хуже. Но Боря не обижается.

Вдруг откуда-то появляется Лёша. Он напуган почти так же, как в тот раз, с кочергой. Он о чём-то разговаривает с милиционерами, они смеются и везут Борю с Лёшей, но почему-то не в деревню, а обратно к бабушке. Бабушка очень сердита. Она сначала хочет что-то сказать, а потом просто садится на табурет, кладёт Борю себе на колени и звонко шлёпает рукой по попе, очень больно. Раз, два, три!

Боря ревёт. И ещё больше хочет домой.

Мамин чемодан

Боря дома, в Шишах. На улице жара, папа на работе, Саша и Паша спят, мама сидит на кухне, жуёт яблоко и читает книгу.

Когда папы нет дома, мама совсем другая. Она ложится на пол, упирается ногами в батарею и начинает поднимать туловище, читая при этом толстую книгу. Или крутится во дворе на самодельной карусели. Или подтягивается на турнике, если никто не видит.

Когда приходит папа, мама сразу начинает плавно ходить, говорить нежным голосом и смеяться, когда папа шутит. Пока папа дома, мама стирает, моет пол, играет с Борей. Но как только папа уходит, или даже уезжает, мама провожает его до калитки, а потом снова превращается в другую маму.

Боре нравятся обе мамы. Та, которая с папой, всегда нежно его обнимает, целует, читает сказки, моет в корыте, пускает с ним мыльные пузыри через трубочку от одуванчика, делает самолётики и парашютики из бумаги. А другая мама говорит с ним командирским голосом, будто Боря совсем большой солдат, как те, которые моются в бане рядом с бабушкиным домом. Мама рассказывает ему что-то, что не похоже на «Тараканище» или «Мойдодыра».

И ещё у мамы есть чемодан. Она держит его в собачьей конуре, но собаки у них нет. В чемодане какие-то неинтересные книги почти без картинок, много толстых клетчатых тетрадок, в которых мама что-то пишет, обложившись этими книжками и качая коляску с Сашей и Пашей. Они, как и Боря, тихо слушают, что говорит мама. А для Бори мама достаёт из чемодана открытки с космонавтами. Гагарин, Титов, Попович, Беляев, Леонов, Кубасов. И какие-то незнакомые. Мама говорит – Стаффорд, Бранд и Слейтон. Олдрин и Армстронг.

Боря думает, что это игра. Он знает всех космонавтов. Наверное, Саша и Паша тоже их уже выучили, но они маленькие и не умеют говорить.

Лужа

Боря не хочет в ясли. В яслях почти у всех детей из носов торчат зелёные козявки. Кажется, все дети в яслях до сих пор думают, что они живут в телевизоре. Боря не такой. Ему нравится смотреть, как дети играют в разные игры – катают машинки, строят из песка башни, качаются на качелях. С ними интересно. Но детсадовцы старше Бори и с ним не играют. Поэтому Боря смотрит на них из-за забора, когда гуляет сам по себе.

Боря не боится потеряться. Он знает, где живёт, и если заблудится, то обратится к какому-нибудь взрослому.

Он выясняет, где находится магазин, школа, гараж с сельхозтехникой, столовая, водонапорная башня, силосные ямы и коровник. Утомившись после приключения, Боря пускается в обратный путь. И вдруг дорогу Боре преграждает огромная лужа. Как она здесь оказалась? Обойти лужу нет никакой возможности – по краям пыльная крапива, гораздо выше Бори.

Вдруг на том конце лужи Боря видит мужчину в кепке, клетчатой рубашке, грязных штанах и – главное! – в сапогах.

– Эй, мужик! – кричит Боря, размахивая руками.

Мужик обращает на Борю внимание. Кажется, он удивлён, что Боря умеет говорить.

– Мужик, ты сильный? – спрашивает Боря.

Мужик удивляется ещё больше, но кивает.

– Перенеси меня через лужу! – просит Боря.

Мужик чешет затылок под кепкой, потом решительно пересекает лужу и берёт Борю на руки. Кажется, он понял, почему Боря задал такой вопрос. Слабый мужик вряд ли сумел бы перенести через лужу такого тяжёлого ребёнка.

Благополучно переправившись, Боря без лишних слов пожимает мужику руку и спокойно идёт домой.

Инна

Шиши – деревня большая. На одном её конце – хлебопекарня, на другом – мелкий ручей, за которым на холме стоит огромная водонапорная башня с блестящей на солнце крышей.

Ещё за гаражом сельхозтехники есть запруда, в которой плавают лебеди. Плавают они далеко, но разглядеть их можно. Поэтому вдоль одного из берегов всегда кто-то стоит и смотрит: большие ребята на велосипедах, мужики с удочками, а иногда – мотоциклистки.

У очень многих девушек в Шишах есть мотоциклы. Летними вечерами они ездят на этих мотоциклах в город. Все эти девушки работают в сэхэтэ. Боря ещё не знает, что это такое, но любит разговаривать с этими девушками, особенно – с Инной.

Инна высокая, с короткой стрижкой, работает на тракторе. После работы она садится на свою «Яву» и гоняет по Шишам, то в одиночку, а то с подругой Верой, у которой тоже «Ява». Боря знакомится с Инной на берегу запруды: он наблюдает за белыми пятнами лебедей, и вдруг рядом останавливается мотоцикл. За рулём сидит Инна в красном спортивном костюме и красном шлеме. Боря восхищённо смотрит на неё и говорит:

– Прокати?

Инна без разговоров усаживает его перед собой, почти на бензобак. И на невероятной скорости мчит через всю деревню, от пекарни до водонапорной башни.

- Как тебя зовут? – спрашивает Боря.
- Я Инна, – улыбается Инна. – А ты?
- Я Боря Воробьёв. Я живу рядом с садиком, на улице Мира.
- Тебя подвезти домой?
- Да!

Инна довозит его до самой калитки. Мама удивлённо наблюдает из окна, как Боря слезает с мотоцикла и машет отъезжающей Инне рукой.

- Кто это? – спрашивает мама у Бори.
- Моя подруга, – отвечает Боря.

Пистолет

Боря не любит пьяных. Они страшные, прилипчивые, и всё время повторяют одно и то же. Особенно Боря не любит пьяного папу. Пьяный папа может обидеть кого угодно – и маму, и Бору, и особенно страшно бывает, когда он шатается и громко падает – Боря боится, что он упадёт на Сашу с Пашей. В такие моменты Боря стоит рядом с их кроватью и хнычет. Но хнычет он тихо, чтобы не рассердить папу.

Наутро все спят. Мама тревожно, папа как пьяный, Саша и Паша – как будто их только что покормили и поменяли пелёнки. Не спит только Боря. Он на цыпочках заходит в мамину и папину комнату и вдруг видит на полу, рядом с папиными штанами, кобуру. Боря осторожно подходит к кобуре и расстёгивает её. В ней пистолет. Боре нравится пистолет, а ещё больше – патроны к нему: блестящие, аккуратные, с красивыми полукруглыми пулями. Если взять их в горсть, они стучаются друг об друга с приятным мягким звуком.

Борю осеняет мысль. Если старшие ребята увидят его с настоящим пистолетом, они наверняка захотят с ним играть. Трудно найти вещь более интересную, чем настоящий пистолет. А тот, у кого есть такая интересная вещь, всегда окружён друзьями. Боря осторожно вытаскивает пистолет из кобуры. Немного подумав, он вытаскивает ещё и запасную обойму.

Одевшись, Боря выходит на улицу. Кармашки в шортиках маленькие, туда не влезает даже обойма. Пистолет тяжёлый, и даже если засунуть его под резинку шортиков, всё равно вываливается. Его приходится нести в руках. А вот обойма под резинкой держится.

Ребят постарше он видит возле колонки – они брызгаются водой.

– А у меня пистолет! – хвастается Боря.

Вокруг него тут же образуется толпа. Все хотят потрогать настоящий пистолет. Боря показывает патроны. Ребята тут же просят подарить хотя бы один. Боря разрешает. Но сил вытащить патрон из обоймы никому не хватает.

В это время появляются ребята ещё старше, которые умеют ездить на двухколёсных велосипедах и учатся в школе. Они сноровисто вытаскивают все патроны из обоймы, достают обойму из пистолета и вытаскивают патроны ещё и оттуда. Вскоре исчезают и сами обоймы, и сам пистолет. Боре это не нравится. Он требует отдать пистолет. Но его никто не слушает, а те, кому ничего не досталось, ещё и толкают его.

Боре обидно. Боря принёс такую интересную вещь, а с ним не только никто не играет, а ещё и забрали и не отдают. Он ревёт и бежит домой.

Мама просыпается от Бориного рёва.

- Ты чего ревёшь? – спрашивает она.
- Пистолет забрали!
- Какой пистолет?
- Папин.

Мама пугается и убегает. Потом, уже одетая для прогулки, выкатывает на улицу коляску, кладёт туда сонных Сашу и Пашу, твёрдо хватая за руку Борю и тащит его обратно на улицу, искать ребят.

Ребята, увидев Борю с мамой, разбегаются, но кого-то из них мама знает и идёт к нему домой. Боря остаётся на улице с коляской, мама заходит в чей-то дом. Скоро слышатся крики взрослых и ребёнка. Мама выходит на улицу с какой-то тётей, тётя тащит за ухо мальчика, который взял себе настоящий патрон. Вместе они идут к следующему дому, где всё повторяется.

Боря не знает, как долго они ходят: он то идёт пешком, то мама несёт его на руках, но скоро у них появляются уже обоймы, потом все патроны. Где искать пистолет, никто не знает. Но вдруг приезжает какой-то дяденька на мотоцикле с коляской. В коляске сидит большой мальчик. Судя по тому, какой он красный, ему сильно попало. Мальчик отдаёт пистолет. Мама убирает всё в коляску, и они возвращаются домой.

Папа всё ещё спит.

Лишай

Боря находит у забора кошку и тащит её домой. Ему интересно, почему она твёрдая и не мякает. Мама говорит, что кошка умерла, и велит Боре выбросить эту гадость в туалет, который стоит в конце двора. Боре не нравится этот туалет: там плохо пахнет и в дырке видна всякая дрянь. Боря не понимает, почему у них нет унитаза, как у бабушки.

Как только Боря избавляется от дохлой кошки, мама моет его в жестяном корыте прямо на улице, очень больно трёт вехоткой и мазет какой-то мазью. После этого она каждое утро внимательно осматривает голову Бори, а также кожу между пальчиками.

Потом они идут в медпункт. В медпункте работает соседка тётя Валя. Она говорит слово «лишай». Боря с мамой, Сашей и Пашей на специальной машине едут в город, в больницу. Там Борю стригут ручной машинкой налысо, переодевают в какие-то неприятно пахнущие вещи и увозят от мамы. Мама плачет. Боря не любит, когда мама плачет, и тоже начинает плакать.

В больнице

Боря в палате с большими ребятами. Они играют в настольный хоккей и разрешают ему смотреть и даже иногда дергать за рукоятки, двигающие хоккеистов. Вместе с ребятами Боря ходит в туалет, где они по очереди становятся на подоконник и смотрят на улицу: может, у кого-нибудь идут родители?

Боре нравится, что с ним водятся, и даже больничная еда ему нравится, он любит кашу. Только два момента заставляют его плакать по вечерам: это противная мазь на голову, которую замазывают сначала бумагой, а потом бинтами; и то, что нет мамы. Особенно ему грустно, когда звучит музыка перед последними известиями Всесоюзного радио.

Мама уехала

Неожиданно за Борей приезжает папа. Он привозит курточку, шапку, ремень и сапожки. На улице дождь. Они едут на милицмейской машине, но приезжают почему-то к бабушке. Бабушка обнимает Борю и плачет. Плачет и тётя Люда. Дядя Лёша сидит в своей комнате. Саша и Паша тоже у бабушки, но они не плачут, они сосут молоко из бутылочек.

Боре наливают суп с лапшой и куриными головами. Боре нравится вкус гребешков. Но Боре не нравится, что все плачут и нет мамы. И он спрашивает:

– Мама что – умерла?

Бабушка уходит с кухни. Люда отворачивается к окну. Папа, который тоже ест суп, говорит, что мама уехала. Боря представляет, что мама едет на «двойке», или «восьмёрке», или на других автобусах, названия которых он не знает.

Доев, папа надевает шинель и уходит на работу. Боря стоит в тёмном коридоре и слушает, как шуршит электросчётчик.

Диафильмы

Время идёт. Мамы по-прежнему нет. Папа договаривается насчёт детского сада, того самого, который через забор от их дома. Саша и Паша остаются пока у бабушки.

В детском саду интересно. Там много игрушек, кубики, аквариум с рыбками. Но больше всего Боря впечатляют диафильмы. Это целое приключение. Воспитательница Галина Викторовна устанавливает на столе фильмоскоп, пока нянечки завешивают окна. Ребята, которые побойчее, вскакивают со стульчиков и стараются попасть в луч, бьющий из фильмоскопа. От этого на стене появляются чёткие тени. Чем ближе к фильмоскопу, тем тень больше. Галина Викторовна вставляет в фильмоскоп специальную крутилку, и круглое пятно на стене становится квадратным. Тут даже самые неугомонные занимают свои места. Галина Викторовна вставляет плёнку, раздаётся волшебный скрип – и начинается кино. Пусть картинки, которые сменяют одна другую на желтоватой побелке стены, не движутся, но их яркость и размер примиряют Боря и с тем, что нет телевизора.

Арбуз

Боря прекрасно знает ассортимент сельпо. В одной витрине лежат пачки сливочного масла и маргарина, засохшая ливерная колбаса, бумажные стаканчики с ватой, обозначающие мороженое, и треугольные упаковки с молоком и кефиром. Всю другую витрину занимают фигурно вырезанные глыбы комбижира.

За прилавком стоят две продавщицы, похожие на кассиршу из хлебного магазина, только улыбчивые. За ними на полках пирамиды из шоколада «Аэрофлот», сигареты, бутылки с водкой и растительным маслом. На полу два алюминиевых бидона со сметаной, с потолка свисают ленты от мух. Иногда в дальнем углу громоздятся ящики с лимонадом или с яблоками.

Но вдруг в сельпо привозят арбузы. Боря узнаёт об этом случайно – тетя Валя, мама Вовки и Мишки Ябуровых из его группы, проходит мимо детского сада с арбузом в сетке. Весь день Боря только и думает, что об арбузе, и когда папа забирает его из сада, Боря просит арбуз.

Папе не хочется идти в магазин. Он даёт Боре пятьдесят копеек и разрешает самому купить арбуз. Папа думает, что идти по темноте в сельпо Боре будет страшно. Но Боря зажимает полтинник в кулачок и смело шлёпает от фонаря к фонарю к магазину.

Обычно в сельпо не протолкнуться, но Боря успевает почти к самому закрытию. В магазине никого.

– Тебе чего? – спрашивает продавщица.

– Арбуз.

– А где твоя сумка?

Боря понимает, что идти в сельпо без сумки было ошибкой. Но он не сдаётся.

– Буду катить! – и протягивает монетку.

Продавщица невозмутимо идёт к сваленным в огромную гору арбузам и вытаскивает такой арбузище, что Боре его, наверное, и не обхватить. Она укладывает арбуз на специальные напольные весы, двигает гирьку и говорит:

– Пятнадцать килограмм.

И протягивает Боре сдачу – пятачок.

На пять копеек можно сходить в клуб, на мультики. Но сначала нужно докатить арбуз домой. Боря подходит к своей покупке и понимает, что не сможет сдвинуть арбуз с места. Продащица насмешливо смотрит на него, стоя у двери, уже в сапогах и плаще.

Именно в этот момент в магазин забегает Инна – в грязных кирзовых сапогах, серых штанах, промасленной фуфайке и модной лыжной шапке, которую называют то «гребешок», то «петушок».

– Пачку «Астры», – просит она.

Продащица идёт за прилавок, достаёт красную пачку. В это время Боря подходит к старой знакомой и говорит:

– Инна, ты мне друг?

– Друг, – соглашается Инна.

– Донеси мне арбуз до дома.

Инна смотрит на арбуз и с уважением присвистывает. Она отдаёт продавщице деньги, прячет сигареты в карман фуфайки, и с видимым усилием поднимает арбуз.

Вместе с Борей они выходят на улицу. Вплотную к магазину стоит трактор Инны. Уже совсем темно, на землю вместе с дождём шлёпаются снежные хлопья. Инна кое-как впихивает арбуз под ноги, садит в кабину Борю, чертыхаясь перелезает через него, усаживается за руль и просит продащицу захлопнуть дверь трактора.

Двигатель заводится, загораются жёлтые противотуманные фары, Инна дёргает рычаги, и трактор срывается с места. Через пять минут они уже подъезжают к Бориному дому. Инна с грехом пополам вылезает из трактора, достаёт арбуз, потом Борю, и они вместе идут в дом. Им навстречу выскакивает папа – в майке, галифе и тапках. Видит Борю, Инну, арбуз, начинает извиняться, забирает арбуз, приглашает Инну зайти, но Инна отказывается – ей ещё трактор надо в сэхэтэ загнать. Папа говорит спасибо, Боря тоже говорит спасибо.

Инна уезжает. Боря с папой мнут арбуз во дворе, и дома оказывается, что арбуз спелый, и такой красный, что даже белый на месте среза. Боря съедает три куска, и наутро его постель мокрая.

«Сегодня в мире»

Осень быстро заканчивается, начинается зима. В детском саду готовятся к Новому году. Ребята разучивают танцы и песни. Боря танцует с Аллой. Танцевать ему не нравится, петь тоже. Ему нравятся костюмы медведя, волка и лисы, особенно их верхняя часть в виде головы. Но на Борю они не налезают. Поэтому дни в детском саду тянутся для Бори медленно. Он послушно отбывает время в садике, чтобы вернуться домой и посмотреть с папой телевизор.

Как-то вечером, во время просмотра программы «Сегодня в мире», папа отвлекается на телефонный звонок, и Боря остаётся у экрана один. Показывают, как в Хьюстоне, штат Техас, люди стоят в очередях за подарками, и вдруг Боря видит на экране маму. Её показывают всего несколько секунд, но Боря сразу узнаёт её лицо и походку. Мама переходит улицу, она сильно торопится.

– Мама! – кричит Боря. – Папа, мама в телевизоре!

Папа вбегает в комнату, но на экране уже политический обозреватель Валентин Зорин. Боря не перестаёт кричать, он подбегает к телевизору и начинает колотить по кинескопу:

– Мама! Там мама! Мама!

Боря в слезах пытается объяснить, что маму показывали по телевизору, но всякий раз после слова «мама» голос его срывается на визг, и все слова тонут с противным бульканьем где-то в груди. Папа берёт его на руки и качает. Боря засыпает.

Мама умерла

Утром Боря спрашивает у папы:

- А когда мама приедет из Америки?
- Почему из Америки?
- Маму показывали вчера, как она в Америке была.

Боря подробно рассказывает папе, что мама была с короткими волосами, без очков, в штанах и рубаше с широкими рукавами, у неё была большая сумка на плече.

Папа слушает, помогая Боре одеваться.

- Нет, Боря, тебе показалось. Мама не могла уехать в Америку.
- Почему?

Папа отвечает не сразу. Видно, что он не ожидал такого вопроса. Наконец, он говорит:

- Мама умерла.

Папа обнимает Борю, но Боря не плачет и не кричит, как вчера. Он не понимает, как мама может быть одновременно мёртвой и в Америке.

Они выходят на улицу. На улице холодно и темно. Лишь за забором ярко светятся окна детского сада. Сегодня утренняя.

Праздник

Праздничное настроение начинается ещё до завтрака. Галина Викторовна приносит в группу настоящую живую черепаху. Все забывают, что сегодня праздник, и толпятся возле аквариума, в котором уныло ест капустный лист коричневая сморщенная рептилия.

Интерес к черепахе у всех быстро проходит – даже за рыбками наблюдать интереснее, особенно когда им насыпают корм в маленькое плавучее колечко. Но Боря не сдаётся: в аквариуме стоит колесо, и ему интересно, когда черепаха в него залезет. Так пролетает время до обеда. После него ребята отправляются на тихий час.

Едва все просыпаются, начинается утренняя. Во время утренника Боря с нетерпением ждёт Деда Мороза, но он всё никак не появляется. Возможно, потому что на улице светло, а чудеса днём не происходят.

Вот уже станцованы все танцы и спеты все песни, а Деда Мороза всё нет. Галина Викторовна и нянечки начинают убеждать ребят, что это потому что на ёлке не горят огоньки. Все должны хором сказать: «Раз-два-три, ёлочка, гори!» Боря знает, что огни не горят, потому что вилка от гирлянды не воткнута в розетку, но послушно включается в игру, и когда гирлянда загорается, в группу действительно заходит Дед Мороз. Некоторые ребята от неожиданности начинают плакать, но Боря не верит, что это настоящий Дед Мороз. Настоящий Дед Мороз вряд ли будет говорить голосом воспитательницы старшей группы Татьяны Васильевны.

Дед Мороз водит с ребятами хоровод, стучит посохом, грозя заморозить, а потом вспоминает, что ему нужно спешить на следующую ёлку. Ребята прощаются, разочарованные отсутствием подарков. Кажется, Дед Мороз ненастоящий...

Вдруг оказывается, что подарки лежат под ёлкой, накрытые белой тканью. Подарки самые настоящие: в бумажном пакете лежат конфеты, шоколадка, яблоко и мандаринка. Боря знает, что всё съедать нельзя, поэтому ест только мандаринку. Остальное он убирает в свой шкафчик с одеждой.

Гирлянда горит на ёлке, но волшебного чувства всё равно нет: на улице всё ещё светло. Но Боря и не ждёт чудес. Он ждёт, что черепаха залезет в колесо.

Утро

Утром следующего дня в садик идти не нужно: выходной. Боря просыпается, когда на улице уже светло. Он не будит папу. Сам натягивает колготки и тёплые штаны, потом валенки. Кофту поверх майки он надевает, когда снизу уже совсем готов. Такое правило ему внушает папа: сначала нужно надеть штаны и обуться, а остальное уже потом. Кофта, пальто, ремень. Шапку Боря натягивает, уже одевшись. Он уже носит только одну шапку, а раньше приходилось поддевать тонкую вязаную шапочку с козырьком.

Полностью экипировавшись, Боря натягивает варежки, свисающие из рукавов, и выходит из дома.

Чтобы выйти из дома, нужно сначала отодвинуть задвижку на двери в коридоре. Для этого Боря должен встать на высокую узенькую ступеньку. Он едва дотягивается до щеколды, но уже справляется. Дверь на себя, и теперь нужно со ступеньки соскочить. Когда дверь распахивается, можно войти в тамбур и открыть дверь на веранду. Её нужно толкать. Когда дверь на веранду открыта, нужно закрыть первую дверь. Для этого на ручку там привязана маленькая верёвочка, пояс от маминого халата. Боря тянет за верёвочку, и дверь захлопывается. Он выходит на веранду, где всегда холодно, и захлопывает вторую дверь.

Теперь нужно решить, санки взять или деревянную лопатку. Если окна затянуты морозными узорами, как сейчас, то снег не липкий, и из него ничего не построишь. Надо брать санки.

Будка

Как только Боря оказывается на улице, за забором начинает лаять Тобик, старый соседский пёс. Боря не боится Тобика, он много раз его гладил и знает, что эта собака не кусается.

– Тобик, фу! – говорит Боря, вытаскивая санки на крыльцо.

Тобик ещё пару раз негромко гавкает и прячется в свою тёплую будку. Боря это не видит, он спускается по замётённым ступенькам во двор, но думает о Тобике, как ему живётся в будке. И вдруг вспоминает про будку в их собственном дворе, ту самую, в которой мама хранит чемодан с книгами, тетрадками и фотографиями космонавтов.

Боря бросает санки и смотрит в сторону будки. Просто так до неё не добраться – весь двор занесён снегом, только к калитке и сараю ведут узкие дорожки, да к садику через забор натоптали тропинку. Боря возвращается на веранду и берёт лопатку.

Он ожесточённо копает снег в сторону будки, потом устаёт и начинает ползти по сугробу. Когда он доползает, становится понятно, что без лопатки внутрь не попасть. Он возвращается за лопатой, снова ползёт к будке, кое-как прокапывает дыру в толще снега и с трудом втискивается внутрь.

В будке сумрачно и холодно. Боря сидит на деревянном заснеженном полу и смотрит туда, где раньше стоял чемодан.

– Ты что там делаешь? – доносится снаружи папин голос.

– Чемодан ищу, – отвечает Боря.

– Какой чемодан?

– Мамин. С космонавтами.

– Нашёл?

– Нет.

– Вылезай.

Боря вылезает из сугроба, папа вытаскивает его из дыры и тащит домой. Только дома Боря понимает, что замёрз.

– Что за чемодан? Какие космонавты? – спрашивает папа.

Боря рассказывает об открытках, а заодно о маминых тренировках, о книгах и тетрадках. Папа сердится и говорит, что этого никогда не было. А потом вдруг говорит, что для Бори есть подарок.

Через минуту он приносит ему новенькую книжку, большую, блестящую, зелёного цвета. На обложке пушка с большими колёсами, из дула которой торчат ноги в старинных сапогах. Боря уже смотрел мультики про барона Мюнхгаузена и понимает, про что эта книжка. Он радостно кричит:

– Мюнхаузен! – и начинает смотреть картинки ещё до того, как окончательно освобождается от штанов, кофты и колготок.

Толстой

Сегодня Новый год. В большой комнате между печью и шкафом накрывают раздвижной стол. Папа ещё на работе, так что еду расставляют Лёша, Люда и бабушка. Боря играет с Сашей и Пашей.

Саша и Паша уже давно умеют сами вставать на ножки, но ходят пока только вдоль дивана или кровати. Хоть они и ляльки, но Борю узнают и радуются его появлению.

Сейчас Саша с Пашей внимательно смотрят, как Боря крутит пальцем по своей ладошке и говорит:

– Сорока белобока, где была далёко, кашу варила, деток кормила, этому дала, этому дала, этому дала, этому дала... – Боря по очереди загибает пальцы от мизинца до указательного, а потом грозит большому пальцу: – А ты, толстой, у ворот постой, мало-мало постоял и ещё постой.

Малыши повторяют за Борей. У Паши уже почти получается, а у Саши средний и указательный пальцы всё время норовят разогнуться. Боря помогает ему держать пальчики. Все довольны собой и друг другом.

Единственное, чего Боря не понимает, почему «толстому» не дают поесть, если он маленько постоял у ворот. Борю тоже дразнят за его полноту. Но он не жалуется. Жаловаться некрасиво.

Желание

Сначала засыпают Саша и Паша. После вечерней сказки начинает засыпать и сам Боря. Его уносят в Лёшину комнату (они спят в одной постели). Здесь, как и дома, есть волшебное чувство: светится зелёным включённая радиолка с отключенным звуком, мерцают фосфором стрелки будильника. Если на улице проезжает машина, по всей комнате пробегает таинственное светлое пятно. Боря засыпает.

Просыпается он тогда, когда рядом ложится Лёша.

– Уже можно желание загадывать? – спрашивает Боря.

– Можно, – разрешает Лёша. – Только никому нельзя говорить, иначе не сбудется.

Боря изо всех сил зажмуривается и загадывает.

Некоторое время они лежат в полной тишине, потом Лёша говорит:

– С Новым годом.

– С Новым годом, – серьёзно отвечает Боря.

Три года

Проходит три года. В этот период вмещаются олимпиада в Москве и покушение на папу римского, Фолклендская война, Продовольственная программа и смерть Леонида Ильича Брежнев-

ва, «Миллион алых роз», ракеты «Першинг» в Европе и визит в Советский Союз американской школьницы Саманты Смит.

Лёша уходит в армию и возвращается. У бабушки внезапно появляется дедушка Женя, а потом так же внезапно исчезает. Лёша женится на Марине. Люда уезжает в Петропавловск-Камчатский, а через год возвращается с маленькой Лялей.

Боря уже в подготовительной группе, в январе ему исполнилось семь лет, у него есть друзья, с которыми он скоро пойдёт в первый класс. Он знает про Ленина, революцию, гражданскую войну, Великую Отечественную войну и Гитлера. Боря видит, как режут свинью и сворачивают голову курице. Папа на глазах Бори убивает старого Тобика из ружья.

В доме Воробьёвых часто бывает Инна. Она помогает по хозяйству: готовит, делает уборку, купает Сашу и Пашу, стирает и гладит. Папа платит ей за это деньги. Бабушка и Люда не любят Инну и постоянно напоминают Боре, что она ему не мама. Боря не понимает, почему он должен считать Инну мамой. Инна берёт его в поле и на ферму, подсаживает на черёмуху и смеётся, если Боря шутит. Инна – его лучший друг, и она всегда готова выделить ему несколько минут.

Но про маму Боря всё равно не забывает. Всякий раз, приезжая к бабушке, он достаёт из тумбочки портфель, в котором кучей свалены все фотографии «лубенниковской породы», как говорит бабушка, и смотрит на маму. На школьных фотографиях она всегда сердитая и стоит с краю.

Лето

В начале лета, после прощания с детским садом, Боря предоставлен самому себе. Боря представляет себя как совсем взрослого. Он умеет читать, писать, считать до ста, смотрит новости и образовательные передачи. Боря вообще очень самостоятельный: отводит и забирает из детского сада братьев, ходит в магазин и в пекарню, в лес за грибами, в баню мыться. Инна может поручить ему даже унести документы в контору – Боря понимает серьёзность государственной службы и исполняет поручения точь-в-точь.

Уходя на работу, папа оставляет ему пятьдесят копеек. На эти деньги Боря ест в колхозной столовой вместе с механизаторами.

Он пробует курить, за что получает ремня. Он пробует пить, и тоже получает ремня. Вместе с другом Пашкой Смирновым он раздевает маленькую девочку, чтобы узнать, что скрывается под трусиками. Их ловит за этим занятием бабушка девочки.

Скандал на всю деревню. Во время разбирательства Боря и Пашка валят вину друг на друга. Их никто не слушает. Борю лупят крапивой, Борю лупят ремнём, Борю неделю не выпускают из угла, а потом пол-года он сам не показывается на улицу от стыда.

Стыд

Инна смотрит на Борю, как ему кажется, с жалостью и брезгливостью, и некоторое время живёт у Воробьёвых дома. В одну из августовских ночей Боря не выдерживает этих взглядов и бежит из дома. Дорога в город одна, заблудиться он не боится. Он успевает пройти пять километров, как его догоняет на мотоцикле Инна.

– Далеко собрался? – спрашивает она.

Боря с рёвом бросается прочь. Инна настигает его и прижимает к себе. Боря вырывается и продолжает блажить на весь лес. Инна разбирает сквозь истерическое бульканье «мамочка, я больше не буду, мама, вернись». Инна продолжает обнимать Борю, пока он не сдаётся, окончательно обессилив. Инна целует Борю в мокрые солёные глаза, велит садиться за спину и крепко держаться. Они возвращаются домой.

Через день после побега Инна отправляет Боря в магазин. С ним опять приключается истерика, но Инна очень просит, и Боря подчиняется. Он идёт в сельпо и ему кажется, что все показывают на него пальцами.

В магазине очередь. Боря топчется на пороге, не решаясь зайти, но в это время воспитательница из подготовительной группы Александра Георгиевна, подойдя сзади, говорит:

– Ты последний?

Боре не остаётся ничего другого, как согласиться и войти внутрь. В магазине на него не обращают никакого внимания. У прилавка он просит пол-литровую банку сметаны и сигареты. Продащица тётя Рая берёт из рук Бори банку, снимает тугую крышку, достаёт оттуда рубль, наливает в банку жидкую, как кефир, сметану, закрывает банку, вытирает её влажной тряпкой, кладёт рядом пачку «Астры» и сдачу. Боря суетливо запикивает покупки в сумку, забирает сдачу и бежит домой.

По дороге он думает, что Инна как-то заставила всю деревню его простить. Но засыпая, он всё время вспоминает, как его стегают крапивой и как смотрит на него Инна. И понимает, что его никогда не простят.

Он первый и не простит.

Первое сентября

У Бори большой лаковый портфель зелёного цвета, к которому цепляются чёрные лаковые же ремни, чтобы можно было носить как ранец. Синяя форма с алюминиевыми пуговицами на пиджаке и пластмассовыми, на четыре дырочки – на штанах. Рубашка – белая, ботинки коричневые. Букет из астр, георгинов и гладиолусов Инна нарезает рано утром, перед тем как уехать на работу.

Инна уже не трактористка, она – механик в гараже СХТ, что расшифровывается как сельскохозяйственная техника. Она продолжает гонять на мотоцикле, учится в институте, и Боря слышал, как кто-то говорил, будто Инка директором стать хочет. Боре кажется, что Инна будет хорошим директором.

Боря отводит Сашу и Пашу в садик, помогает им переодеться. Нянечка Надежда Ильинична и воспитательница Тамара Ивановна поздравляют его с первым сентября, Боря благодарит и быстрее бежит домой за портфелем и букетом.

Школа стоит почти на самом краю Шишей. Чтобы туда попасть, нужно пройти мимо двух детских садов – один для младшей и старшей групп, второй – для подготовительной. Потом сараи, сельпо, памятник героям гражданской войны, сельский клуб, ясли, и сразу за ними – школа.

Это большое одноэтажное кирпичное здание, похожее на букву П. Вход в школу украшает транспарант «Добро пожаловать!» Здесь уже полно народу, но взрослых немного – сегодня четверг, все работают. Есть несколько мам, у которых смена начинается с двенадцати, бабушек, но большая часть ребят пришли одни.

– Первый бэ! – громко объявляет женщина в строгом костюме. – Стройся!

Боря сперва её не узнаёт, а потом понимает, что это – мама Генки Уварова, Зоя Михайловна. Она будет их учительницей.

У Зои Михайловны короткая стрижка, улыбчивое лицо, немного хриплый низкий красивый голос, и очки, которые на солнце становятся тёмными, а в помещении – прозрачными. Она очень бережёт эти очки и надевает только по торжественным дням.

В первом «б» будут учиться почти все ребята из Бориной группы в детском саду. Они послушно строятся парами. Боря рядом с Генкой. С Пашкой Смирновым они после того случая боятся даже глазами встречаться.

Зоя Михайловна ведёт свой класс на линейку. Линейка проходит на улице, между выступающими крыльями здания. Игрет песня «Учат в школе», все классы выстраиваются по старшинству – от десятого до двух первых. Когда песня стихает, из группы учителей выходит директор, Дмитрий Сергеевич Доможирский. Это высокий мужчина, похожий на Якова Свердлова из кино – в кожаном чёрном пиджаке, с длинными чёрными волосами, зачёсанными назад, в узких прямоугольных очках, и весь какой-то совсем недеревенский. Он здоровается со всеми, поздравляет с началом учебного года, выражает надежду, что в этом году, как и в прошлом, шишовская школа покажет высокий уровень подготовки как в учёбе, так и в военно-спортивных мероприятиях, потому что на нас смотрит партия и правительство. При этих словах Боря незаметно поднимает глаза в пасмурное небо. Он знает, что есть специальные спутники, которые фотографируют то, что происходит на земле. Интересно, а в помещениях как партия и правительство смотрят?

После директора выступают первоклашки. Ксюша Аистова и Генка Уваров громко читают стихи с выпускного утренняя. Все аплодируют. Десятиклассник Прихватов Александр, отличник и спортсмен, усаживает Ксюшу себе на плечо, и она радостно звенит большим медным колокольчиком. Под песню «Дважды два – четыре» первый «А» и первый «Б» уходят с линейки в свои классы на свой первый урок – урок мира.

Класс

Сначала Зоя Михайловна показывает раздевалку, расположенную у входа, и вешалки для первых классов. Обогнув раздевалку, бэшки сворачивают направо и попадают из правого крыла в центральную часть школы. Слева – кабинет директора. Тут стена выложена разноцветными стеклянными блоками. Направо – уходящая почти за горизонт перспектива коридора со множеством белых дверей вдоль салатово-зелёной стены. Дверь с надписью «ГБ» – вторая после кабинета директора.

Зоя Михайловна отпирает дверь и впускает всех внутрь.

Боря смотрел много фильмов про школу, и он ожидает, что сейчас увидит парты с откидывающимися крышками, чучело совы на учительском столе, огромный глобус в углу, аквариум или клетку с попугаем на подоконнике... Но ничего этого нет. Класс – это просто большое помещение, как и группа в детском саду, и парты – это простые столы, за которыми не скамьи, а стулья. И шкафы в классе скучные, и пол, и потолок, и дверь... Но главное разочарование Бори – доска. Она не чёрная, а коричневая.

Урок мира

Ребята заваливают Зою Михайловну цветами. Цветов так много, что двух ваз не хватает. В углу стоит большое оцинкованное ведро. Именно туда Зоя Михайловна заботливо и даже нежно ставит все букеты – астры, гладиолусы, георгины, флоксы, садовые ромашки... Теперь нужно добавить цветам воды.

– Боря, – обращается Зоя Михайловна к Боре. – Сейчас выйдешь из класса, и направо по коридору до конца, потом снова направо, там в конце коридора туалет. В туалете раковина, под раковиной – ведро. Набери в него воды, примерно столько, – Зоя Михайловна показывает пальцами, сколько. Примерно два спичечных коробка.

Боря выбегает за дверь и во весь опор мчится исполнять поручение. Вернее, ему хочется, чтобы это выглядело, будто он мчится, но Боря знает, что он пухлый, и потому бегает смешно. Уже на середине коридора ему не хватает воздуха, и он переходит на шаг.

На стенах между классами висят стенгазеты, наглядная агитация по гражданской обороне, газета «Пионерская правда» под стеклом, рядом – фотография американской девочки Саманты Смит в пионерской форме. Боре нравится Саманта Смит. Он хочет написать ей письмо.

Но думать о письме пока некогда. Боря идёт дальше. Коридор сворачивает налево. В левом крыле стоит сумрак, а в конце его виден прямоугольник двери. Это туалет. Пахнет свежей краской и хлоркой.

Боря заходит в туалет. Тут всё выкрашено рыже-коричневой половой краской, не только пол, но и бетонные перегородки между кабинками, и даже стены (правда, не до потолка, а только до середины). Окно в туалете распахнуто настежь, за ним видны желтеющие липы и совсем жёлтые акации.

Под металлической раковиной стоит старое оцинкованное ведро. Оно не очень большое, такое, чтобы свободно помещаться между раковиной и латунным носиком крана с керамическим барашком. Боря ставит ведро в раковину и открывает кран. Вода начинает бить в дно широким веером.

В это время в окно туалета по очереди влезают трое старших ребят, по внешнему виду – настоящая шпана: мятые нестиранные штаны, несвежие рубашки, грязные нечёсанные волосы. Это удивительно, потому что сегодня же праздник, как можно прийти в школу в таком виде? Боря не знает этих троих, хотя несколько раз видел издали.

Трое, ругаясь самыми грязными словами, отряхиваются и замечают Бору.

– О, Кирия, гляди – мильтонский сын, – говорит один из них, в клетчатой рубашке. У него очень белые волосы, причём брови и ресницы тоже. Он достаёт из кармана окурок сигареты и сунёт себе в рот. – Серый, дай чиркало.

Серый, у которого даже не школьные брюки, а коричневые, под цвет стен, трико с пузырями на коленях, выцветшая синяя рубашка с закатанными рукавами, загорелый, с выцветшими кончиками волос, достаёт из нагрудного кармана спички.

В это время рыжий Кирия, самый невысокий, и самый, наверное, прилично одетый – на нём школьный костюм, хотя и явно не новый, и даже белая рубашка, но с пятнами и грязным воротником, подходит к Боре и толкает.

– Чё, жирный, учиться пришёл? Ну-ка, скажи – «монгол татарских ханов».

Серый и белобрысый смеются. Не весело, а обидно и опасно. Боря забивается в угол, рядом с раковиной.

– Деньги на обеды принёс?

Деньги – один рубль восемьдесят копеек – лежат в нагрудном кармане школьного пиджака. Боря понимает, что сейчас у него их отнимут.

– Доставай.

Боря мотает головой. Кирия оборачивается к белобрысому:

– Гильза, он не даёт.

Вместо Гильзы отвечает Серый:

– А я вот сейчас с него штаны спущу, как он с мешковской девки, и в окно выкину.

Боря сползает по стене под раковину. Там стоит грязный тощий веник, пластмассовая бутылка «Белизны» и совок из толстой жести. Боря хватает его обеими руками.

– Тащи его, ребзя, – говорит Серый, и все трое пытаются достать Бору.

Чувствуя, что сейчас с ним сделают то же самое плохое, что он сделал с маленькой девочкой Мешковой, Боря начинает молча лягаться, а когда это не помогает – замахивается совком. И тотчас попадает в глаз Гильзе.

– А! – кричит Гильза.

– Ты чё, псих?! – испуганно шепчет Кирия. – Ты чё, псих?! Ты ему глаз выбил!

Серый вообще выпрыгивает в окно, как будто его здесь не было.

– А! – из-под правой руки Гильзы, которой он держится за глаз, обильно льётся кровь. Он сидит на корточках, раскачивается из стороны в сторону и не прекращает орать. Кирия бежит по туалету, ругая Борю, и не знает, что предпринять. Боря выключает кран и выходит в коридор. Там он видит запыхавшегося Генку Уварова.

– Борька, ты утонул?

– Нет. Тут человек ранен.

У директора

Боря стоит у двери, голова вниз. Он пока ещё не в кабинете, а только в приёмной. У окна за столом сидит секретарша Ираида Романовна. Она не смотрит на Борю, а тюкает по клавишам огромной печатной машинки.

Дверь в директорский кабинет плотно закрыта, но время от времени оттуда доносится голос Кири. Боря слушает его со странным чувством: одновременно ему хочется спать, плакать и кричать.

Наконец дверь открывается. Выходит Кирия, весь в слезах, злобно смотрит на Борю и садится на стул. Вслед за ним в приёмную выглядывает директор.

– Воробьёв Борис? – обращается он к Боре.

Боря кивает.

– Проходите.

Боря проходит в кабинет директора. Тут светло: горит люстра, свет отражается от двух побеленных стен, на большом окне только тюлевая занавеска, а вот стены из стеклянных блоков почти не видно, потому что вдоль неё стоит большой шкаф со множеством дверок. Зоя Михайловна сидит у окна в кресле.

Директор показывает Боре на стул рядом с Зоей Михайловной. Боря покорно садится.

– Итак, Борис, вы, наверное, понимаете, почему здесь находитесь, – говорит директор. – Почему вы это сделали?

– Я защищался, – тихо отвечает Боря.

– Говори громче, – говорит Зоя Михайловна.

– Я защищался, – повторяет Боря во весь голос.

– Железным совком? – удивляется директор. – Вы же могли убить его.

– Я хотел, чтобы они отстали, – говорит Боря. – Они первые начали.

– А вот Кирилл Сёмин говорит, что вы первый начали.

Что возразить на это, Боря не знает.

– Давайте по порядку: что вы делали в туалете?

Боря рассказывает всё, вплоть до момента как за ним прибежал Генка. Директор и Зоя Михайловна слушают, не перебивая. Когда Боря заканчивает, директор складывает свои длинные тонкие пальцы в замок.

– А по-другому никак нельзя было? – спрашивает он. – Закричать, на помощь позвать...

– Дмитрий Сергеевич, все же на улице были, – говорит Зоя Михайловна. – А он один против троих...

– Сёмин про третьего ничего не говорил. Как его звали?

– Серый, – отвечает Боря.

– Наверное, это Иванов Сергей, – объясняет Зоя Михайловна, – одноклассник Гилёва, они всё время вместе...

– Да знаю я их всех, Зоя Михайловна, вот они у меня все, – Дмитрий Сергеевич с едва заметным раздражением стучит пальцем по стопке бумажных папок на столе, – и Сёмин здесь,

и Гилёв, и Иванов, и Данилин, и Щетилин, которого все Селёдкой зовут. Делать-то мне что? Пострадавший-то в результате не Борис Воробьёв, который у нас и дня ещё не проучился, а Гилёв! А Борис с самого первого дня у нас отличается поступком, который трудно назвать достижением!

Зоя Михайловна хочет что-то ответить, но в это время в приёмной слышится возмущённый голос секретарши, и в кабинет директора с криком «Где он?» врывается Инна. Следом за ней бежит Ираида Романовна.

– Здравствуйте, – говорит Инна, увидев Борю.

– Здравствуйте, – невозмутимо отвечает директор. – Вы по какому вопросу?

– Я пришла забрать этого хулигана, – говорит Инна и кивает на Борю.

– Вот как... – говорит директор. – А вы кто?

– Трошкова я, Инна Павловна. Я ему вроде няни.

– Инна Павловна... – начинает директор, но в это время вмешивается Зоя Михайловна.

– Дмитрий Сергеевич, пусть Инна забирает Борю, он нам всё равно уже не нужен, правда?

Директор обменивается с Зоей Михайловной взглядами – и кивает.

– Да, мы вас больше не задерживаем.

Домой

Не давая забрать портфель из класса, Инна тащит Борю за собой. Она так сильно сжимает ему руку, что Боря невольно начинает вырываться.

– Мне больно, – говорит он.

– Тебе больно? – задыхается от возмущения Инна. – А Славке Гилёву не больно? Он без глаза остаться может! Ты почему башкой-то своей не думаешь ничего?! Как я его матери-то в глаза теперь смотреть буду?

Боря понимает, что усложняет жизнь Инне. Он не хочет, чтобы ей было плохо. Он вообще никому не хочет делать плохо. Боря не знает, как сказать об этом. Поэтому он вкладывает свою ладонь в ладонь Инны, и помогает сжать сильнее. Они идут уже не так быстро.

Когда до дома уже рукой подать, Инна отпускает Борю одного – ей нужно работать. Боря желает ей плодотворно потрудиться. Инна смеётся и уходит.

Подпол

На часах нет ещё даже одиннадцати часов. Боря снимает школьную форму, надевает домашние штаны и футболку. Всё это время он думает о том, что произошло в школьном туалете. Вспоминает девочку Мешкову, у которой он до сих пор даже имени не знает. Вспоминает кровь, стекающую по лицу Гильзы. Борю вновь накрывает с головой чувство стыда. Ему кажется, что все смотрят на него с улицы. Боря задергивает шторы во всех комнатах, закрывает двери, но этого кажется мало.

Взгляд его падает на люк в полу рядом с батареей. В доме два подпола: один – под кухней, там хранится картошка, банки с вареньем, хреновой закуской и солёными огурцами, а второй – в большой комнате, рядом с телевизором, но там ничего не хранится, там трубы отопления. Когда они только переехали, Боря нечаянно туда упал, когда люк был открыт. С тех пор, вот уже почти четыре года, Боря очень неуютно чувствует себя рядом с этой крышкой, и старается не подходить сюда без надобности. Но сейчас именно этот люк кажется ему самым надёжным укрытием ото всех.

Боря достаёт ножницы и поддевает ими край люка. Едва крышка подаётся настолько, что её можно поднять руками, Боря сдвигает её в сторону и смотрит вниз. Он видит неглубокий, с папу

ростом, колодец, в котором торчат из земли влажноватые трубы с вентилями и без. Боря упирается руками в пол и аккуратно вползает внутрь.

Между колодцем, который криво выложен красным кирпичом, и полом есть пространство. Саша и Паша, наверное, могли бы встать там в полный рост, а у Бори получается передвигаться только на четвереньках. Он ползёт под лагами пола всё дальше и дальше от люка, в темноту, пока не наткнется на какую-то коробку.

Боря ждёт, пока глаза привыкнут, но источник света слишком далеко, и разглядеть, что это за коробка, не получается. Любопытство берёт верх над стыдом, и Боря начинает тащить коробку туда, откуда только что приполз.

Чемодан

Коробка тяжёлая, на ощупь гладкая, но вся в мелких неровностях, будто из кожи. И уже на грани видимости Боря понимает, что это чемодан, и даже различает чёрную пластмассовую ручку.

Он подтаскивает чемодан почти к краю колодца, щёлкает замочками и открывает его, понимая, что сейчас увидит внутри.

В чемодане лежат книги. «Теоретическая механика», «Сопроотивление материалов», «Программирование и ЭВМ», «Задачи по физике и методы их решения», «Прикладная физическая оптика», «Основы кибернетики», «Электрорадиоизмерения», «Слесарное дело», «Электротехника», «Механика космического полета», «Курс электронavigационных приборов». Куча толстых тетрадей в дерматиновых обложках, исписанных от корки до корки аккуратным мелким почерком. Набор открыток «Космонавты мира». Ручной эспандер. Логарифмическая линейка.

Боря сидит над раскрытым чемоданом в подполе, смотрит на корешки книг и гладит тетрадки. За этим занятием его и застаёт Инна.

– Боря, ты что здесь делаешь? Что это у тебя? Как ты вообще умудрился...

Боря смотрит из подполья на Инну и говорит:

– Мама умерла.

Боря берёт себя в руки

Инна вытаскивает Борю и чемодан. Она отпаивает Борю чаем с вареньем и укладывает спать. Боря просыпается, только когда Саша и Паша шумно спорят, чья очередь кататься на велосипеде, том самом, на котором маленький Боря съезжал по лестнице. Это вызывает у Бори новую волну слёз. Вслед за братом голосить начинают Саша и Паша. Инна стоит посреди комнаты, не зная, к кому бежать. Но рёв близнецов неожиданно приводит Борю в себя. Он соскакивает с дивана и начинает обнимать братьев и говорить, что всё хорошо. Инна опускается на колени и обнимает всех троих. По её лицу тоже катятся слёзы.

Постепенно все успокаиваются. Саша с Пашей вновь начинают делить велосипед. Боря велит Паше ехать от двери до окна, а Саше – от окна до двери. Близнецов это устраивает. Инна садится рядом с Борей на диван.

– Ты мне расскажешь? – спрашивает она.

Боря начинает с того, что чемодан раньше стоял в собачьей будке, а потом исчез.

Ссора

Папа возвращается ещё до того, как Инна уходит. Она рассказывает ему всё, что произошло – и происшествие в школе, и про чемодан в подполе. Папа воспринимает всё на удивление хладнокровно.

– Ты собираешься что-то делать? – спрашивает Инна.

Они с папой давно говорят друг другу «ты».

– Зачем? – отвечает папа.

– Ему прохода в школе не дадут. Ты, в конце концов, участковый, разберись как власть, если как отец не хочешь!

– Меня переводят, – говорит папа. – В Лопаево.

– Как? – слегка теряется Инна. – Когда?

– Приказ уже готов, на следующей неделе можно переезжать.

Неожиданно папа берёт Инну за руку и притягивает к себе:

– Поехали с нами, – говорит он и пытается поцеловать Инну.

Инна отпихивает папу:

– Ты дурак, что ли?! – громким шёпотом говорит она. – Да ещё и при ребёнке...

Папа сердито смотрит на Боря:

– Выйди отсюда, здесь взрослые говорят, – говорит он.

– Нет, – говорит Инна. – Боря, проводи меня до калитки.

Боря быстро прыгает в чоботы, как называет бабушка резиновые сапоги с обрезанными голенищами.

– Инна, ну ладно тебе, – смягчается папа. – И так уже вся деревня думает...

– Вот мне вообще всё равно, что там вся деревня думает, – отвечает Инна, обуваясь. – А ты, небось, и рад, что слухи, да?

– А ты думаешь, механиком стала, потому что умная такая, что ли? – усмехается папа.

Инна резко выпрямляется. Боря чувствует, что от неё сейчас искры полетят.

– Вот что... Виктор Николаевич... неделю за ребятами я, так и быть, пригласжу, но только когда вас дома не будет, ясно? Бельём занимайтесь сами. Борис, идём.

У калитки

На улице пока ещё по-летнему тепло, и невидимое уже солнце всё ещё подсвечивает тучи малиново-розовым, отчего небо похоже на пенку от варенья.

– Боря, я могу с тобой как со взрослым человеком поговорить? – спрашивает Инна.

Боря кивает.

– Боря, твоя мама не умерла. Я не знаю, где она, но она точно не умерла.

– Но папа говорил...

– Что?! – вспыхнула Инна. – Что он сказал?

– Что она умерла.

– Вот ведь... Вот ведь... – кажется, будто Инна что-то потеряла и не может в сумерках отыскать. – Боря, когда люди умирают – их хоронят. Или хотя бы выдают бумагу, что человек умер, если хоронить нечего. Я точно знаю, что такой бумаги твоему папе никто не давал. А пока такой бумаги нет – верь, что мама живая. Просто заболела, или уехала куда-то далеко...

– В Америку? – спрашивает Боря.

– Почему в Америку? – удивляется Инна.

Боря рассказывает, что видел маму по телевизору. Инна смотрит на Боря со странным выражением лица: не то с испугом, не то с восхищением.

– И ты помнишь всё это?

– Помню... Инна, а можно я буду тебе письма писать?

Инна наклоняется к Боре и целует его в глаза:

– Только попробуй не писать, – говорит она. – Только попробуй.

Инна выходит на улицу и запирает за собой калитку. Боря машет ей вслед.

Утро

Утром Боря встаёт по звонку будильника, будит Сашу и Пашу, одевает их, одевается сам, провозжает братьев в садик и отправляется в школу. По пути ему встречается Пашка Смирнов. Он, видимо, специально ждёт Борю.

– Гильзу в больницу увезли, – говорит он. – У него глаз вытек.

Известие это почти не трогает Борю. И он говорит, что скоро уедет.

– Куда? – расстраивается Пашка. – Когда?

– На следующей неделе, – отвечает Боря. – В Лопахино, кажется. Или Лопатино. Это рядом с городом.

– И что теперь? Всё?

– Наверное, всё, – пожимает плечами Боря.

– Ну и едь в своё Лопатино, – обиженно говорит Пашка. – Козёл твоя фамилия.

И убегает.

Боря не обижается. Он думает о вчерашнем разговоре с Инной. В голове Бори складывается план, как найти маму. Боре кажется, что это очень хороший план.

Он идёт и не обращает внимания, что все смотрят в его сторону.

Первый урок

Боря приходит в класс одним из самых первых. Его портфель ждёт его там, где он его вчера оставил – на первой парте.

– Здравствуйте, – говорит он Зое Михайловне.

– Здравствуй, – говорит она так, будто ничего вчера и не произошло.

– А куда можно сесть?

– Пока садись там, где хочешь, потом я вас пересажу.

Боря садится за первую парту и сидит там неподвижно до тех пор, пока не звенит звонок.

Звонок – тоже разочарование. Это пронзительное дребезжание магазинной сигнализации, а не звонок. В представлении Бори звонок – это вчерашнее торжественное шествие отличника Прихвотова Александра с Ксюшей Аистой на руках, и чтобы Ксюша держала в руках тяжёлый медный колокольчик с красивым глубоким звуком.

– Садитесь, – говорит Зоя Михайловна, едва ребята вытянулись рядом со своими партами. Когда все рассаживаются, она продолжает:

– Наверное, все вы знаете, что вчера у нас случилось чепз. Чрезвычайное происшествие. Из-за этого нам пришлось изменить порядок дня. Однако традиции нарушать нельзя, поэтому я попросила у директора разрешения вместо урока чтения провести урок мира сегодня. Все согласны?

Согласны все. И Зоя Михайловна рассказывает о ядерной войне, о том, что существуют такие бомбы, которые убивают только живое, а все строения оставляют целыми, что враги Советского Союза только об этом и мечтают.

Рассказ Зои Михайловны настолько красочный, что Ксюша Аистова и Наташа Журавлёва начинают плакать. Зоя Михайловна тут же говорит, что не все иностранцы плохие, и что даже в Америке есть борцы за мир, например – Саманта Смит.

Это немного успокаивает девочек, и в этот момент Боря поднимает руку:

– Что такое, Боря? – спрашивает Зоя Михайловна.

Боря по фильмам знает, что с места отвечать нельзя, поэтому он встаёт и говорит:

– А давайте напишем письмо Саманте Смит!

В классе начинается смех, но Зоя Михайловна серьёзна.

– Это хорошее предложение, – говорит она. – Но, чтобы написать письмо, нам нужно сначала выучить буквы, а потом научиться писать без ошибок. А в конце учебного года, перед каникулами, мы с вами сядем, и каждый напишет несколько строк. Договорились? Вот и хорошо. Садись, Боря, молодец!

Боря садится на место абсолютно несчастным. Он не может ждать конца учебного года. Может, к этому времени Саманта Смит забудет поездку в Советский Союз и не будет читать письмо от первоклассников шишовской средней школы. А может наоборот – все советские школьники завалят её письмами, и несколько Бориных строк потеряются в этой лавине дружеских посланий.

В коридоре дребезжит звонок на перемену.

Прощание

Проходит неделя. В назначенный день папины друзья из шишовского пожарного отделения помогают загрузить в грузовик вещи. Боря хочет забрать чемодан с маминими книгами, но папа против. По счастью, Лёша, который приехал помочь с переездом, обещает забрать чемодан к бабушке.

Боре хочется, чтобы шёл дождь, или происходило хоть что-нибудь, чтобы люди могли запомнить день, когда он уехал из Шишей навсегда. Но, хоть небо и серое, дождя нет. Боря понимает, что если кому-то и грустно сейчас от того, что он уезжает, то это Инна, которая сейчас на работе. Он уедет, а здесь ничего не изменится. Даже когда Леонид Ильич Брежнев умер, ничего не изменилось, а Боря вообще какой-то деревенский мальчик, и никто не заметит, что его нет...

– Ты что – плачешь? – спрашивает Боря Пашка Смирнов.

Боря оборачивается. У дома стоят все ребята из его класса. Предательские слёзы льются уже не переставая. Его хлопают по плечам, успокаивают, девочки суют в карманы карамельки. Все обещают ему писать.

– Боря, закругляйся, – говорит папа.

Боря помогает залезть в красную пожарную «буханку» Паше, и сам залезает в салон. Папа сажит к нему Сашу и захлопывает дверь. «Буханка» прогазовывает пару раз, сигналист, чтобы школьники отошли на безопасное расстояние. Ребята машут руками Боре. Боря машет ребятам. Ему кажется, что он умирает.

«Буханка» вырывается на главную дорогу, и водитель поддаёт газу. Боря смотрит сквозь пелену слёз, как мимо проезжают сельпо, памятник, клуб, школа, пекарня. Шиши заканчиваются, начинается лес. Небо расчищается, показывается солнце. Боря оборачивается и смотрит, как деревня скрывается за пригорком.

Папа беззаботно болтает с водителем дядей Колей. Смеётся папа очень заразительно. Саша и Паша не понимают его шуток, но сразу заливаются со смеху. Боря не хочет смеяться. Он закусывает губы, щиплет руку, смотрит в пол и пытается вспомнить всё самое горькое и обидное в своей жизни, но отчего-то ничего не приходит на ум. Боря пытается думать о маме: вдруг она вернётся, а дома уже никто не живёт? Но всё равно устоять перед смехом папы и братьев невероятно сложно. Губы сами по себе растягиваются в улыбку, и глаза предательски сохнут.

Новый дом

«Буханка» въезжает в город и поначалу едет как автобус «восьмёрка», но там, где автобус сворачивает налево, дядя Коля продолжает ехать прямо, и через пять километровых отметок появляется табличка «Лопаево». В глаза сразу бросаются несколько пятиэтажных домов, совсем как в городе. Дядя Коля подъезжает к одному из них.

– Вытряхиваемся, – говорит папа.

Боря с Сашей и Пашей «вытряхиваются» из машины.

В доме четыре подъезда, у каждого по две деревянных лавочки. На них, правда, никто не сидит. Между подъездами клумбы, засаженные астрами и флоксами.

– Пятый этаж, дверь направо, – говорит папа и даёт Боре ключ.

Прежде чем войти в подъезд, Боря с братьями стоят, задрав головы. Им не верится, что они будут жить так высоко.

В это время подъезжает грузовик с вещами.

– Боря, не тяни резину, – говорит папа.

Боря хватается братьев за руки, и они заходят в дом.

Подъём

В подъезде пахнет больницей. На первый этаж ведут шесть ступенек. Три двери на первом этаже слегка приоткрыты. На одной из дверей написано: «Лопаяевский фельдшерско-акушерский пункт. Амбулатория».

– Боря, это больница? – спрашивает Паша тревожно. Он не любит больницу из-за прививок.

– Медпункт, – отвечает Боря. – Как в Шишах.

– Мы туда не пойдём?

– Нет.

– А куда мы идём?

– Домой. Мы переехали.

– В больницу? – испуганно спрашивает Саша.

– Нет. Сейчас увидите. Давайте считать.

В одном лестничном пролёте – десять ступенек. До второго этажа – двадцать ступеней. До третьего – сорок. Считает Боря, а братья повторяют.

На четвёртом этаже им встречается женщина в плаще, очках и шляпе, немного похожая на певицу Аллу Пугачёву.

– Здравствуйте, – говорит Боря. Саша и Паша тоже здороваются.

– Здравствуйте, – серьёзно отвечает женщина. – Столько серьёзных мужчин на одной ступеньке!

– Мы домой идём, – говорит Паша и шмыгает носом.

– А где же вы живёте?

– Мы только что приехали, – отвечает Боря.

– В пятнадцатую квартиру?

– Папа сказал: дверь направо.

– Ну, добро пожаловать, – говорит женщина и делает шаг в сторону, чтобы мальчики могли пройти.

– Спасибо.

Саша с Пашей тоже повторяют «спасибо», и ребята продолжают подъём.

До пятого этажа, если учитывать короткий пролёт в самом низу, восемьдесят шесть ступеней.

Квартира 15

Дверь с цифрой 15 выкрашена бежевой краской, на уровне ног вся в чёрных полосках. Из-за соседней двери слышится лай какой-то небольшой собачки. Боря ставит братьев подальше от края лестницы, достаёт из кармана оловянный ключ на две бородки и вставляет в замочную скважину. Ключ мягко проворачивается два раза против часовой стрелки, и дверь открывается.

– Заходим, – говорит Боря. Саша и Паша, взявшись за руки, заходят в квартиру вслед за братом.

Коридор в квартире значительно меньше, чем в доме в Шишах. Слева – дверь в комнату, прямо – дверь в другую комнату, большую, направо коридор немного продолжается и заканчивается кухней, раза в два меньшей, чем в старом доме.

Но зато есть ванная! Зато есть туалет с настоящим унитазом и сливным бачком! Боря немедленно тянется к свисающей на цепочке керамической гирьке и тянет её вниз. Послушная его воле вода с шумом сливается в унитаз.

– Ура! – кричит Боря.

– Ура! – немедленно подхватывают Саша с Пашей.

Боря идёт в ванную и крутит пластмассовый барашек с красной нащёпкой в центре. Из крана течёт горячая вода!

– Ура! – снова кричит Боря.

– Ура! – вторят ему братья.

Вечер

Быстро темнеет, но ещё до того, как на улице загораются фонари, все вещи уже в квартире. Папины друзья уезжают, Лёша остаётся ночевать.

Папа вдруг оказывается совершенно пьяным. Лёша кое-как уговаривает его лечь спать, и папа валится в свою кровать, даже не раздевшись. Лёша быстро сооружает на кухне «мечту бегемота» – отваривает макароны, пережаривает кубиками колбасу, добавляет немного лука. Это любимое блюдо братьев Воробьёвых.

Сашу с Пашей укладывают спать. Боря помогает мыть посуду. Это приятное занятие, когда из крана бежит тёплая вода.

Когда посуда вымыта, а кухонный стол протёрт, Боря с Лёшей ложатся на матрас в большой комнате. Лёша выключает свет.

Боря хочет спать, но папин храп в соседней комнате мешает. Боря слушает это чудовищное рычание, а потом говорит:

– Лёша, ты спишь?

– Не сплю.

– А мама хотела в космос полететь?

Лёша отвечает не сразу. Боря даже думает, что Лёша внезапно заснул, но он внезапно начинает отвечать, тихо-тихо, будто признаётся в чём-то стыдном:

– Да. Мы её долго отговаривали, но она ни в какую не поддавалась. Даже уже поехала в Саратов, документы в лётное училище подавать.

– А почему не в космическое?

– Потому что нет космических училищ. Все космонавты сначала учатся на самолётах летать.

– А потом что?

– Ну, документы-то она подала, и даже в общагу заселилась. Только она в Саратове с Витькой познакомилась... с папой твоим. Ну и, в общем, влюбилась, дура, и провалила все экзамены. Зато замуж вышла. А потом ты родился...

Боря ждёт, что Лёша ещё что-нибудь скажет, но он молчит. Тогда Боря снова спрашивает:

– Значит, она из-за меня космонавткой не стала?

На этот раз Лёша отвечает сразу:

– Нет, не из-за тебя. Даже не думай. Это из-за нас всё.

– Из-за кого – нас?

– Из-за меня, бабушки, Люды. Никто не верил, что Катька сможет куда-то полететь.
– Почему?
– Да у неё зрение плохое всегда было, близорукость. Вот мама, бабушка твоя, и говорила: куда тебе в лётчики, чем тебе на почте плохо?
– И Люда?
– А Людка не хотела, чтобы Катя уезжала, они же вдвоём самые лучшие подруги были.
– А ты?
Лёша замолкает ненадолго, а потом говорит:
– А я боялся, что она не поступит и надо мной все смеяться будут. Мы все этого боялись. Мама чуть не умоляла: Катя, не говори никому, куда поступать едешь, не позорься и нас не позорь.
Лёшу будто прорывает. Он говорит, говорит, а Боря слушает, слушает..
И засыпает.

Лопаево

Утром папа уходит на работу ещё до того, как Боря успевает проснуться. Будит его звонок в дверь – это из города приходят пешком бабушка, Люда с маленькой Лялей, и даже Марина, жена Лёши. Сразу затевается уборка, расстановка мебели, развешивание штор и готовка еды.

Чтобы Саша и Паша не путались под ногами, Люда велит Боре вывести их на прогулку, а заодно найти, где школа, детский сад и магазин. Боря помогает собраться братьям, одевается сам, и они выходят на улицу.

Сразу перед подъездом растёт небольшой сосняк, за которым видна ещё одна пятиэтажка, но не из бетонных панелей, как та, в которую переехал Боря, а из белого кирпича. Рядом с ней блестит стёклами котельная с огромной кирпичной трубой, над которой вьётся полупрозрачный белый дымок. На улице почти никого нет – ребята, видимо, в школе, а взрослые – на работе.

Светит солнце. Боря разрешает Саше и Паше идти куда глаза глядят. За два часа прогулки их глаза находят двухэтажный магазин с таинственной надписью СТЭЦ, выложенной красным кирпичом, почту и сельсовет, детский сад и школу, библиотеку и гараж сельхозтехники, контору и дом быта. И практически отовсюду виден их дом.

Выяснив это, братья возвращаются домой, где их ожидает суп, второе и компот.

Лопаевская восьмилетняя школа

Школа, в которой предстоит учиться Боре, значительно меньше шишовской, хотя и двухэтажная. Она стоит практически под окнами, не нужно идти через всю деревню. Правда, детский сад уже не по пути, а немного в стороне, хотя его тоже можно разглядеть из окна. Поэтому сначала нужно увести туда Сашу и Пашу, а потом топать в школу. Но даже это расстояние короче, чем было в Шишах от дома до школы. Но сегодня суббота, братьев никуда вести не нужно, поэтому в школу Боря приходит раньше всех, без десяти восемь. Над входом под стеклом висит красная с золотыми буквами вывеска: «Лопаевская восьмилетняя школа». Значит, здесь учатся не десять, а восемь лет.

Техничка отправляет его к директору. Только это совсем не директор, а директриса, которую зовут Ирина Юлиановна. Это очень немолодая, высокая подвижная женщина, которая разговаривает очень быстро, почти не разделяя слова.

– Ты Воробьёв Борис? Твой папавчера приходил. Погодинемного. Сейчаствоя учительница-бывстретит.

Приходит учительница. Она моложе и крупнее Зои Михайловны, и голос у неё громкий и высокий, и на Бору она смотрит как на головную боль.

– Ирина Юлиановна, ну хотели же его в первый бэ, почему вдруг к нам?
 – УвасСергейИдоговучится, – говорит директриса. – Онизнакомы. Вдетскийсадвместеходили.

Знакомое имя и вправду приободряет Борю. Учительница вздыхает и говорит:

– Ладно, идём. Меня зовут Ульяна Александровна.

– Очень приятно, – отвечает Боря, но, кажется, у Ульяны Александровны такой ответ вызывает только досаду.

Несмотря на то что школу построили совсем недавно, в классе стоят те самые старинные парты с откидывающимися крышками, как в кино, и доска чёрная-пречёрная, и даже глобус на подоконнике, хоть и маленький.

Боря тут же бросается к глобусу и начинает его крутить.

– Не сломай, – предупреждает Ульяна Александровна.

Ломать такую прекрасную вещь Боря не хочет, поэтому немедленно убирает руки от глобуса.

– Ульяна Александровна, а восьмилетняя школа лучше, чем средняя? – спрашивает он.

– Почему ты так думаешь? – по лицу учительницы впервые пробегает намёк на улыбку.

– Ну... – Боря немного смущается. – В средней десять лет учатся, а в восьмилетней – восемь.

Значит, ученики за восемь лет узнают столько же, сколько за десять...

Теперь Ульяна Александровна действительно улыбается.

– Я никогда об этом не думала, Боря. Я обязательно спрошу у Ирины Юлиановны.

В это время в класс входят сразу несколько человек, и среди них – Серёжка Идогов.

– Серёга, привет! – громко говорит Боря.

Серёжка смотрит на Борю так, будто впервые видит.

Выскачка

Все мальчики в классе сидят рядом с девочками. Боре достаётся место на третьем ряду за третьей партой с Леной Митрофановой. Лена очень высокая девочка в очках и с короткой стрижкой. Она не нравится Боре, но доводов против у него нет.

На протяжении всего первого урока – это математика – Боря старательно тянет руку и отвечает правильно. Кажется, что Ульяна Александровна довольна новым учеником.

А вот одноклассники совсем наоборот. На перемене к нему подходит Серёжка и говорит:

– Ты что, выскачка?

Слова эти от старого знакомого кажутся Боре обидными.

– Я просто знал ответы.

– Все знают, а вперёд лезешь ты.

– Так никто больше руку не тянет!

– Ульяна Александровна сама знает, кого спросить. Выскачка!

– Выскачка! Выскачка! – повторяют все.

– А ты... – Боря не знает, как назвать Серёжку, но тут вспоминается неприятное выражение Кири тогда, в туалете: – А ты монгол татарских ханов!

– Это я монгол?!

В драку они бросаются одновременно. Боря знает, что нос его слабое место, и старается не давать ударить себя по лицу. Он крупнее и тяжелее Серёжки, поэтому валит его на пол и держит руки, чтобы он ими не размахивал.

– Это что такое?! – раздаётся голос Ульяны Александровны.

– Новенький дерётся! – говорит какая-то девочка.

– Воробьёв, встань!

Боря послушно отпускает руки Серёжки, и тот сразу бьёт ему по лицу. Удар несильный, Боре почти не больно, но из носа тотчас начинается идти кровь.

– Идогов! – испуганно вскрикивает Ульяна Александровна.

Боря привычно закидывает голову и начинает шарить по карманам в поисках платка. Платка нет.

– Держи, – говорит другая девочка, и в руке Бори оказывается какой-то платок.

Он прижимает ткань к носу.

– Вообще-то, – говорит эта же девочка, – Идогов первый начал.

Боря понимает, что это говорит его соседка по парте, Лена Митрофанова.

– А чего ты за него заступаешься? Влюбилась, что ли?

– Цыганова, тебя не спрашивали! – говорит Ульяна Александровна. – Идогов, быстро на место. Лопаев, отведи Воробьёва в туалет, пусть умоется. Безобразие, детский сад развели!

Лопаев, лица которого из-за запрокинутой головы Боря пока не видит, бурчит что-то неразборчивое и тянет Боря за рукав.

Туалет как раз напротив класса. Лопаев подводит Боря к умывальнику и поворачивает кран. Шмыгая носом, Боря наклоняется над раковиной и убирает платок от носа. Кровь крупными класками шлёпается в воду и утекает в дырочки слива. Боря вытирает нос, прикладывает к нему смоченный платок и смотрит на Лопаева.

Лопаев невысокий смуглый мальчик с красивыми чертами лица. Боря выше его на полголовы.

– Думаешь, я выскочка? – спрашивает Боря.

– Ничего я не думаю, – равнодушно отвечает Лопаев.

Кажется, ему действительно безразлично. Боре неприятно такое отношение, и он отворачивается обратно к раковине.

– Иди уже, не заблужусь.

Лопаев уходит. Боря продолжает охлаждать нос.

Спасибо

Оставшийся день проходит без приключений. Идогов сидит с недовольной физиономией, но уже не заедается, и вредная Цыганова молчит. Когда заканчивается последний урок, Ульяна Александровна велит ему задержаться: нужно получить в библиотеке учебники.

Школьная библиотека расположена на втором этаже, рядом со столовой. Библиотекаря зовут Станислав Николаевич. Он высокий, тощий и худой, в очках с толстыми стёклами, абсолютно седой. Он выдаёт Боре учебники и помогает сложить их в ранец. В это время в библиотеку заходит Лена Митрофанова.

– Ты ничего не забыл? – спрашивает она.

Боря вспоминает про платок и начинает рыться в карманах. Нашупав искомое, он достаёт бурую от крови тряпочку. Отдавать платок в таком виде даже как-то неловко.

– Оставь себе, – говорит Лена. Голос её такой же равнодушный, как у Лопаева.

– А как же... – растерянно бормочет Боря.

– Достаточно простого спасибо.

– Спасибо...

– Пожалуйста.

Лена уходит. Боря смотрит на Станислава Николаевича. Станислав Николаевич смотрит на Боря.

– Спасибо нужно говорить вовремя, – говорит библиотекарь.

Разочарование

Боря спускается в раздевалку, переобувается, надевает куртку и выходит на улицу. На крыльце стоит Лена.

– Ты кого-то ждёшь? – спрашивает Боря.

– Нет.

Повинуясь внезапному порыву, Боря говорит:

– А давай вместе письмо Саманте Смит напишем.

Лена смотрит на него тем же холодным взглядом и говорит:

– Дурак, что ли?

– Почему дурак?

– Мы первого сентября ей уже написали.

Лена кривит губы в презрительной усмешке и уходит.

Боря чувствует, что из-под его ног медленно уплывает земля. Это же он придумал написать Саманте! Он думал, что такие идеи приходят в голову только особенным людям, а оказывается, что все вокруг ей пишут!

Боре отчаянно хочется обратно в Шиши.

Он приходит домой, переодевается, ест, а потом садится за стол в большой комнате и пишет письмо Инне:

«Здравствуй, Ина. Тут все злые и Сержка Идогов тожи. Скучаяю. Пишы скарей. Боря Воробёв». Саша и Паша с уважением смотрят на старшего брата.

Звонок

Письмо Инне Боря собирается отправить в понедельник после уроков, но придя в школу обнаруживает, что произошедшее в субботу все будто забыли. Даже Идогов первым здоровается, и соседка по парте тоже как ни в чём ни бывало спросила, когда он принесёт платок. Боря это вполне устраивает. Но письмо Инне он отправить всё же должен, и Боря пишет:

«Привет, Ина. Пишыт твой друг Боря Воробёв. У миня фсё ф порятки, акак у тибя. Пишы скарей. Твой друг Боря Воробёв».

На почте он покупает конверт, вкладывает туда письмо, пишет адрес Инны, который помнит наизусть, и бросает письмо в ящик.

В пятницу звонит телефон. Боря снимает трубку и слышит взволнованный голос Инны:

– Алло! Кто это? Алло!

– Инна! – радостно вопит Боря.

– Борька, у тебя всё в порядке?!

– Да, всё хорошо! Я тебе письмо отправил!

– Получила я твоё письмо. Только что. Чуть с ума не сошла.

– Почему?

– Ты спрашиваешь ещё? Сам про всех злых написал, и про Идогова какого-то. Это кто? Не Тольки Идогова сын?

Боря понимает, что по ошибке засунул в конверт первое письмо.

– Нет, Инна, всё уже хорошо! Как у тебя дела?

– Точно хорошо?! А то я приеду и всем лещей выдам!

– Да точно, точно! У тебя всё хорошо?

– Ну, по сравнению с тобой – так вообще отлично. Борька, давай договоримся: если тебя кто-то обижает – ты не пиши, а сразу мне звони, понятно? А письма пиши, когда у тебя всё хорошо. И я сразу знать буду: если письмо – значит, можно не беспокоиться. Понял?

– Понял.

Боря записывает номер телефона Инны, обещает звонить в экстренных случаях и писать каждый понедельник. Когда Инна прощается, на душе у Бори будто котят, зайчата и щенки кувыркаются. На радости он подметает всю квартиру, даже под кроватями и диваном.

«Человек. Земля. Вселенная»

В последнюю субботу сентября Боря приходит домой и обнаруживает записку: «Мы у бабушки. Поешь и иди к ней. Папа».

Боря разогревает в ковшике суп, включает телевизор и начинает есть. Транслируют передачу «Человек. Земля. Вселенная». Ведущий Виталий Иванович Севастьянов рассказывает о подготовке космонавтов к полётам. Боря орудует ложкой, наблюдая за вращением центрифуги и тренировками в бассейне, имитирующими невесомость, потом ведущий сидит в кресле и разговаривает с каким-то дяденькой, и вот тут Боре становится скучно. Он оставляет телевизор работать, а сам моет ковшик и ложку, переодевается, и совсем уже собирается выключить телевизор, как Виталий Иванович предлагает посмотреть, как готовят к полёту своих астронавтов американские коллеги.

И в первом же кадре показывают маму. Боря достаточно хорошо изучил все фотографии с ней, и ошибка исключается – на экране крупным планом показывают маму с короткой стрижкой, в очках на пол-лица, в комбинезоне. Виталий Иванович Севастьянов говорит, что это самая молодая кандидатка для полёта в космос, её зовут Кэтрин Салливан. У Кэтрин близорукость, но она проходит тренировки не как пилот, а как специалист полёта. Говорится, что Кэтрин родом из Восточной Европы и всю жизнь мечтала о космосе, и что её вдохновил полёт Валентины Терешковой.

С этого момента желание Бори написать Саманте Смит, до сей поры мутное и бесформенное, обретает смысл и чёткость. Боря быстро достаёт из портфеля ручку и записывает прямо на руке: **КЭТРИН САЛЛИВАН ИНЖЫНЕР И ПРОГРАМИСТ.**

Он досматривает программу до конца, надеясь узнать о маме побольше, но после сюжета о юной американке ведущий опять говорит о советской космонавтике и рассказывает о Светлане Савицкой, которая уже летала в космос в прошлом году в составе экипажа Союз Т-7, и теперь снова готовится к полёту.

Боря выключает телевизор, обувается, проверяет, все ли приборы отключены, выходит на лестничную площадку и запирает за собой дверь. Всю дорогу до бабушки он твердит только одно:

– Кэтрин Салливан, инженер и программист. Кэтрин Салливан, инженер и программист. Кэтрин Салливан, инженер и программист. Кэтрин...

Письмо

В гостях у бабушки Боря проводит весь остаток субботы. Саша и Паша носятся с маленькой Лялей по комнатам, но Боря впервые не играет с ними. Они сидят перед радиолой «Урал-112», слушает пластинку «Про Красную Шапочку» и смотрит фотографии с мамой. Сомнений нет никаких – по телевизору показывали именно маму.

Не понимая, что происходит с племянником, Люда решает поговорить. Она спрашивает про школу: какие нравятся уроки, с кем Боря успел подружиться, но обычно болтающий без умолку племянник на этот раз отвечает односложно.

Полночи Боря ворочается с боку на бок, и глубокой ночью, не в силах укротить переполняющие его мысли, встаёт с постели и идёт на кухню. Там он находит блокнот – что-то вроде справочника, куда бабушка и Люда записывают номера телефонов и адреса, но там много чистых страниц. В блокноте же лежит и карандаш. Боря садится за стол и пишет письмо.

«Дарагая Саманта. Миня завут Боря Воробёв я учиник 1б класса лопаевской восьмилетней школы посёлка Лопаево. У миня есть братья Саша и Паша и папа Витя он милиционер. А мама уехала в США штобы стать космонафткой. Иё завут парускаму Катя Воробёва а паамерикански Кэтрин Салливан и ана сичас работает в наса тринируица в космос. Пажалуста пиридай ей што мы очинь паней скучяим и ждём асобинна я. Пажалуста скажы ей што это Боря ей пишыт. Спасибо. Боря Воробёв».

Поставив точку, Боря успокаивается. Аккуратно вырвав страничку, он кладёт блокнот с карандашом на место и выключает свет.

Не говори глупости

С трудом дождавшись окончания выходных, Боря в понедельник вновь приходит в школу раньше всех. Дождавшись прихода Ульяны Александровны, Боря спрашивает:

– Ульяна Александровна, а вы уже отправили письма Саманте Смит?

Ульяна Александровна недоумевающе смотрит на Бору, потом собирается с мыслями.

– Во-первых, Воробёв, сначала здороваются.

– Ой, – смущается Боря. – Здравствуйте.

– Во-вторых, какие письма?

– Саманте Смит... – совсем растерянно говорит Боря.

– Я впервые слышу про какие-то письма.

Боря понимает, что Лена Митрофанова его обманула. Но так даже лучше.

– А давайте ей напишем!

– Воробёв, не говори глупости, тебе учиться надо.

Боря не понимает, почему написать Саманте Смит – глупости. Но так же он понимает, что Ульяне Александровне сейчас не до него. Значит, нужно спросить у кого-то ещё.

Обстоятельный ответ

Боря поднимается в библиотеку. Станислав Николаевич уже там. Он вообще приходит в школу раньше всех, чтобы в тишине и покое полить цветы, которых в библиотеке почти столько же, сколько книг.

– Здравствуйте, – говорит Боря.

– Здравствуй, – оборачивается к нему Станислав Николаевич. В руках у него пластмассовая лейка с длинным узким носиком. – Ты просто так или по делу?

– Станислав Николаевич, а вы не знаете, как письмо Саманте Смит отправить?

– О как! – негромко восклицает библиотекарь. – О как... Надо подумать. Подожди.

Боря садится к столу с подшивкой «Пионерской правды» и ждёт. Школьный коридор тем временем наполняется привычными звуками перемены: кто-то пробежал мимо, его окликнули и отчитали, стук каблуков, шуршание портфеля, который кто-то тащит за собой по линолеуму за лямку...

– Вот что, Борис, – говорит Станислав Николаевич, убирая пустую лейку на самый высокий шкаф. – Кажется, я придумал, но мне стоит уточнить детали. Давай ты придёшь ко мне после уроков, а я дам тебе обстоятельный ответ, хорошо?

Станислав Николаевич не похож на человека, который зря обещает, поэтому Боря соглашается подождать ещё немного и идёт обратно в класс.

Спустившись на первый этаж, он сталкивается у раздевалки с Владьей Лопаевым.

– Ты откуда? – спрашивает Лопаев.

- Из библиотеки.
- А почему не взял ничего?
- Я просто так заходил, поговорить.

«Привет» с ошибкой

- Владик, – спохватывается Боря. – А вы на уроке мира письмо Саманте Смит писали?
 - А ты что, написать хочешь? Влюбился, что ли?
 - Обалдел?! – возмущается Боря. – Ей десять лет, а мне семь!
- Довод серьёзный, и Лопаев его принимает.
- Так писали? – повторяет вопрос Боря.
 - Ты чефан, что ли? – Лопаев крутит пальцем у виска. – Мы только в первый класс пошли, кто нам разрешит письма писать?!
 - Почему?
 - Потому что дети с ошибками пишут. Ты напишешь «привет» с ошибкой, а переводчики переведут «иди в жопу». Понял?
- Боря чешет голову. В словах Лопаева есть смысл. Кажется, нужно письмо сначала проверить на ошибки.
- А что ты хочешь написать? – спрашивает Лопаев.
 - Дело у меня к ней, – отвечает Боря.
 - Какое?
- Боре очень хочется открыться, но в это время они входят в класс, и сразу же звенит звонок. Ульяна Александровна говорит:
- Воробьёв, ранец из коридора забери!
- Боря бежит за ранцем и на время забывает о разговоре с Владиком.

Задача усложняется

Четыре урока пролетают почти моментально. На переменах Боря специально не ходит в библиотеку, чтобы не отвлекать Станислава Николаевича. Вместо этого он ищет на глобусе мыс Канаверал. Но на глобусе такого названия нет.

Едва Ульяна Александровна отпускает всех домой, Боря мчит в библиотеку. В библиотеке полно народу – и старших ребят, и из начальной школы. Большинство играет в шахматы: Станислав Николаевич ведёт шахматный кружок.

Увидев Бору, Станислав Николаевич делает знак рукой – мол, погоди, сейчас все разойдутся, и мы поговорим. Боря кивает.

После звонка и вправду все разбегаются. Станислав Николаевич достаёт из кармана сложенный вдвое лист.

– Вот что мне удалось выяснить. Саманта Смит живёт в штате Мэн, в городе Манчестер, но точного адреса нет. Ребята, которые хотят ей написать, могут отправлять свои письма в «Пионерскую правду», а оттуда их уже отправят прямоком к Саманте. Только писать нужно на английском языке.

- На английском?
- Ну, она же в Америке живёт. Там все говорят на английском языке.
- Не на американском?
- Нет.
- А по-нашему она не читает?

– Боюсь, что нет...

От приподнятого настроения Бори не остаётся и следа.

– А вы знаете английский? – спрашивает он у Станислава Николаевича.

– Нет, Борис, извини. Только немецкий, да и то со словарём.

Боря понуро плетётся к выходу.

– Постой, – говорит Станислав Николаевич. – Тебе адрес «Пионерской правды» нужен? Я специально выписал...

Боря возвращается, берёт лист бумаги, прячет в нагрудный карман, говорит спасибо и идёт домой.

Ты что, хулиган?

По дороге Боря думает: конечно, нельзя писать письмо Саманте на русском. Она же американка, неужели она каждое письмо от советских школьников будет переводить? Ей и так, наверное, миллион писем приходит каждый день.

Чем дольше он думает об этом, тем страшнее ему становится. Учить иностранный язык начинают с четвёртого класса. Получается, ему нужно ждать почти четыре года. За это время можно состариться и умереть!

Боря поднимается на пятый этаж совершенно разбитым. Открывает дверь, и оказывается, что дома Люда и маленькая Ляля. Ляля стоит в коридоре и радостно размахивает руками.

– Бойка! Бойка! – кричит она.

– Привет, – удивляется Боря.

Люда выглядывает в коридор из ванной.

– Явился не запылился, – говорит она. Её руки в пене от стирального порошка. Видимо, папа её вчера попросил приехать. – Пойдём-ка со мной...

Люда решительно идёт на кухню, и эта решительность Боре не нравится. Он нарочно долго разувается, снимает ранец и куртку, но в конце концов сдаётся и тоже идёт на кухню.

И сразу становится ясно, отчего Люда такая неласковая. На кухонном столе лежит письмо Саманте Смит, которое Боря забыл под подушкой, когда ночевал у бабушки.

– Это что? – спрашивает Люда.

– Письмо, – бормочет Боря.

– Не слышу!

– Письмо.

– Кому?

– Саманте Смит.

– Ты что, совсем обалдел?! Ты хулиган, что ли, – письма в Америку писать?! Да ещё такие?!

Боря не знает, что отвечать на такие вопросы, поэтому молчит.

– Ты нас всех что, опозорить хочешь?! – голос Люды дрожит, в глазах стоят слёзы. – Не могла твоя мама сбежать в Америку, чтобы космонавтом стать! У нас лучше космонавты!

– Я её по телевизору видел!

– Тебе показалось! Она умерла!

– Нет! Это она, я точно знаю!

– Ты чего на меня орёшь!

– Ты сама орёшь!

Ляля начинает реветь. Люда берёт её на руки и начинает успокаивать. Боря, пользуясь этим, хватается письмо со стола и убегает в комнату Саши и Паши.

– Я всё отцу расскажу! – грозит Люда.

– Ну и рассказывай! Мама всё равно в космос полетит!

Люда замолкает. Слышно её прерывистое дыхание за дверью, а ещё как льётся вода в ванной и как ревёт Ляля.

«Ребятам о зверятах»

Люда молча достирывает одежду и бельё, готовит суп и второе, потом одевает Лялю и уходит, не прощаясь. Боря не понимает, за что его наказывают. Он доделывает уроки, смотрит на часы. Ровно пять. Сашу и Пашу нужно забрать из садика после шести, поэтому он подходит к телефону и набирает номер Инны.

– Да, – слышно в трубке.

– Инна, это я.

– Борька?! Что случилось?

– Я маму по телевизору видел.

– Тааак... Отец дома?

– Нет, он после семи приезжает.

– Подожди тогда немного, я скоро. Никуда не уходи, понял?

Инна бросает трубку. Боря недоумённо слушает гудки. Она перезвонит? У неё ещё рабочий день не закончился?

Чтобы как-то убить время, Боря включает телевизор. Там идёт программа «Ребятам о зверятах». Он садится на краешек дивана и пытается сосредоточиться на рассказе о крокодилах, но почти ничего не понимает, потому что может думать только о письме. Как оно, размахивая краями конверта как птица крыльями, летит через весь мир, как проносится над крышами домов и океанскими волнами, как под ним проплывают пароходы и ползут электрички, как параллельным курсом летят самолёты и лебединые стаи. Как письмо прилетает в Америку и попадает прямо в руки Саманты, как она бежит к своим родителям и показывает им письмо, как они садятся в автобус «восьмёрку» и едут...

В это время в дверь звонят. Боря приходит в себя. По телевизору начинается «Мамина школа». Кто мог прийти в такое время? Он встаёт с дивана и идёт открывать.

Неожиданный визит

На пороге стоит Инна. Куртка на ней мокрая от дождя, в руке каска. От неожиданности Боря широко раскрывает глаза, а потом обнимает Инну так, будто не видел её сто лет.

– Чаем угостишь? – спрашивает она. – А то я только-только с работы, жрать хочу, аж хохочу.

Они проходят в квартиру. Инна снимает куртку и обувь, шумно хвалит новые хоромы, немедленно занимает туалет и уже из-за двери требует разогреть чайник. Боря, как радушный хозяин, ставит чайник на огонь, наливает Инне суп, накладывает второе.

Инна выходит из туалета и заходит в ванную, где опять бурно радуется, на этот раз – горячей воде. Наконец она приходит на кухню и садится за стол.

– Рассказывай, – говорит Инна и тут же принимается есть.

Ест она так же шумно – причмокивает, хлопает, шмыгает носом и лязгая зубами о ложку. Боря рассказывает всё – и про то, что мама хотела стать космонавткой, и про Кэтрин Салливан, и про письмо Саманте Смит, и про то, что не знает английский. За это время Инна успевает расправиться с супом и рожками с котлетой. Чайник уже вскипел, и она наливает себе чай в пол-литровую банку, осторожно, чтобы стекло не лопнуло от перегрева. И пока она размешивает сахар, говорит:

- Борька, ты понимаешь, как тебе повезло?
- Чего? – теперь Боря удивляется даже больше, чем когда она приехала.

А того...

– А того, – говорит Инна, прихлёбывая кипяток из банки, – что среди моих знакомых, а тем более друзей, ни у кого нет мамы, которая полетит в космос. Это знаешь как?

– Как?

– Как будто у тебя папа – Андрей Миронов. Или Николай Ерёмченко.

Боря не уверен, что ему нужен другой папа. Он любит своего, каким бы он ни был.

– Не понимаешь? Ну, смотри. У всех обыкновенные родители – на тракторах работают, на фермах, в магазинах. В крайнем случае – в музее. А у тебя мама – космонавтка. Если скажешь кому – обзавидуются.

– Так не поверит никто. Даже Люда не верит!

– А тебе-то какая разница? Ты же знаешь, что это правда. А не верят, так и плевать на них. Мне вот не верят, что я на мотоцикле гоняю и механиком в сэхэтэ работаю, и что, я от этого хуже в технике разбираюсь?

– Я по маме скучаю, – говорит Боря, и восторг Инны сразу скукоживается и уменьшается в размерах, как воздушный шарик на холоде.

Она некоторое время молча пьёт чай, втягивая его через губы, словно насос, а потом мрачно говорит:

– Знаешь, Борька, нельзя тебе ей писать.

Это звучит как предательство. Глаза Бори мгновенно застилают слёзы и воздух застревает в лёгких, но Инна берёт его за руку и говорит:

– Не обижайся, дослушай до конца. Ты же знаешь, что Америка – наш враг?

Боря знает, но при этом никто не считает врагом Саманту Смит. Наоборот, все думают, что она друг.

– Конечно, друг. Но тут такое дело: в Америке – капиталисты, а у нас – социализм, всеобщее равенство, нет бедных и богатых. И любой, кто захочет поехать в капиталистическую страну, тем боле – тайком, как твоя мама, считается у нас предателем.

– Мама не предатель!

– Не кипятись! Я знаю, что не предатель. Но другие-то не знают. И будут говорить: почему это твоя мама не захотела у нас в космос лететь, чего это она в Америку укатила? А если в Америке узнают, что она не Кэтрин Салливан, а Катя Воробьёва, там подумают, что она шпион, и хочет космический корабль у американцев угнать. И тогда она точно в космос не полетит. Понимаешь?

Это Боря понимает. В мире нет ничего, чего бы он хотел так же страстно, как вновь увидеть маму. Но желание мамы во что бы то ни стало стать космонавткой и побывать в космосе для него тоже важно.

– Значит, надо ждать? – тихо спрашивает Боря.

– Надо, – кивает Инна.

Разговор с папой

Папа возвращается домой после семи. К этому времени Инна уже уезжает обратно в Шиши, потому что темно и дождь, и ехать надо осторожно, а Боря забирает братьев из садика, и теперь они играют в «показуху»: заворачивают в фантики от конфет разную ерунду, дарят друг другу, разворачивают, а потом кричат: «Показуха!»

Папа обычно возвращается не в духе, но сегодня у него настроение слегка приподнятое. Сначала Боре кажется, что он выпил, но характерного запаха алкоголя нет. Хотя какой-то посторонний запах, который Боре уже немного знаком, есть.

– Боря, пойдём, поговорить надо, – говорит папа, и Боря понимает, что Люда ему звонила.

Они сидят на кухне. Папа ест, а Боря смотрит. Обычно Боре нравится, как готовит Люда (хотя у бабушки, кажется, немного вкуснее), но после сегодняшней ссоры он не притрагивается к её супу и второму, ест только хлеб с маслом.

– Ты Саманте Смит письмо пишешь? – спрашивает папа. – Мне покажешь? Я ошибки проверю.

– Я его выбросил, – говорит Боря.

Это правда. Он изорвал письмо в мелкие клочки, пока ходил в детский сад. И выбросил их в мусорное ведро у ворот садика.

– Зачем? – кажется, папа разочарован.

– Не хочу, чтобы надо мной смеялись.

– Почему это над тобой должны смеяться?

– Все говорят, что влюбился.

Лоб папы сморщивается. Он делает так, когда собирается задать вопрос, на который и сам знает ответ.

– Ты правда видел маму по телевизору?

Отпираться бесполезно, поэтому Боря признаётся:

– Да, видел. Но Люда сказала, что это не она.

– А сам ты как думаешь?

Этот вопрос без подвоха, поэтому Боря предпочитает сказать неправду.

– Уже не знаю. Сначала думал, что очень похожая. Но Люда говорит, что мне показалось.

Папа поджимает губы. Он недоволен. Он понимает, что ему говорят неправду, но заставить отвечать честно по какой-то причине не может.

– Папа, – Боря решает перейти в контрнаступление. – А правда, что если человека пять лет не могут найти, он считается мёртвым?

– Правда, – неохотно отвечает папа.

– А ты тогда снова женишься? На Люде?

Вот такого вопроса папа точно не ожидает, и глаза его лезут на лоб.

– Чего? С чего ты взял?

– Ну, она у нас готовит, стирает, совсем как мама.

Папа краснеет, потом бледнеет, потом его лицо снова становится нормальным.

– Нет, на Люде я не женюсь.

– А на ком женишься? У нас новая мама будет?

– А вот это пока не твоего мелкого ума дело, – говорит папа, кажется, грубо, но на самом деле Боря видит, что папа думает о чём-то приятном.

Проходит год

Проходит год. Умирает Юрий Владимирович Андропов, и руководителем Советского Союза становится Константин Устинович Черненко. Боря заканчивает первый класс хорошистом. Папа получает свидетельство о смерти мамы и женится на тёте Вере со своей работы. Это та тётенька, которую Боря встретил в день переезда. Оказывается, она тогда мыла полы в их квартире.

Тётя Вера хорошая, добрая, красивая, и очень нравится Боре и Саше с Пашей, но если братья легко начинают называть её мамой, то Боря никак не может этого сделать. Но тётя Вера не обижается. Она легко сходится как с мальчиками, так и с семьёй Лубенниковых.

И Люда, и бабушка находят Веру достойной доверия, у них общие интересы – вязание, шитьё и выпечка, у Веры целый портфель со всякими вырезками из журналов, и несколько тетрадей с рецептами. Втроём они обшивают всех детей, а Вера учит бабушку вязанию крючком, и бабушка вяжет подставки под все хрустальные вазы, а потом и летние женские шапочки.

Папа выписывает Боре «Пионерскую правду» и «Весёлые картинки», чтобы Боря читал братьям. Боря охотно читает, и даже учит Сашу и Пашу буквам. Письма, которые Боря посылает Инне, становятся всё длиннее и подробнее.

Боря смотрит «Сегодня в мире», «Международную панораму», «Камера смотрит в мир», программу «Время», и, конечно, «Человек. Земля. Вселенная», но маму нигде не показывают, и её имя тоже не упоминают. Но Боря продолжает ждать.

И однажды его ожидания вознаграждаются.

Мама в космосе

В связи с предстоящим Днём учителя все учителя едут на районный смотр самодеятельности работников образования. Субботние занятия отменяются, поэтому Боря с братьями отправляется в гости к бабушке ещё с пятницы. В это же время у бабушки гостят и Лёша с Мариной и их маленьким сыном Геней.

Сначала всё идёт как обычно: взрослые на кухне, дети (кроме Гены) смотрят «В гостях у сказки». Потом начинается «Сегодня в мире», у телевизора остаётся один Боря.

В конце передачи рассказывают о старте многоразового космического корабля «Челленджер». Боря ещё не знает, будут ли показывать американских астронавтов, но на всякий случай кричит:

– Люда, бабушка, Лёша! Идите скорей!

В комнату вбегают напуганные взрослые, и как раз в этот миг на экране начинают мелькать кадры запуска, а также фотографии астронавтов.

И показывают маму.

Это безусловно она, потому что бабушка начинает голосить, Люда хватается за бабушку, а Лёша как стоял, так и стоит, не в силах оторвать глаз от экрана.

Помимо фотографий показывают и хронику, как астронавты в скафандрах идут к стартовой площадке. Маму несколько раз показывают крупным планом, как она даёт интервью.

– Катька! Катька, доча! Катенька! – кричит бабушка. Люда обнимает её и бормочет: «Мама, мамочка, не плачь, успокойся, всё хорошо, пожалуйста». Дети в соседней комнате начинают дружно реветь.

Лёша смотрит на Бору. Нельзя понять, радуется он или боится. Кажется, он всё ещё не верит.

В комнату заходит испуганная Марина с плачущим Геней на руках и спрашивает:

– Что случилось?

Разговор на кухне

В девять вечера, в программе «Время», снова показывают сюжет о запуске космического челнока «Челленджера». Сообщается, что помимо исследовательских работ запланирован выход в открытый космос, который совершит Кэтрин Салливан, и это будет второй в мире выход женщины в открытый космос.

Боря близок к обмороку: мама не только летит на настоящей ракете, но ещё и в космос выйдет, как Светлана Савицкая! Бабушка охает и не знает, куда девать руки. Лёша, видимо, тоже не знает, что делать с руками, поэтому носит маленького Гену, который совершенно спокойно спит

и не обращает внимания на суету в доме. Марина ходит за ним совершенно растерянная. Люда на ночь глядя затевает печь какой-то сложный торт, но совсем не потому, что радуется полёту сестры. Она месит тесто со зверским выражением лица и фыркает, если к ней подбегает Ляля. Кажется, всем надо чем-то заняться, иначе опять начнутся крики и слёзы.

И тогда Боря спрашивает:

– Лёша, ты знаешь английский язык?

Лёша, гуляющий вдоль тёмного коридора с Генкой и Мариной, недоумённо смотрит на племянника. С кухни слышится голос Люды:

– Борька, не смей! Даже не начинай!

Лёша выходит на кухню:

– Чего не начинать?

Люда раздражённо швыряет на стол кастрюлю с жидким тестом, отчего оно едва не выплёскивается через край.

– Мама, – кричит она, – у нас дров нет.

– Ты чего, прямо сейчас хочешь печь? – удивляется бабушка.

– А когда ещё? У Генки, между прочим, день рождения завтра!

Бабушка растерянно накидывает фуфайку, пуховый платок, влезает в галоши и выходит из квартиры.

– Он письмо хочет писать, – говорит Люда Лёше, кивая на стоящего тут же Борю.

– Кому?

– Саманте Смит, – вставляет Боря.

– Влюбился, что ли? – хмыкает Марина.

Боре хочется сказать, что она дура, но, кажется, легче от этого никому не станет.

– Очень смешно, – говорит он. Так Ульяна Александровна говорит, если кто-то в классе пытается шутить на уроке.

– Он хочет, чтобы она к Катьке приехала и передала, как мы тут скучаем.

– Саманта Смит? – переспрашивает Лёша.

– Да, – в один голос говорят Люда и Боря.

– А зачем тебе английский?

– Ну, Саманта Смит же на английском говорит, – объясняет Боря. – Ей на английском нужно писать.

Лёша переваривает услышанное, а потом снова спрашивает:

– А почему Борьке нельзя Саманте Смит написать?

– Твою мать за ногу, Лёша, ну ты хоть не начинай, а?! – сердится Люда.

– Нет, ты объясни, – Лёша становится в дверном проёме и вопросительно смотрит на Люду. – Сейчас только ленивые не пишут ей письма, а наш Борька что – рылом не вышел?

– Вы сговорились, что ли?! Да нас по конторам затаскают, если узнают, что это Катька! А ты в засекреченной связи служил, а Витька в милиции, а деда тоже не пойми за что сюда сослали! А ещё мамыны родичи в Калининграде живут, и спрашивать будут, как так она попала в Америку да ещё и под чужим именем!

– Мама не предатель! – говорит Боря.

– А ты варёжку не разевай, когда взрослые говорят! – прикрикивает на него Люда.

Боря замолкает. Когда Люда сердится, с ней боится спорить даже папа. Она плохих слов не говорит, но разговаривает с тобой так, будто ты фашист какой-то.

Но Лёша совсем не боится Люды. Он не спорит, но Боря слишком хорошо его знает, на лице Лёши написано, что он что-то придумал. А если Лёша что-то придумывает, то он как минимум попробует это осуществить.

Возвращается бабушка с охапкой берёзовых поленьев. На её платке блестят капли воды.

– Борька, быстро умываться и спать! – требует Люда.

Боря думает, что не сможет заснуть, но сон накрывает его практически сразу. Он уверен, что теперь всё будет хорошо.

Никому ни слова

Утром Люда собирается в магазин за маслом и просит Борю ей помочь. Боря понимает, что Люда просто не хочет разговаривать при всех, но не спорит и быстро собирается.

Они выходят из подъезда, рядом с которым сидит и дымит папиросой Дед Армян, здороваются с ним, проходят мимо бани и сворачивают во дворы, чтобы быстрее дойти до магазина.

– Никому ни слова, – говорит Люда.

Боря не отвечает.

– Ты меня понял?

– Понял.

Люда останавливается у сараев.

– Борька, я с тобой как со взрослым разговариваю, – говорит она, присаживаясь на корточки так, чтобы смотреть Боре прямо в глаза. – Это не шутки. Мы вообще даже не знаем, она это или не она. Ну да, очень похожа, но мало ли похожих бывает? У мамы близорукость была, с близорукостью в космос не берут. Но даже если она... – Люда переводит дыхание. – Даже если это она, то я её вообще теперь знать не хочу. Она папу твоего бросила, она вас с Павликом и Сашкой бросила, она нас бросила! Кто так поступает?! Я, может, в кино сниматься хочу, что мне теперь, Ляльку бросить?!

Боря молчит. Обычно Люда весёлая и добрая, много рассказывает о работе на заводе, и даже один раз тайком водила Борю в свой цех (Боре после этого отчаянно хочется побывать там ещё раз), но с прошлого года её просто не узнать. Разговаривая с Борей, она смотрит испытующе, будто хочет уличить в обмане. Ей не нравится, что Боря смотрит новостные программы. Если по телевизору идёт «Человек. Земля. Вселенная», Люда старается переключить программу или отправить Борю в магазин.

– Короче так, Борис, – говорит Люда самым твёрдым своим голосом. – Если ты меня подведёшь, я с тобой больше не разговариваю, понял?

– Понял, – опять повторяет Боря.

Он уже решил, что подведёт.

Твоя очередь

Торты Люда делает такие, что никто не в силах устоять, но Боря ест только маленький кусочек. Сегодня у Генки первый день рождения. Сам он этого не понимает, но Марина с Лёшей очень счастливы, особенно их радует то, что Люда сама предложила сделать торт, пусть и с расстройством.

Сегодня Генка почти весь день ходит сам, никто его не носит на руках. Зато ходит рука об руку с Лялей. Они очень часто обнимаются и целуются – в одну щёчку, в другую. Лёша называет это «политбюро», и Боря понимает эту шутку.

Сашка с Пашкой с маленькими не играют, им интересно играть друг с другом. Они целыми днями играют в шашки и в карты – «тянут душу». А недавно Лёша научил их карточным фокусам, и они показывают их друг другу, будто не знают секрета. К Боре они прибегают только тогда, когда не могут чего-то поделить. Боря отдаёт им свой кусок.

Когда все наедаются и разбредаются по углам, Лёша идёт подтягиваться. Турник у него устроен в тамбуре между туалетом и ванной. Боря ждёт, когда Люда начнёт мыть посуду, и утягивается туда же из большой комнаты.

- Ты уже написал?
- Да.
- С собой?
- Да.
- Молоток, вырастешь – кувалдой будешь.

Боря отодвигает Лёшу и подходит к вешалке, на которой висят фуфайки, старые кофты и прочая одежда, которую Лубенниковы используют, когда работают в огороде или в сарае. Боря лезет в самую глубь вещей, находит китель, в котором Лёша вернулся из армии, и вытаскивает сложенный вчетверо тетрадный лист.

- Конспиратор, – говорит Лёша и прячет лист в карман брюк.
- А может, Люда всё правильно говорит? – спрашивает вдруг Боря.
- Никого не слушай, щегол, – отвечает Лёша, подтягиваясь. – Катька никого не слушала.

Сначала Боре нравятся эти слова. А потом он думает: если никого не надо слушать, то и Лёшу, получается, тоже не надо? Он спрашивает Лёшу, но тот, завершив упражнение, хватается Бору за пояс и подвешивает на турник.

- Не умничай, щегол. Твоя очередь. Тянись.

Боря извивается на турнике, как червяк на крючке, кричит и сучит ногами, но безрезультатно. Он разжимает руки и больно стучается пятками об пол.

История письма

Письмо Боря пишет ещё в мае. Это был момент слабости, за который ему потом становится нестерпимо стыдно. Однако в мае Боря, живущий от одной телепередачи об Америке до другой, не выдерживает напряжения и решает написать Саманте наудачу, безо всякого переводчика. Для этого он обманывает Ульяну Александровну: говорит, что у него сильно болит живот, а сам тайком уезжает в город, а оттуда – в Шииши.

В школу он заходит одновременно со звонком на урок. Техничка сначала не хочет его пускать, но Боря просит её передать Зое Михайловне, что приехал Боря Воробьёв. Немного поворчав, она всё же соглашается, и почти сразу Зоя Михайловна выбегает в коридор, прижимает к себе Бору и тащит его в класс. В классе все радуются так, будто это не Боря приехал, а московский цирк вместе с Юрием Никулиным.

- Ты какими судьбами? – спрашивает Зоя Михайловна.

Боря говорит, что хочет написать письмо Саманте Смит вместе со всеми, как они решили в начале года. Зоя Михайловна удивлена, но быстро принимает решение.

- Так, ребята, настало время проверить себя, чему мы все научились за год, – говорит она.
- Думаю, это будет хорошее окончание учебного года. Усаживаемся за парты и пишем письмо Саманте, каждый от себя. И помните – вы советские ученики, и вам нужно стараться писать без ошибок.

Она выдаёт всем по тетрадному листу в узкую линейку, велит старательно работать, а сама отправляется за конвертами.

Боря сидит на задней парте. Он уже знает, что писать, и старательно выводит слово за словом.

«Здравствуй, Саманта. Меня зовут Боря Воробьёв, я учусь в 1б классе лопаевской восьмилетней школы посёлка Лопаево. У меня есть братья Саша и Паша и папа Витя. Он милиционер. А мама уехала в США. Её зовут на русском Катя Воробьёва, а на английском Кэтрин Салливан и

она сейчас работает в НАСА, чтобы лететь в космос. Пожалуйста скажи ей что мы очень по ней скучаем и ждём. Особенна я. Пожалуйста скажи ей что это Боря ей пишет. Спасибо. Боря Воробьев.»

У Бори с собой есть свой конверт на космическую тематику, и свой лист бумаги. В конверте лежат мамины две мамины фотографии. Однако ребята всё ещё сочиняют свои письма, поэтому Боря пишет письмо ещё раз, чтобы на него не оглядывались.

Зоя Михайловна возвращается с кипой конвертов, и раздаёт их по партам. Боря заклеивает оба конверта, но выданный Зоей Михайловной тайком прячет в карман.

Подписанные конверты Зоя Михайловна перевязывает лентой и обещает отправить в «Пионерскую правду», чтобы оттуда уже письма первоклассников отправили в США.

Несколько дней после этого Боря мучается совестью: а вдруг из-за письма мама всё-таки не полетит в космос? Он даже звонит Зое Михайловне, и всеми правдами и неправдами пытается выяснить, нельзя ли заменить написанное письмо на другое, но вся корреспонденция уже отправлена.

По иронии судьбы именно оно и попадёт в руки Саманты в роковой вечер 25 августа 1985 года.

Судьба второго письма

Лёша вместе с Мариной переводят Борино письмо с русско-английским словарём, и тоже отправляют его в «Пионерскую правду». Однако почтовый фургон, который должен был доставить груз в областной центр, угоняют, а потом сжигают в лесу несовершеннолетние хулиганы, которых, впрочем, быстро ловят и отправляют в колонию.

Среди дознавателей по этому делу работает и тётя Вера.

Судьба первого письма

Боря очень ждёт ответа на своё письмо. Однако до Нового года, по уже известной нам причине, не приходит никаких известий. С каждым днём Боря становится всё мрачнее. Он не тянет руку на уроках, без выражения читает заданные на дом стихи и не приходит на новогодний утренник. У него пропадает аппетит, он худеет, и единственное, что его интересует – международные новости и передача «Человек. Земля. Вселенная». Тётя Вера, несмотря на беременность, носится с Борей по врачам, но по всем показателям мальчик здоров.

Из этого полубоморочного состояния Борю выводит рождение Нины, причём имя предлагает сам Боря. После чего он начинает называть тётю Веру «мама», помогает купать и пеленать Нину, и вообще берёт на себя много домашних дел: магазин, уборку, посуду, всё то, что взяла на себя тётя Вера, переехав к Воробьевым.

Вскоре умирает Константин Устинович Черненко. Генеральным секретарём назначается Михаил Сергеевич Горбачёв. В стране начинается перестройка.

Лёша несколько раз предлагает Боре написать новое письмо, но Боря решает, что права была Люда. Мама их бросила, и за всё это время никак не пыталась связаться. Значит, она их совсем не любит. Так тому и быть.

Между тем письмо, отправленное в мае восемьдесят четвёртого года, лежит в редакции «Пионерской правды» даже не распечатанное. Корреспонденции на имя Саманты Смит так много, что никто не знает, что с ней делать.

Однако в отделе писем меняется начальник. Он отдаёт приказ: составить график, по которому все письма должны быть разобраны за все летние месяцы. Сотрудники устраивают мозговой

штурм, выбирают ответственных, и вскоре мешки начинают стремительно пустеть. В газете появляется рубрика «Письма Саманте», в которой рассказывается о работе с письмами американской школьнице. Сообщается, что любовные признания и просьбы прислать куклу Барби отправлять в США не будут, так как они позорят звание советского школьника, и пусть их авторам будет стыдно. Затем говорится, что все призывы к миру тоже отправлены не будут, поскольку это основная масса писем, и отбор пройдут только особенно убедительные и хорошо написанные, которые так же будут публиковаться в газете.

Постепенно завалы начинают таять, и в конце концов дело доходит до писем первоклассников шиховской средней школы.

Читает их Даша Лодыгина. Все письма похожи одно на другое, даже ошибки во многих похожи, и конверты одинаковые. Однако один конверт оказывается не только отличным от других, но и более плотным.

Даша читает письмо Бори Воробьёва несколько раз. Внимательно рассматривает фотографии. Потом звонит своему другу, Диме Каратееву:

– Димка, зайди ко мне на минутку. Не могу понять, что тут такое.

Дима Каратеев заходит к Даше и тоже несколько раз читает письмо.

– Никому ни слова, – повторяет он, сам того не подозревая, реплику Бориной тётки. – Мне нужно это кое-кому показать.

Кое-кто – это известный журналист-международник, с семьёй которого дружат родители Димы. Дима ждёт, пока кое-кто вернётся из командировки в США, и показывает ему письмо.

Журналист-международник чувствует, чем это пахнет.

– Никому ни слова! – говорит он, и выходит на американского атташе по культуре.

Атташе читает письмо и рассматривает фото. И говорит:

– Если это правда – это скандал. Очень большие люди полетят с кресел. За что вы нас так ненавидите?

Журналист-международник убеждает атташе, что не испытывает к американскому народу ничего, кроме уважения, и предлагает отправить письмо адресату.

– Это же можно подать и как продолжение «Союза-Аполлона»: советский космонавт в американском экипаже, Интеркосмос, дружба, мир, жвачка!

– Салливан – национальный герой, ты понимаешь, что начнётся в Штатах, если выяснится, что она русская?

– Так пускай эту кашу заварят Смиты! – говорит журналист-международник. – Им не привыкать, они сами эту кашу заварили два года назад, пусть и расхлёбывают.

– Володя, ты уверен, что ты не из КГБ? Это очень похоже на их штучки.

– Даже если бы был, всё равно не признался бы, – смеётся Володя. – По рукам?

Письмо отправляется в Манчестер, штат Мэн. Но в это время Саманта с отцом в Лондоне, на съёмках сериала «Лайм стрит». Всю почту читает Джейн Смит. Работы много, Джейн распределяет письма на те, которые дать прочесть Саманте, которые показать Артуру, а которые и вовсе переправить в полицию. Письмо из Советского Союза приходит за день до возвращения Артура и Сэмми. Джейн не верит переведённому тексту и просит знакомую славистку заглянуть вечером на чашку кофе.

Славистка читает оригинал и испуганно смотрит на Джейн.

– Серьёзно? – Джейн всё ещё не верит. – Так и написано?

Женщины разглядывают фотографии, находят журнал «Лайф» с фотографией Кэтрин Салливан на обложке.

– Бог ты мой... – шепчет славистка.

Из уст Джейн вырывается сакраментальное «никому ни слова».

25 августа 1985 года она едет в аэропорт Огасты. Но ждать она не может, звонит в Бостон, находит Артура и всё выкладывает по телефону.

И тем самым спасает жизнь мужу и дочери.

Знак судьбы

Артур и Саманта решают остаться в Бостоне, чтобы с утра отправиться в редакцию «Бостон Глоб», где работает университетский приятель Артура. Смиты снимают номер в отеле и валяются спать.

Ранним утром их будит звонок Джейн.

– Артур, срочно включай телевизор!

В новостях сообщается, что легкомоторный самолёт «Бичкрафт 99» местной авиалинии из-за сложных погодных условий вместо Огасты был перенаправлен в муниципальный аэропорт Оберн-Льюистон, где пилот промахнулся мимо взлётно-посадочной полосы и разбился. Погибли четверо пассажиров и два члена экипажа.

– О господи! – говорит Сэм. – Па, это наш самолёт!

Артур обнимает дочь. Она плачет, потом смеётся, потом снова плачет. Артур даёт ей немного успокоительного и снова укладывает в постель.

– Я не хочу спать, – сопротивляется Сэм. – Не сейчас.

– Нет, милая, тебе нужно поспать. Теперь для нас уже вопрос чести – довести это дело до конца. Я попрошу маму отправить оригинал письма Дэнни. Поспи, у нас очень много дел.

– Это знак, да? – спрашивает Сэм. – Знак судьбы?

– Я не верю в судьбу, Сэмми, ты же знаешь. Не забивай себе голову. Мы живы, и мама знает, что с нами всё в порядке. Спи.

Что делать?

Дэниэл Ллойд, репортёр «Бостон Глоб», сидит в кафе напротив редакции и смотрит на часы. Артур Смит и Сэм появляются за пару минут до назначенного времени. Саманту не узнать: она постриглась, вытянулась. Неудивительно, что ей предложили роль в мыльной опере. Интересно, что у них случилось? Скандал на съёмочной площадке в Лондоне?

– Привет, Дэнни, – здоровается Артур. – Сэмми, знакомься: это Дэнни Ллойд, будущий лауреат Пулитцеровской премии.

– Очень приятно, сэр.

– Никаких сэров, просто Дэнни. Я заказал нам кофе и булочки.

– Спасибо. Дэн, я не буду тянуть кота за хвост. Это письмо из России, посмотри и скажи, что ты думаешь.

Дэниэл надевает очки и читает. Брови его сразу ползут вверх, подслеповатые копии фотографий заметно дрожат в руках.

– Твою... простите... Артур, это что?!

– Оригинал тебе доставят сегодня курьерской службой. Я мог обратиться с этим только к тебе.

– Это правда?

– Откуда я могу знать? Джейн вчера огорошила нас, едва мы прилетели.

Дэнни снимает очки и начинает протирать их салфеткой.

– Святые бананы, да из-за этого не то что Штаты – весь мир на уши встанет. Русская нелегалка внедряется в НАСА, да ещё и в открытый космос выходит... Артур, дружище, ты думаешь, мне дадут об этом написать?!

– Мне обратиться в другое издание?

Мужчины сверлят друг друга взглядами. И Саманта пользуется случаем.

– Почему взрослые видят во всём лишь заговор и преступление? – говорит она. – Мы ничего не знаем. Мы даже фотографий не видели настоящих, всё только со слов мамы и по этим копиям. Может быть, мальчик потерял маму, и теперь ищет её во всех похожих женщинах.

– То есть мы всерьёз рассматриваем письмо сумасшедшего русского пацана? Артур, я тебя не узнаю. Ты же работаешь с корреспонденцией Саманты больше двух лет, неужели ты не научился ещё отделять зёрна от плевел? К тому же это может быть провокация КГБ...

Саманта хватается бумаги и встаёт из-за стола.

– Извините, сэр... Дэнни. Кажется, мы не по адресу. Папа, поедет домой и там всё обдумаем...

– Стоп, стоп, – Дэниэл тоже вскакивает. – Давайте не будем горячиться, юная леди. Вы должны понимать, что ситуация более чем неоднозначная, и прежде чем влезать в драку, я должен взвесить все за и против.

– Ответ очевиден – не влезайте в драку.

Артур следит за этой сценой с открытым ртом. Дэнни стоит перед Самантой и выглядит так, будто его сейчас удар хватит. Саманта похожа на учительницу младших классов, которая отчитывает родителей шалуна. И совершенно непонятно, играет она или всерьёз.

– Окей, – Дэнни поднимает руки. – Может, вы мне скажете, что делать?

– Скажу, – спокойно говорит Сэмми. – Давайте пригласим этого мальчика в Соединённые штаты.

– Что? – хором спрашивают Артур и Дэниэл.

– Пригласим его к нам, – повторяет Саманта.

События вокруг

Боря отправляется в третий класс. Саша и Паша идут в первый. Ребята сейчас живут в одной комнате, близнецы спят на самодельной двухъярусной кровати, Боря – на койке с панцирной сеткой. Уроки приходится делать по очереди, поэтому Боря старается делать всё в школе, сидя в библиотеке у Станислава Николаевича.

Папа почти не пьёт, но дольше задерживается на работе. Мама Вера всегда очень радуется возвращению Бори из школы. Вместе они гуляют с Ниной, ходят в магазин, а иногда Боря сам сидит с сестрой, чтобы папа с мамой могли сходить в кино или в гости.

Кажется, всё вокруг пришло в норму. На самом же деле вокруг Бори начинают стремительно развиваться события буквально международного масштаба.

В короткой цепочке, ведущей от отдела писем «Пионерской правды» к американскому атташе по культуре, находится слабое звено. Скорей всего, слабы все звенья, но в итоге это уже не важно. В кратчайшие сроки о письме первоклассника Бори Воробьёва становится известно на самом верху. Генеральный секретарь даёт приказ разобраться в ситуации, но деликатно.

Компетентные органы проводят короткое, но тщательное и действительно деликатное расследование. К ужасу всех вокруг, собранная информация не может ни подтвердить, ни опровергнуть слова мальчишки. Это значит, что американская национальная героиня может быть за просто советской перебежницей. Задействуется иностранная резидентура, но и она не может со стопроцентной гарантией идентифицировать Кэтрин Салливан.

Между тем из американского посольства в Москве в аппарат ЦК поступает письмо: в порядке доброй воли и в рамках борьбы за разоружение, учитывая невероятно плодотворный визит американской школьницы в СССР, одна из известнейших газет Америки, «Бостон Глоб», предлагает руководству Советского Союза отправить в Соединённые Штаты Америки советского школьни-

ка. В качестве принимающей стороны выступает Саманта Рид Смит, она же будет сопровождать советского школьника в путешествии по Америке. Расходы за проезд и всё время пребывания школьника в Америке «Бостон Глоб» берёт на себя. В качестве же гостя Саманта Рид Смит хотела бы видеть ученика Лопаевской восьмилетней школы Боря Воробьёва, чьё письмо глубоко тронуло и растрогало Саманту.

– Это что – провокация ЦРУ? – возмущается Генеральный секретарь. – Что за бесхозяйственность вы мне тут развели: никто не знает, что происходит в собственной стране. Разобраться и предоставить исчерпывающий отчёт в самое кратчайшее время.

Увы, результаты те же самые.

В отчаянии советская резидентура в Стокгольме назначает несанкционированные переговоры ЦРУ. В ходе встречи выясняется, что и ЦРУ, и ФБР тоже копают под Салливан, и тоже не могут подтвердить или опровергнуть подлинность её гражданства.

На стол Генерального секретаря ложится новый подробный доклад. Нельзя сказать, что Михаил Сергеевич доволен, но информация о том, что вероятный противник тоже находится в растерянности, несколько подслащивает пилюлю.

– Ладно, давайте разрешим эту авантюру. Посмотрим, что из этого получится.

Письмо от Саманты

Зимние каникулы в самом разгаре. Боря с братьями и одноклассниками гоняет с ледяной горы чуть ли не с утра до вечера, и домой возвращается красный, мокрый и весёлый. Скоро ему исполнится десять лет, и мама Вера обещает ему совершенно невероятный подарок: морской бинокль, который стоит чуть ли не как телевизор.

Однажды он возвращается домой чуть раньше чем обычно и сталкивается в подъезде с почтальоншей Анной Ивановной. Она смотрит на Боря со странным выражением – удивлением и завистью.

Ничего не понимая, Боря поднимается к почтовым ящикам, расположенным между первым и вторым этажами, и заглядывает в свою ячейку. Там толстая «Литературная газета», «Пионерская правда», «Комсомольская правда», журнал «Сельская молодёжь» и конверт.

Конверт явно нездешний, очень яркий, в разнообразных штемпелях, весь облепленный марками, но самое главное – буквы на нём иностранные.

Сердце Бори начинает колотиться так сильно, что он даже начинает задыхаться. Он роняет на пол всю почту, кроме письма. Непослушными с мороза пальцами он разрывает конверт, на котором понимает только два слова – Samantha Smith.

Письмо внутри тоже на английском. Боря быстро подбирает всё, что уронил, и на первой космической скорости устремляется на пятый этаж. Он вваливается в квартиру и кричит:

– Мама! Мама!

– Я тут, Борь, – отзывается мама Вера с кухни. – Что случилось?

Боря, не раздеваясь, заходит на кухню, и спрашивает:

– Ты знаешь английский?

– Ну, так, соу-соу, – отвечает мама Вера.

– Прочти, пожалуйста, – и Боря протягивает ей письмо.

Мама Вера берёт письмо и читает:

– Привет, дорогой Боря. Я... э... видимо, это «получила»... да, получила твоё письмо... Хм... Нет, Боря, я не очень понимаю. А откуда это?

– Это от Саманты Смит.

– Что?!

Мама Вера хватается конверт и читает:

– Манчестер, Майн, Ю-Эс-А. Саманта... – она поднимает глаза на Борю. – Борька, обалдеть! Это точно от неё! Погоди, у меня где-то словарь был карманный.

Примерно через час мама Вера с грехом пополам переводит письмо. Там написано, что Боря очень растрогал Саманту своей историей, и она приглашает его в гости на две недели, начиная с февраля этого года.

– В гости? – переспрашивает Боря.

– В гости, – кивает мама Вера. – Борька, я не знаю, что ты там такое написал, но я тобой горжусь!

– Не горжусь, а горжусь, – рассеянно поправляет Боря.

– Другие пусть горжатся, а я горжусь, – мама Вера берёт Борю в охапку и прижимает к себе.

– Ну и сынище я себе отхватила!

Боре становится дико стыдно. Ведь его цель – встретиться с настоящей мамой. Значит, что Вера – просто чужая тётя, которая почему-то живёт в их квартире. Но он уже не может относиться к ней как к чужой. И получается, что он её сейчас предаёт.

Семейный совет

Известие о письме из Америки распространяется со скоростью верхового лесного пожара. Уже к вечеру все Лубенниковы собираются в квартире Воробьёвых. Все галдят и спорят. В первую очередь о том, кому сопровождать Борю. Папа сразу отказывается. Он вообще против того, чтобы Боря ехал в Америку.

– Этот засранец тайком от всех, значит, письмо отправил, а я его отпускать должен?

– Не тайком, – заступает за племянника Лёша. – Это мы с Мариной его письмо перевели. Не хочешь ехать – мы поедём.

– Тебя не выпустят, – говорит Люда. – Забыл, что ты в засекреченной связи служил? Я с Витей согласна – нельзя Борьку никуда отпускать. Слишком своевольный стал. Опозорил на весь мир...

– Почему опозорил? – вмешивается мама Вера. – Да он сейчас знаменит будет не меньше этой Саманты! Он же хороший мальчик! И учится хорошо, и помогает...

– Вера, не говори, чего не знаешь, – качает головой Люда.

– Как это не знаю? Я с ним каждый день времени чуть не больше, чем с Витей провожу. Для него же на всю жизнь событие, вы чего?

– Господи, Вера! Да он туда к матери своей уехать хочет, понимаешь?

– В смысле? – теряется Вера.

Все, кроме папы, наперебой рассказывают ей историю про маму. Настоящую маму. Мама Вера слушает, и глаза её наполняются слезами. Она смотрит на Борю, и тот не знает, куда деваться от стыда. Но дальше происходит то, чего никто от Веры не ожидает. Она подходит к Боре, прижимает к себе и говорит:

– Только попробуйте его не отпустить! Боря, не слушай никого, понял? Ты поедешь! Слышишь меня? Я тебе обещаю – поедешь! Все слышали?!

Боря обнимает маму Веру и начинает плакать.

– И повезёшь его ты! – говорит мама Вера Люде.

– Я?!

– А кто ещё?! Бабушка?!

Бабушка испуганно жмётся к Лёше.

– Не поеду я ни в какую Америку. Я самолётов с войны боюсь!

– Витя тоже не поедет. Не дай бог он там выпьет – и позору не оберёшься. И даже не спорь, Воробьёв, знаю я тебя! Лёшу, видимо, не выпустят. Так что остаёшься только ты. И только попробуй отказаться!

– Да я...

– Только попробуй!

Кажется, в лице мамы Веры Люда впервые получает достойного противника.

Решение принято. Боря едет.

В путь

Пройдя массу комиссий и инстанций, многократно прокляв всех и всё на свете, Люда получает выездную визу. Бору оформляют проще, но с ним другая проблема: ему не дают прохода журналисты. Всем интересно знать, что именно он написал Саманте Смит. Но в инстанциях всем – и Боре в том числе – даны самые жёсткие инструкции: не разглашать содержания письма. Поэтому единственно, что Боря может ответить – это то, что всего лишь рассказал о своей семье.

Январь пролетает за подготовкой к поездке. Люда обновляет гардероб прямо в Москве, под руководством ведущих модельеров. Люду даже в партию принимают. С Борей усиленно занимаются английским языком ведущие педагоги, но за столь короткий срок впихнуть в голову мальчику удаётся разве что «Привет», «Как дела?» и «Меня зовут Боря, я из Советского Союза».

В назначенный день Боря с Людой садятся в Ил-86 и отправляются в путешествие, которое делает их знаменитыми на весь мир.

Встреча

1 февраля 1986 года. Самолёт «Аэрофлота» мягко приземляется в международном аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Паспортный контроль для Бори и Люды организуют по упрощённой схеме, и вскоре они вместе с переводчиком Сергеем Владимировичем выходят в зал встречающих.

– Людмила Васильевна, улыбайтесь, пожалуйста, – негромко просит Сергей Владимирович.
– Сейчас нападут репортёры...

Там толпа! Фотовспышки работают так часто, что, кажется, и не гаснут вовсе. Гостей приветствуют радостными криками, народ машет флажками – американскими и советскими, и впереди всех – Саманта. Боря узнаёт её несмотря на то, что косичек давно нет и выглядит она уже не как девочка, а как взрослая девушка, но лицо всё такое же – улыбчивое и открытое.

– Саманта! – кричит Боря и бежит навстречу.

– Борья! – кричит Саманта и тоже устремляется вперёд.

Они останавливаются примерно за полметра друг от друга, смотрят в глаза, оглядываются – и пожимают руки.

«Челленджер»

Боря с Людой и Саманта с папой, а также Сергей Владимирович почти прижимаются к панорамному окну в диспетчерской вышке на авиабазе «Эдвардс», Калифорния. Все усталые, но возбуждение преобладает. С минуты на минуту на посадочную полосу 23 приземлится космический

челнок «Челленджер». Миссия «Челленджера» началась неделю назад во Флориде, при старте были серьёзные технические неполадки, но всё обошлось, и сейчас он приземлится.

Кэтрин Салливан – специалистка полёта в этой миссии. Как сообщает переводчик, Кэтрин должна была лететь через четыре года на шаттле «Дискавери», но ей пришлось подменить Джудит Резник, которой врачи рекомендовали пропустить этот полёт. Кроме того на борту ещё одна астронавтка, школьная учительница Криста Маколифф. Саманта и Боря тут же знакомятся с её детьми Скоттом и Кэрл.

Уже слышен низкий гул приближающихся двигателей. В толпе встречающих кто-то замечает точку в ярко-голубом небе. Все взгляды прилипают к этой точке. Боря представляет, что притягивает космический корабль к земле, как бумажного змея, и тянуть нужно осторожно, чтобы змей не вильнул в воздухе, не упал.

Саманта держит Борю за руку и заново переживает момент, когда узнала об аварии своего самолёта, и отчаянно молится, чтобы всё обошлось.

Люда терзает рукоятки сумки, пальцы её побелели настолько, что, кажется, совершенно обморожены. Сергей Владимирович как можно мягче касается её локтя:

– Спокойнее, Людмила Васильевна. Всё в порядке.

Люда немного ослабляет хватку.

Гул нарастает, постепенно превращаясь в рёв. Уже можно разглядеть крылья, хвост и брюхо «Челленджера». Уже видно, что выпущены шасси. Три, два, один... Касание! Все зрители аплодируют. Шаттл постепенно замедляет движение, начинает руление на полосе. Наконец он останавливается, и к люку подгоняют трап.

Боря изо всех сил сжимает руку Саманты. Саманта сжимает его руку в ответ.

Люк открывается. Сейчас один за другим под солнце выйдут восемь астронавтов, среди которых – Боря уверен – есть его мама.

Но именно в этот момент он может думать почему-то только об одном: как зовут девочку Мешковых.

Нина.

20 июня – 12 октября 2020 года

Ия КИВА

так писали музыку оглохшие композиторы
двигаясь на кончиках пальцев в вывихнутых пространствах
к определённости маков, цветущих вдоль железной дороги

если выбирать между нотой и её отсутствием
выбираешь звенящую заражённую полость, железный её мост,
и идёшь по нему как бы в мутном целлофановом капюшоне

видишь людские пятна и ничего не чувствуешь
даже еду воспринимаешь слишком буквально: как форму и цвет
но не яблоко желания, перекатывающееся во рту нотного стана

так выбрасываются из материнского аквариума на берег
и хватают крик, как ветку крепкого дерева
и качаются в нём, как в зёрнах пшеничного поля

если выбирать между ветром и урожаем
выбираешь слёзы колышущихся сорняков
и бросаешься в них, как в запах отсутствующего отца

отрезая себе язык, как вчерашнюю память
пока зеркало будущего заполняет лицо

так рождается в шахте лёгких цветов воздуха
и растёт опрокидываясь наружу
как опасность на лацкане потёртых объятий

если выбирать между водой и водой
выбираешь грязь, украшенную колкими зарослями
выбираешь грязь из земли, носа, ушей, глаз

Ия Кива родилась (1984) и выросла в Донецке. С 2014 года живет в Киеве. Пишет на русском и украинском языках. Стихи, рецензии и переводы публиковались в журналах «Воздух», «Новая Юность», «Новый мир», «Крещатик», «Октябрь», «Интерпоэзия», «©юоз Писателей», в интернет-изданиях «Цирк "Олимп"», «Артикуляция», «Двоеточие», TextOnly и др. Стихи переведены на 10 языков. Автор книг стихов «Подальше от рая» (2018) и «Перша сторінка зими» (2019). Перевела роман Марии Галиной «Автохоны» на украинский язык (2016), переводит современную украинскую (на рус.), белорусскую и польскую поэзию (на укр. и рус.). Предыдущая публикация в «Волге» – 2019, № 3-4.

все наши истории в социальных сетях
похожи на полки с мясом в супермаркетах

каждый может купить любой кусок твоего тела
и перекрутить на фарш сделать котлеты

только представь себе
выйдешь в апокалиптическую красоту цветущего снега
а там люди переваривают твои уши почки ноги
обмениваясь комментариями о качестве присвоенных страданий

за отдельную плату
ты можешь всё это подсмотреть

или нет

наши истории – разлагающиеся тряпки в секонд-хендах
бесконечно однообразные когда мы говорим о различиях
между грязным чёрным и чуть менее грязным чёрным

нас намотало на производственную ленту времени
и за волосы тащит в пустоту публичных пространств

это какой-то род благотворительности
живи не для себя
отдай свою жизнь за бесценок во славу светлого будущего

или нет

наши истории – стёршиеся медицинские маски
использованные постиранные и проглаженные множество раз
носителями самых разнообразных убеждений и идеологий

мы так много наговорили в диктофон памяти
что теперь никто не узнает что там было в начале
рождение слова или акт радикально иного события

в начале был рот
он ел сам себя

или нет

у нас в животах
детская железная дорога
работает круглосуточно

проводки оглохшие
военно-капельную тревогу
имена бога
бисерные наши тела
мы зашиваем в брюшную стенку плача

огни этой медленной ночи
так тесно горят

мы ватными пальцами
трогаем шум беспокойной воды
рвущейся прочь

слушаем землю
она еле ворочает языком

мы в ночь вдеваем запястья
но зарубцевавшиеся участки
проезжаем с зажмуренными глазами
и пассажиры встречных вагонов
после рассказывают
что таких людей ещё никогда не видали

нет ладно
ничего кроме правды
они говорят совершенно иначе

эти уроды опять выводили
мёртвых детей на прогулку
с крест-накрест перебитыми ртами

плевались бинтами и кровью
грязными пятками били нам в окна
не давали делать ремонт текущих событий

мы еженощно
выносим себя на подоконник
навстречу воспаленным суставам мгновений
и просим у солнца пощады

мы не хотим показывать швы наших дней
нам надо домой

ещё и ещё

это лето – тёмный раскачивающийся коридор
времени, нависающего над горной рекой
(не важно, что мы никогда в горах не были
мы много где не были и уже никогда не будем)

а сейчас мы держимся за самый краешек воображения
и думаем, что идём, что хотя бы не падаем
что в наших слезах виноваты зелёные луковицы деревьев
растущих на обочинах бесплодных промзон

в детстве мне годами снился один и тот же кошмар:
я стою на подножке троллейбуса, он едет по небу
и огромный человеческий кит толкает меня в пасть падения
я танцую чёрный огненный танец и просыпаюсь

и кручусь на одной ноге ненаписанного письма
себе прошлой, потому что в грядущем
мы будем вкладывать мысли друг в друга
как языки в глаза и раны любимых

а пока детский крик этого лета длится и длится
как цветные стёклышки памяти от калейдоскопа
разбившегося в жизни другого города

где коты ходят в костюмах котов
люди ходят в костюмах людей
на страницах книги, свалившейся с полки истории

с отданным за бесценок фидбеком
с прорывающимися сквозь помехи переживаниями
мы стоим в самом начале столетия
вслушиваемся в гул суставов старого мира
и разливаем кипящую речь так густо

что все органы чувств оказываются в группе инвалидности
прикованными к жёстким больничным кроватям

заражённое знаками пространство
распространяет сигналы нового времени
от одного слухового аппарата к другому
разматывая длинный свиток живого и мёртвого
как провинциальные иллюзии о тотальности иммобилизации

эмоциональные капиталисты ловко жонглируют
прохудившимися рубахами последних смыслов
распиная джокеров во славу утраченной справедливости
окружая растерянный социум бесконечной заботой о себе

мы предъявляем свой праведный гнев будущему
как фундамент для отсчёта новой истории
как повод для мифа о вечно длящейся адаптации
и не получаем взамен ничего кроме социальных сетей
пока хромоногая свобода на длинной цепи рефлексии
перемалывает продукты производства и потребления

главное – не забывать озвучивать свои претензии
где-то между вертикалью власти и ее закатившимся горизонтом
захлёбываясь тьмой и светом отстаивания личных границ

Павел КОШЕЛЕВ

ФРУКТЫ И ФРУКТИКИ

Повесть

*Фрукт – неприятный, подозрительный или ненадёжный человек.
(из Викисловаря)*

Часть первая

Глава первая

(в которой мы толкаем кофе)

На улице можно жопу себе отморозить. И мы морозим, что поделать. Торгаши на рынке «Ивушка» стали несговорчивые.

- Не желаете кофе приобрести? – спрашивает Дантист у очередного.
- Нет, спасибо. Мне ворованное не надо.
- Зубы сломать бы тебе, – бормочет Дантист, и мы идем к следующей палатке.

Зима – благодатный сезон для выноса. Спрятал под пуховик и пошел. А кофе – оптимальный товар. Долго хранится, дорого стоит и занимает мало места. Выносишь – толкаешь – покупаешь то, что не получается вынести: сигареты там или газ.

– Не желаете кофе приобрести? – спрашивает Дантист и встряхивает коричневые гранулы в стеклянной банке.

- Сколько?
- Сто рублей. Хороший кофе, не пожалеете.
- Давай две. Жена любит.

Даем две. Обходим еще несколько палаток. Продают в них разное. В основном, конечно, палёные спортивные костюмы. Но еще маринованные огурцы, игрушки, женское бельё и живую, но уже вонючую рыбу, пойманную в заливе.

Дантист пялится на бельё, а я на игрушки. Нет, я уже года два не играю в них, но по привычке смотрю. Беру с прилавка пластмассового человека-паука. Руки и ноги у него на шарнирах, крутятся во все стороны – это хорошо. Но сзади зачем-то приделан плащ супермена – это всё портит. Кладу обратно.

Дантист тем временем не только на лифаки залипал. Он успел добазариться с продавщицей, толкнул ей целых три банки на перепродажу.

– Приятно иметь с вами дело, – говорит он ей фразу, подсмотренную в каком-то пафосном фильме. – Может, у вас есть особые пожелания? Я могу в следующий раз по заказу что-нибудь принести.

Павел Кошелев родился в 1997 году в г. Северодвинске (Архангельская обл.). В 2015 году поступил в Рязанский радиотехнический университет, был отчислен. В 2018 году поступил во ВГИК на сценарно-киноведческий факультет. Публиковался в журналах «Дружба народов» и «Новая Юность». Живет в Москве.

- Детское питание мне надо. Пюре, паштеты. Они дорогие, сволочи.
- Паштеты или дети?

Продащица смотрит на него, как на полного мудака.

- Шутка. В следующий раз принесу.

И мы уходим. Наконец-то валим с этого вониючего рынка. Кофе продано, пятихат на кармане. Дантист набирает номер. Выглядит он при этом невероятно важно.

- Мне этот номер Бонг дал, – хвастается Дантист. – Алло. У рынка «Ивушка», на парковку сможешь подъехать? Ага, ждём.

Бонг учится не в нашей школе и живет не в нашем районе. Сам я Бонга ни разу не видел, но слышу о нём почти ежедневно. Многие с Бонгом знакомы, но никто не может назвать его другом. Все говорят, что он очень стильно одевается, виртуозно выносит из магазинов, круто рисует (хотя, кроме нескольких тэгов, лично я ничего не видел) и махается «как мясник». Все хотят быть похожими на него, поэтому все за ним повторяют. Стоило Бонгу написать баллончиком на стене свое прозвище, и город покрылся тэгами так же быстро, как тело покрывается ожогами при пожаре. Стоило Бонгу украсть пару жвачек, и вот уже в отделах с кофе висят предупредительные таблички «вас снимает скрытая камера». Продолжать этот список можно долго. Если что-то делает каждый, значит, первым это сделал Бонг.

Мы заходим в магаз «Диван Диванов», чтобы погреться. К нам тут же подсакивает кадыкастый парнишка с галстуком.

- Вам что-нибудь подсказать?
- На диванах посидеть есть варик?
- Только на тех, что без специальных табличек.

Мы идем вглубь торгового зала, там выбор больше. Консультант тащится за нами, как будто мы собираемся диваны здесь воровать. А что? По школе ведь ходит легенда о том, как однажды Ток умудрился вынести кондиционер, а потом не смог нигде его толкнуть и тупо выбросил посреди улицы. Другое дело, что Ток клептоман и олень, любитель выносить бесполезный хлам ради прикола. Мы не такие. Так что консультант может быть спокоен, но откуда ему об этом знать?

Диванов много, но, как назло, на всех кожаных лежат эти скотские таблички, вернее тетрадные листы, на которых от руки написано, что сидеть нельзя. Мы выбираем простецкий бежевый диванчик.

- Как вам? – интересуется консультант, заложив руки за спину. Ему хочется, чтобы мы поскорее ушли.

- Диван? Охуительно, – говорит Дантист.

Консультант не находит ничего лучше, чем молча уйти. Я бы тоже ничего лучше не придумал.

- Это сын нашей училки по музыке. Мы с Током в прошлом году снежками его закидали, когда он псину свою выгуливал. И под говно пнули пару раз. Надеюсь, он меня не узнал. Хотя какая разница? Я ему зубы сломаю, если начнёт предьявлять.

Мы сидим просто так, молча. Оттаиваем. Зимой слишком долго гулять не получается. Иногда такой дубак, что аж слюни во рту подмерзают, становится трудно говорить и курить. Зима – это время подъездов, подвалов. Но не только. Еще можно завалиться в торговый центр «Северное сияние» или ЦУМ, шляться по разным отделам и коридорам, кое-где вдыхать запах карамельного попкорна. Или сесть на скамейку между этажами и смеяться над проходящими мимо уродами. Если уродов попадается много, то можно часов шесть там проторчать. Но сейчас мы здесь, в «Диване Диванове», и уродов поблизости нет (кроме, разве что, этого консультанта). Нам и без них хорошо. Это приятно само по себе: сидеть с другом на мягком диване в просторном, теплом, светлом помещении, где играет тихая ненавязчивая музыка. Молча сидеть и ждать, когда придет барыга.

– Мобилу-то покажешь? – нарушает Дантист молчание.

Протягиваю ему телефон, который родители подогнали на днях. Красная «Нokia» со скошенными краями и ядовитой подсветкой. На нём есть всё, чего мне так не хватало на предыдущем, с его черно-белым экраном и двумя стандартными играми, пройденными вдоль и поперек.

Повертев мобилу в руках, Дантист говорит:

– Нормальная. Но моя всё равно пизже.

Его «Моторола» тут же звонит, как будто откликается на комплимент хозяина.

– Алло. Ага, сейчас подойду.

И мы выходим из магазина.

Глава вторая

(в которой мы покупаем фруктики)

За те полчаса, что мы там просидели, снаружи успело стемнеть. Тачка барыги слепит нас фарами. Девятка, семёрка, восьмёрка – не разбираюсь. Какое-то отечественное ведро вишневого цвета. Садимся. Барыгу слегка потряхивает, на бледном лбу выступают крупные капли пота.

– «Айс», «Эйфория», «Фруктики».

– Давай фруктики. Полку.

– А этот глазастый чё, тоже будет? – спрашивает он про меня, сидящего на заднем.

– Может, и будет, тебе-то что?

– Да ебаться, он же совсем малой ещё.

– На два класса младше меня всего лишь, нормальный.

– Ладно, смотри сам. С тебя пятихат.

Дантист отдаёт ему деньги, забирает фруктики. Мы выходим из тачки, и она моментально уезжает, резво вырывая между ямами.

– Это прущный микс, – рассказывает Дантист на ходу. – Его Крюгер себе на днюху брал. Мы на катке, на стадионе «Север» удулись в сопли. Лежали в сугробах убитые. И у нас прямо перед глазами разноцветные фруктики плыли и подмигивали. Мультишные такие, как в игровых автоматах.

Звучит интересно. Хочется тоже позырить на фруктики эти.

– А потом мы сидели там в кафетерии. А в этом кафетерии, знаешь, по телику вечно советский мультик про хоккеистов крутят? Ты полюбэ его видел, просто не помнишь. Короче, не суть. Мы смотрели на этих хоккеистов, и нам казалось, что мы с ними вместе играем. Крутой этот микс, вот я к чему говорю.

Мы идем в сторону Муравейника. Так называется один особенный дом у нас на районе. Самый высокий в городе: его южная часть достигает 16-ти этажей. Изломанный, как змея, попавшая под колеса. Длинный настолько, что занимает сразу два адреса. Тридцать входных дверей. Пятнадцать скрипучих медленных лифтов. Темные коридоры. Визгливое эхо. Тайные этажи, чердаки и подвалы. Стены, на которых уже почти нет свободного места для тэга. Толпы странных типов, мы в том числе. Использованные шприцы и бездомные кошки. Всё это – Муравейник. Когда-то он был построен по специальному проекту, чтобы в нем жили лучшие работники завода. Проектировщики не смогли бы даже представить себе, в какое легендарное чудовище он превратится.

Первым делом заходим в аптеку. Пахнет бинтами и хлоркой.

– Зачем вам пипетка? – спрашивает аптекарша. – Наркотики курить?

– Капли в нос капать. От соплей. Какие, кстати, посоветуете?

– Не похоже, что у вас насморк.

– Тебя волновать не должно. Пипетку давай.

– А ну пошёл отсюда, пока я в милицию не позвонила!

Аптекарьша старой закалки, жёсткая. Выходим ни с чем.

– Вот ведь шалава ебучая, – говорит Дантист. – Бонг предупреждал, что надо стараться в нос говорить, но я-то думал, что он прикалывается.

Осенью нашу школу накрыла «миксовая» волна. Один чел докурился до того, что попал в дурку. Приехали репортеры, съёмочная группа с областного телеканала, стали брать интервью у его одноклассника по прозвищу Джеймс. Интервью решили взять именно у него, потому что выглядит он, что называется, презентабельно, ходит всегда в пиджаке. Из-за этого его так и прозвали – Джеймс, в честь Бонда. «Этот малый подаст юным зрителям положительный пример», – подумали репортеры.

– Как вы относитесь к наркотикам? – спросили репортеры у Джеймса.

– Плохо, – ответил Джеймс репортерам.

– А почему? – спросили репортеры у Джеймса.

– Потому что они дорогие, – ответил Джеймс.

После этого всё с нашей школой окончательно стало понятно. Репортеры с областного телеканала уехали и больше не возвращались. Примерно тогда же в рамках проекта по борьбе с подростковой наркоманией по аптечным сетям пробежал неофициальный указ, после которого купить пипетку стало совсем не просто.

– Не думал, что до такого дойдёт, – продолжает возмущаться Дантист и сочно харкает в снег, нервно закуривая. – Ладно сиги не продают – понимаю. Но тут-то что? Это же просто стекляшка в пластмасске!

Мы высматриваем, у кого бы попросить нам купить. Люди идут в шапках и капюшонах со своих работ. Они уставшие и голодные, им холодно, им совершенно не до того.

Нам часто приходится просить какого-нибудь мужика купить сигарет. И в этом есть свои тонкости. Мужик должен быть не слишком старый, потому что старый точно откажется. Но и не слишком молодой, потому что молодой может обмануть: взять бабки и свалить. Мужик не должен быть слишком хорошо одетый – такой мало того, что откажется, так еще и посмотрит как на говно. Но и совсем опустившимся мужик тоже не должен быть – мозги у таких мужиков не фурычат – попросишь, допустим, «Бонд», он десять раз переспросит название, а потом всё равно по дороге забудет и принесет тебе какую-нибудь парашу: «Тройку» там или «Арктику». Ещё очень важно понять, курит ли мужик сам. Самый верный способ – это, конечно, увидеть его с сигаретой. Далее неплохо бы попытаться угадать, в каком возрасте мужик начал курить. Если рано, то сам он когда-то сталкивался с такими же трудностями, и поэтому согласится наверняка. Птичка в клетке, пачка в кармане. Но эта теория работает только с сигами. Как быть с пипетками, не знает пока никто.

– Извините, вы не могли бы...

– Пошёл на хуй! – отвечает какой-то козёл, даже не дослушав.

– Зубы сломаю... – произносит Дантист негромко, так, чтобы козёл не услышал. У нас на кармане фрутики, и проблемы нам сейчас ни к чему.

Людей становится больше и больше. Работяги прут с завода. Но и не только они. Вот женщина с осветленными волосами, в короткой кожаной дубленке, на каблуках. Как раз к аптеке подходит.

– Извините, – говорит Дантист и шмыгает носом. – Можно вас попросить, – снова шмыгает, – купить пипетку и капли от насморка, – шмыгает дважды. – Нам не продают, – шмыгает особенно глубоко. – Из-за нариксов всяких.

Женщина смотрит на него оценивающе. Дантист протягивает полтос:

– Вот деньги.

– Оставь себе. Жди тут.

Голос у нее с хрипотцой. Она, покачивая бёдрами, скрывается за аптечной дверью. Дантист говорит восхищенно:

– Ты видел, какая жопа? Почти как у нашей директрисы!

А по-моему, жопы у них обеих огромные, как у кобыл. Нечем тут восхищаться.

– Ничего ты не понимаешь. Ты реально малой ещё, подрастешь и заценишь.

В средней школе два года – это огромная разница. Особенно если учесть, что даже среди своих-то одноклассников я не первый по этим делам. У меня ещё даже голос ломаться не начал толком.

Женщина выходит из аптеки. Протягивает Дантисту пипетку и капли.

– Если у тебя действительно насморк, то выздоравливай. А если насморка нет, то мой вам совет: кончайте с этим, ребята.

На слове «кончайте» Дантист издает детсадовский смешок. И это ещё я «малой», ну-ну. Женщина уходит.

– Извините, – окликает ее Дантист, – может, мы с вами сходим куда-нибудь?

Она смотрит на него с искренним недоумением.

– Куда?

– Ну там... Я и вы, в смысле. Вдвоем. На свидание типа.

Женщина ничего не отвечает. Только ухмыляется, поправляет прическу и идёт куда шла, виляя задом ещё сильнее.

– Она меня хочет, ты видел? Она меня хочет, – говорит мне Дантист и дёргает за плечо. – Постеснялась при тебе соглашаться просто. Или ломается.

Через пару минут про эту женщину он уже забывает. Ищет взглядом новую, но жоп не видно: все ходят в шубах или в пальто до колен.

– Ненавижу эти зимы, которые по шесть месяцев длятся, – говорит Дантист без особой грусти. Потому что нет у него поводов грустить. Потому что на кармане у него, напомним, полграмма фруктиков. И пипетка. И флакон с каплями от насморка, который он прямо на ходу выкидывает в ближайший сугроб. Мы шагаем к одной из тридцати дверей Муравейника. В арках ветрено. Наши душные куртки раздуваются, как целлофановые паруса.

Глава третья

(в которой мы играем в «Голую сотню»)

Нужная нам дверь ведет в подвал.

– Ты им сразу только не говори, что у нас с собой фруктики, – предупреждает меня Дантист.

– Сюрприз замутим.

Он несколько раз долбит по двери ногой.

– Кто там?

– Бабка с дедкой твои. Открывай.

Ток открывает. Внешне он похож на рэпера Эминема, только более круглолицый и с оранжевыми язвами в углах губ. Говорит, это оттого, что жрёт много острого, но на самом деле он вообще почти не жрёт – хоть острого, хоть какого.

Ток, освещая фонариком коридор, ведет нас направо, в так называемую комнату отдыха. Идем друг за другом, слегка пригнувшись. Пахнет гнилью и краской. С потолка свисают куски грязной марли, сбоку чернеют горячие трубы.

– Ты у «Ивушки» давно был?

– Ну так, давненько, – врёт Дантист. Видимо, чтобы сюрприз не портить.

– Надо будет сгонять. У меня «Нескафе» восемь банок еще.

Ток нещадно выносит всё, что попадает под руку. В этом он хорош. Началось это два года назад, когда от него свалила мать. Он говорит, что мать его не бросила, а просто временно уехала на заработки в Украину. Понятное дело, что гонит: какие в Украине могут быть заработки? Наверное, к мужику поехала и забила. И ни в какой не в Украине, а где-нибудь здесь, в Архангельске, например. Спихнула сына на своих стариков. Ток, чтобы поменьше с ними видеться, много времени проводит в подвале, знает здесь каждую крысу.

Заходим в комнату отдыха. Просторный квадратный зал. Даже встать можно в полный рост, но попрыгать не выйдет. Под потолком болтается лампочка. Ничем не воняет почти.

У дальней стенки на бетонном выступе сидит Крюгер. Лицо у Крюгера вечно красное, с кучей вмятин от выдавленных прыщей. Сам он низкий, даже ниже меня, но самый старший при этом. И плечи у него широченные: чуть ли не с весь его рост.

Крюгер здоровается с Дантистом за руку, со мной тоже, но неохотно. Протягивает Дантисту бутылку «Марти Рэя». Он прикладывается, кривит рожу.

– Нахуй кофейный взяли?

– Ты у этого бомжары спроси, – имеет он в виду Тока. – Я ему сказал вынести какой угодно, кроме кофейного, а он именно кофейный вынес.

Ток у Крюгера что-то вроде шестёрки. Делает всё, что тот попросит. В основном таскает ему бухло и шмотки. А Крюгер его защищает за это, хотя иногда может и сам отдубасить, чисто под настроение. Сам Крюгер выносом не занимается, ему впадлу.

– Кстати, куда он пропал? Ток!

– Ща приду, – доносится откуда-то из коридора.

– Ты чё там застрял, наяриваешь? – кричит ему Дантист.

– Завали ебало свое утиное! – отвечает Ток раздраженно. Он нервный тип. У него с психикой что-то не то. Хотя у кого «то»? Я даже не знаю. У меня одного, наверное, да и это вряд ли уже.

Ток возвращается в комнату отдыха с футбольным мячом. Мяч немного обвислый, но в целом еще ничего.

– Сыграем в «Голую сотню»?

Эту подвальную игру я знаю. Правила простые. Участники раздеваются до трусов и по очереди чеканят мяч. Кто набирает сотню – выбывает из игры. Последний считается проигравшим. Он должен снять трусы и три раза пробежать по подвалу из одного конца в другой, а затем запрыгнуть в гору стекловаты, которая лежит в конце коридора.

– Ну ты камикадзе, конечно, – говорит Дантист, снимая футболку.

На первое место Ток не рассчитывает. Разве что на третье. Он соревнуется здесь только со мной. Хочет сделать меня проигравшим. Немного ссыкую, но отказываться от игры не вариант. Раздеваюсь вместе со всеми. Наши полуголые тени на бетонных стенах похожи на инопланетных великанов. Сочетание трусов и огромных зимних ботинок смотрится туповато. Дантист тощий, Ток рыхлый и бледный, Крюгер – с кубиками пресса и волосатой грудью. Он начинает первым.

Чеканит уверенно и технично. Счёт переваливает за тридцать. Сразу понятно, что Крюгер всех надерет. Он играет за нашу школу в соревнованиях по футболу. Нападающим, причем. И вообще, он капитан команды. Дантист тоже за школу играет, но в полузащите. В итоге они оба справляются за три захода, а мы с Током на дне турнирной таблицы дрыгаемся, как жабы в притче про масло и молоко. Лишь бы не занять последнее место, лишь бы не бегать тут без трусов, лишь бы не прыгать в стекловату! Мяч летает по подвалу, выбивает эхо из стен.

– Шлюха потная! – кричит Ток на мяч каждый раз, когда тот после трех-четырех чеканок перестает ему подчиняться.

Игра обещает быть долгой, так что Дантист и Крюгер спокойно уселись, глушат из полторакх, не обращают на нас внимания даже.

- Надо на зимнем турнире надрать этих долбоящеров из тридцатой.
- Да нормальные они пацаны. Но надрать надо, согласен.
- Бонга на матч позову. Заценит, как они опозорятся.
- Ага, заняться Бонгу больше нечем.

Всё в таком духе.

Мы с Током медленно подбираемся к отметке восемьдесят пять. Финишная прямая. Оба уже порядком устали, вспотели, да и просто надоело в одних трусах тут гонять.

Моя очередь. Я чеканю. Мне удастся поймать ритм, сосредоточиться на мяче. Пацаны даже отвлекаются от разговора. Восемь, девять... Еще немного и есть! Начеканил семнадцать, побил свой личный рекорд. Сто два получается в сумме, с запасиком даже, не подкопаться. Дантист аплодирует мне. Крюгер реагирует прохладно. Видно, что он болел за Тока – все-таки Ток ему друг, хоть и чисто на побегушках. Но игра есть игра, а проигравший есть проигравший.

- Ну чё, проёбщик, снимай труселя, – говорит Крюгер.

Ток вяло бормочет что-то, но раздевается и, голый, идёт в коридор. Там он бежит как положено. В дверном проёме сверкает его бледный зад.

- Давай, давай! Вприпрыжку!
- И до конца добегай, до стенки! Слышу, что халтуришь!

Честно пробежав дистанцию, Ток возвращается в комнату отдыха.

- Довольны? – сипит он с нехилой одышкой.
- Довольны ли мы? Нет, мы не довольны.
- Слушай, не надо, братан, – говорит Ток жалобно. Он сразу прохавал, что именно хочет от него Крюгер.

- Правила есть правила. В стекловату погнался!

– Да пошел ты на хуй со своей стекловатой! – яростно огрызается Ток. С ним такое бывает, и в этом его проблема. Драться он не умеет из-за большого сердца и слабого характера, но нарывается при этом за четверых бугаёв. Ему из-за этого часто прилетает. Я вот драться тоже умею плохо, но при этом не бычу ни на кого, вот меня и не трогают. Иногда, конечно, бывает, но не сильно, в шутку скорее.

Крюгер встает и технично бьёт Тока в дыхло. Залупаться на Крюгера – это реально суицидником поехавшим надо быть. Из-за того, что Ток без одежды, удар звучит сочно, почти как в боевиках с Брюсом Ли. Падает на карачки. Току еще повезло, что Крюгер нормально к нему относится. Кого-нибудь другого он в кашу бы отхерачил.

- Куда, говоришь? На хуй? – спрашивает Крюгер, наклонившись над ним.
- Ладно, можно, наверное, без стекловаты, – робко вступается Дантист. – Так-то какая нам разница? Побегал голый и норм.

- Хуй там ночевал! Он пацан или баба?

Крюгер берёт Тока сзади за шею и, как обоссанного котенка, тащит в коридор. Ток пытается вырваться, выглядит это жалко. У Крюгера есть что-то типа садистских наклонностей. Ему каждый день обязательно нужно кого-нибудь отмудохать, заставить сделать что-нибудь стыдное или, вот, тащить куда-нибудь, а лучше всё и сразу. Недавно он на большой перемене закинул Чокопая в мусорный контейнер и не давал оттуда выбраться. При этом снимал всё на камеру и ржал. Повторял «Купайся там, купайся!». Почему? Да просто так, захотелось. Чокопая повезло, что из-за сильного мороза мусор в контейнере не вонял и не гнил.

- Пидор, отпусти! – вопит Ток.

Хорошенько двинув дополнительно за «пидора», Крюгер упорно тащит его дальше. Доташив до стекловаты, он толкает в нее Тока и пинает для ускорения под зад.

– Весь день теперь чесаться будет, – говорит он с усмешкой, вернувшись в комнату отдыха.

Из тёмного коридора слышится шорох и всхлипы. Дантисту немного жалко его, я знаю. Но он никому об этом не скажет, он ведь не идиот.

– Слышь, не ной там, ныкло! – кричит Крюгер. – Иначе ещё получишь.

– Внатуре не ной, – добавляет Дантист и подмигивает мне. – Для проигравших у нас есть утешительный приз!

Ток притихает.

– Какой ещё приз? – осторожно спрашивает он из коридора.

– Фруктики называется.

Глава четвертая

(в которой я пробую фруктики)

Запах совсем не фруктовый. Воняет так, будто какой-то умник подпалил потный носок.

Ток сидит в позе лотоса с закрытыми глазами и блаженно улыбается, как индийский даун-буддист. Я знаю, как выглядят индийские дауны. У нас в городе много индусов – они сотрудничают с заводом. Правда, не знаю, буддисты они или нет.

– Итак, мы порежем лучок, – говорит Ток не своим, чересчур ласковым голосом и изображает кулинарную пантомиму. – Затем мелко покрошим морковку, чтобы наш супчик получился более наваристым, так сказать, ароматным...

– Какой супчик? Что ты несёшь? – выдавливает Крюгер сквозь смех.

Они с Дантистом рыдают от хохота. Смотрят друг на друга – угорают, смотрят на Тока – угорают ещё сильнее.

– Всё самое лучшее для гостей на нашей замечательной программе «Смак», – продолжает Ток. На этих словах он отвлекается, чтобы почесать зад, стекловата даёт о себе знать. – Затем добавим несколько листиков лаврового листа...

– Листиков лаврового листа, ты прикинь!

Они снова ржут, но быстро устают от этого и залипают. Переходят на вялый тупняк.

– Может, пучеглазого накурим? – предлагает Крюгер, – Чё он просто так сидит?

– А это идея. Барыга про него, кстати, спрашивал, – вспоминает Дантист. – Будешь?

Стоит мне только пожать плечами, как все оживляются, вскакивают со своих мест и обступают меня с трех сторон. Спорят, потом соглашаются, снова спорят.

– Он же газ вовсю пьет уже!

– И «Страйк».

– Всё равно как-то стрёмно это...

– Ну малой и малой, чё такого?

– Давайте накурим, ладно.

– Уверен?

– Нет.

– Может, с Бонгом стоит посоветоваться?

– Да хорош, погнали приколемся.

Мне любопытно, хоть и слегка тревожно. Внимательно слушаю наставления:

– Главное – не перекурить.

– Главное – не загоняться, что перекуришь.

– А если перекурил, то главное – не загоняться, что перекурил.

– Не слушай его, всё будет норм.

Возле кончика пипетки желтеет огонёк зажигалки. Другой конец пипетки как бы впаян в половинку пластикового футляра, которая служит мундштуком. Делаю среднюю тягу. Пацаны издают возбужденные возгласы типа «во-о-о-о-о». Я задерживаю дым, жду.

– Да всё, хорош, выдыхай! – говорит Дантист, и я слышу в его голосе беспокойство.

Выпускаю ядовитое облачко.

– Ну, как ощущения? – спрашивает Ток и тычет мне фак в лицо. – Сколько пальцев видишь?

– Какие через секунду могут быть ощущения? Отъебись от него!

Их действительно нет. Ощущений, в смысле.

У Дантиста звонит телефон.

– Алло. Да, мы тут. А как угадал? Приходите, конечно, – кладет трубу. – Пацаны скоро подвалят. Встретишь? – спрашивает у Тока.

– Какие пацаны? – уточняет Ток слегка испуганно.

– Наши.

– А какие именно?

– Ты чё докопался? Придут – увидишь.

– Он ссыкло, – провоцирует Крюгер. – У него очко играет. Да, Ток?

Ток хочет уже огрызнуться, но в последний момент себя сдерживает. Он в прямом смысле слова проглатывает слова, подкачившие к горлу. Видно, как его кадык двигается под кожей вниз, а затем наверх.

И тут я понимаю, что это не сон.

Началось.

Накрыло.

Знакомый эффект. Как от газа, только мощнее. Под газом имеется в виду тот, что для заправки зажигалок. Он продается в специальных баллончиках, которые сделаны так, будто заправка зажигалок – всего лишь прикрытие: на пластмассовом наконечнике есть специальный выступ, нужно упереться в него зубами и надавить. Действует газ на всех по-разному. Лично у меня появляется стойкое ощущение, что я смотрю сон. Потом вдруг отряхиваюсь, вспоминаю себя, держусь на поверхности секунд десять и снова вижу сон.

От фруктиков в целом эффект такой же, но с дополнениями. Пространство мелко вибрирует. Лица пацанов кажутся ненастоящими. Мне вдруг ужасно хочется потрогать себя за щеки, и я тут же делаю это. Мне кажется, что это не мои щеки. Мне кажется, что я чужими руками трогаю чужие щеки. Манекена какого-нибудь или резиновой куклы. Я трогаю щеки Дантиста, они точно такие же, только более шершавые из-за щетины.

– Нихуя ты укурок, – говорит Дантист, и его лицо выплывает из моих рук назад.

Слова Дантиста и смех пацанов доходят до меня с опозданием. То есть слышу я их сразу, но осознаю услышанное гораздо позже, чем обычно. Настолько позже, что даже возникают сомнения: слышал ли я это на самом деле или просто себе придумал?

Неожиданно подступает жажда, дикая сухость во рту. У меня пропала слюна. Даже если я ватным своим языком соскребу всё что есть и попробую выплюнуть – наружу выйдет только воздух, сухой и горячий, как в пустыне. Чья-то рука мне протягивает бутылку, почти пустую.

– Да не надо сейчас, ты чё? – слышу я голос и не могу его опознать.

– Пусть сушняк немного собьет. Больше нечем.

– Один глоток сделай, не больше, иначе херово будет, – говорит мне Дантист прямо в ухо.

Глоток. Мерзкий кофейный вкус. Но теперь хоть немного влаги. Через секунду она пропадает, как капля с горячей сковороды. Стараюсь слегка успокоиться. Закрываю глаза. На секунду вспыхивает стоп-кадр: железная дорога, трансформатор с оборванным проводом, качающимся как маятник. И собака бежит куда-то по шпалам. Откуда это взялось? Открываю глаза.

– Всё в порядке, – говорит мне Дантист. – Слышь, всё нормально.

Из коридора доносится шум, голоса. Ток возвращается в комнату. А я и не заметил, чтобы он выходил. Следом за ним заходят Чокопай и Дядя Якудзы почему-то без самого Якудзы. Они останавливаются напротив меня. Дядя Якудзы уже с трудом держится на ногах. Низкорослый толстяк, он напоминает гибрид пингвина и поросёнка.

– Всё нормально? – весело спрашивает он. Голос писклявый, плохо соответствует внешности. Киваю, но не уверен на самом деле или только мысленно.

– Нормально-нормально, – отвечает Дантист за меня.

Чокопай угощает булкой, посыпанной ярким сахаром. Отламываю кусок и долго пытаюсь его прожевать, но из-за сушняка он прямо во рту превращается обратно в вязкое тесто. Незаметно выплевываю липкий комок себе в руку и прячу в карман.

Пипетка двигается по кругу. Все говорят громко и одновременно. Вареву из голосов. Меня слегка попускает на моменте, когда Дядя Якудзы выпучивает, насколько может, свои узкие глаза и возмущается:

– Люди от этогодохнут! Желудки отказывают, сердца! Ладно мы ещё курили дичку в девьяно-стях, когда в армии в Казахстане служили, но это... Это же трэш!

Тем не менее, когда пипетка доходит до него, Дядя Якудзы, не задумываясь, делает очень мощный напас и обильно запивает его пивом «Большая кружка», хотя ему уже явно хватит.

У меня вибрирует телефон. Это мама. Почему-то мне вспоминается, как она иногда покупает фрукты, моет их под струей холодной воды и говорит, что у нас тут на севере авитаминоз и «фруктики надо почаще кушать». Неуместное какое-то воспоминание. Я встаю, чтобы выйти в коридор и ответить на её звонок, но Дантист меня вовремя останавливает.

– Лучше сбрось и поставь на беззвучный. Это тебе только кажется, что отпустило. Оно волнами забирает.

Дантист отводит меня на место, и действительно начинается новый приход, только немного другой. Время ускорилося. Я замечаю, что вокруг настоящий зверинец, у всех сорвало колпаки. Ток запустил новую серию своей упоротой программы «Смак», но никто не обращает на него внимания, а его это уже не волнует. Дантист проверяет, сколько секунд он может продержать руку над зажигалкой. Чокопай зачитывает безумный фристайл под битбокс от Крюгера. Еле шевеля своими вечно слюнявыми губами, он повторяет в бессвязном порядке одни и те же слова и фразы:

– Меня качает... качает... я не понимаю... эти дома... прости меня мама... эти дворы... думаю о тебе одной... моя любимая... я скучаю... моя крошка... хочу, чтобы мы с тобой унеслись наверх... эти машины... фары... крошка... эти дома...

– Я тут всем ща пизды наебашу! – перекрикивает его Дядя Якудзы в окончательном невменозе и сразу же вырубается. Заметив это, все понимают, что пора сходить подышать.

– Берите его под руки, – командует Крюгер. – Главное, не уроните, а то запаримся такую тушу поднимать.

Мы вываливаемся на улицу. Глотаю морозный воздух. Тихо падает снег. Дядя Якудзы вдруг просыпается, широко разевает рот и смеется непонятно чему.

– Заткнись, а то зубы сломаю.

Дядя Якудзы вырубается снова. Мы тащим его на баскетбольную площадку, под луч фонаря. Усаживаем на снег. Он сидит, как панда, выставив ноги вперед и облокотившись на свой живот. Крюгер херачит ему пощечины.

– Просыпайся, давай! Просыпайся, слышишь?

Дядя Якудзы не просыпается. Только вздрагивает и мычит.

– Якудзу надо найти. Пусть сам разбирается.

– Он в игровых автоматах, наверное, – говорит Чокопай. – Каждый вечер там зависает почти. Но идти дотуда прилично.

– Давайте отдохнём немного, – предлагает Дантист.

На холоде меня попускает. Остальных тоже. Кроме, разве что, Тока. Он по-прежнему сидит с закрытыми глазами и лыбится, только теперь на снегу. Чокопай ложится и «рисует» руками и ногами снежного ангела. Дантист следует его примеру. Крюгер набыченно курит.

– Вот пидорас жирный! – говорит он и пинает Дядю Якудзы в живот. – Больше не будем его в подвал пускать. Нахуй надо!

Я запрокидываю голову и высовываю язык – ловлю снежинки, спасаюсь от сушняка. Помогает. Бледный свет фонаря ползет мне за шиворот и в лицо.

Глава пятая

(в которой мы находим Якудзу)

Якудзу мы замечаем сразу. Он валяжно сидит на высоком барном стуле, но его ноги настолько длинные, что они всё равно достают до пола. Их длина подчёркивается худобой, а худоба – джинсами-узкачами. В углу потрескавшихся губ дымится тонкая сигарета. Якудза бьёт по кнопкам автомата небрежно, со стилем. На дисплее прокручиваются знаки. Вишенки, доллары, цифры. Они складываются в комбинации, которых всегда недостаточно, чтобы получить ощутимый выигрыш.

– Пиздоглазый! – кричит Чокопай через весь зал. – Ха-ха, повернулся.

По правде сказать, повернулись практически все, вне зависимости от разреза глаз. Все – это несколько помятых мужиков, одна старуха и одна тётка с беременным животом. Контингент в автоматах всегда неожиданный.

Подходим к Якудзе.

– За базар мне ответишь щас, хач тупорылый! – говорит он и замахивается на Чокопая. – Ах... Если бы не моя рука...

Якудза ломал правую кисть уже раза четыре. Врачи сказали ему, что ещё один перелом в том же месте – и кость может больше никогда не срастись. С тех пор он ни с кем не дерётся, а Чокопай этим пользуется, не упускает ни единой возможности его позлить.

– Дядя твой в отрубе полным, – начинает Крюгер без предисловий. – У входа там, на диванчике отдыхает. В зал его не пустили. Ток его, если что, сторожит.

– Хотя скорее они с Током друг друга там сторожат, – подмечает Дантист.

– Нажрался, да?

– И накурился ещё.

– Как накурился?! – вскрикивает Якудза и даже встает со стула.

С соседних мест на нас оглядываются игроки. Тощий охранник в конце зала вытягивает и без того длинную шею.

– Как накурился? – повторяет Якудза шёпотом.

Чокопай деловито садится на его место. Достает из кармана мелочь.

– Ну вот так, – отвечает Дантист виновато. – Накурил я его.

– Ты чё?! Он же алкаш! Его нельзя накуривать! Он до утра не очухается теперь!

– Мы тебе поможем его домой дотащить.

– Домой? Не, домой нельзя. Мать сказала, что выгонит его, если он ещё раз придёт никакущий. Не, домой нельзя.

Мать Якудзы работает одна, содержит всю семью. То есть сына (Якудзу), совсем еще мелкую дочь (сестру Якудзы) и брата (Дядю Якудзы). Дядя Якудзы с утра до вечера топчется возле магазинов, глушит с бичами пивас и клюквенную настойку непонятно за чей счёт. Иногда он устраива-

ется куда-нибудь поработать, но его оттуда прут в тот же день. Теперь вот из дома ещё выгнать могут.

– А тебе не похуй? – спрашивает Крюгер, прищурившись. – Выгонит и выгонит. Места больше будет.

– Ебанись, это ж дядя мой. И куда он пойдет, по-твоему? Холодно же.

Якудза совестливый. Не так чтобы слишком, но базовые понятия у него есть. Семья, справедливость. Может даже ещё какие-нибудь.

– Ну и хули ты предлагаешь? – спрашивает Крюгер, выйдя из себя. – Твой дядя – ты и разгребай.

– Я его не накуривал.

– Давайте что-то придумаем, – говорит Дантист. – До утра он в себя не придет, я правильно говорю? Правильно. Значит, нужно, чтобы он переночевал где-нибудь, вот и всё.

– Если ты на подвал намекаешь, то сразу нет. В подвал я этого уебана больше не пушу.

– А с каких пор ты решаешь? – возмущается Якудза.

– С таких. За подвалом следит Ток, а за Током слежу я. Так что не пизди тут. В подвал он больше не придёт. И точка.

Всем понятно, что спорить не стоит. Если уж Крюгер упёрся рогом, то переубеждать его бесполезно и даже опасно.

Дантист и протягивает раскрытую пачку сигарет. Все берут по одной, кроме Якудзы – у него свои, дамские. Все курят и думают напряжённо. Один только Чокопай беззаботно играет на автомате. Играет он совсем по-другому, не так, как Якудза. В игре Якудзы есть стиль и пафос, а в игре Чокопая – только азарт и тупизна. Он судорожно спускает монеты и следит за комбинациями, склонившись к автомату почти вплотную. Когда игра не прёт, он плюёт от досады на пол и быстро оглядывается на охранника, чтоб убедиться, что тот не заметил.

– Потасили его к Золотым, на сквот, – предлагает Якудза.

– Обратно в Муравейник? Да ещё к этим-то мудозвонам?

– А что, есть варианты получше? – спрашивает Якудза с очевидным намёком на подвал.

Крюгер делает несколько тяг подряд, выпуская дым через нос. Нос у него вздёрнутый и короткий. Дым вылетает из ноздрей двумя плотными столбами.

– Окей, потасили к мудозвонам, – говорит Крюгер и гасит бычок о стену, высекая из него искры, хорошо заметные в темноте.

– Слышь! Об голову себе затуши! – кричит тощий охранник из другого конца зала.

Мы идем к выходу. Проходя мимо охранника, Крюгер резким движением бьёт ему точно в челюсть. Ноги у охранника заплетаются, он падает на пол.

– На, нахуй. Затушил.

Держась за стену, охранник пытается встать, но снова плывёт и падает. Это нокаут.

– Вы видели? – восхищенно округляет глаза Чокопай. – Нет, ну вы видели? С одного удара! Прямо как Бонг!

Глава шестая

(в которой Крюгер пытается присвоить себе жилплощадь)

Фруктики окончательно меня отпустили. Дядю Якудзы мы тащим втроём. Мы с Чокопаем под руки, Якудза придерживает за ноги, сзади. Нашими силами Дядя Якудзы парит как ангел. Очень тяжёлый ангел, надо сказать. Сидя на том диванчике, он как будто набрал пару лишних центнеров. Ещё и снегопад усилился. И ветер поднялся. Снежинки летят прямо в лицо, заставляя-

ют щуриться. Иногда нас с Чокопаем подменяют Дантист и Ток. Крюгер – единственный, кто не участвует, но возмущается при этом сильнее всех. Он, конечно, выпустил пар, когда охранника вырубил, но уже успел заново обозлиться. Раздувает ноздри свои по-бычьему.

– А знаете чё? Мы ща придем и наебашим их. Заберём себе эту хату. Пусть валят обратно к себе в «Золотой».

«Золотой» – это заброшенный детский сад неподалёку от 30-й школы. Пацаны его оккупировали и называли себя «Golden Crew», или «Золотые». Менты какое-то время гоняли их, а потом смирились, забили – все равно место гиблое, уже изрисованное баллонами намертво. По факту парни присвоили территорию. На законодательном уровне это, конечно, не закреплено, но кому вообще всрался законодательный уровень? В практическом смысле они там полноправные хозяева.

– Да ты гонишь, что ли? Они же наши друзья.

Недавно Чикен и Лобстер – два пацана из «Золотого» – гуляли по Муравейнику и обнаружили странную дверь на одной из лестниц. Оказалось, что дверь эта ведет в пустую двухкомнатную хату. Причём находится она в том месте, где квартир не бывает в принципе. Эти двое удивились, конечно же, но не сильно – Муравейник и не такие сюрпризы подкидывает. Разумеется, они сразу же натаскали туда старой мебели с помоек, купили амбарный замок и огромный шпингалет, прикрутили всё это, и получился реальный сквот, полноценная квартира фактически.

– Что, зассали? Не хотите вписываться – не вписывайтесь. Сам отожду.

Заселились они туда в тот же день. Крюгер с того самого дня считает, что нужно прогнать их с нашей территории. Проблема вся в том, что Муравейник – это никакая не наша территория, было бы слишком жирно. Это просто жилой дом, который чуть ближе к нашей школе, чем к 30-й. Но Золотые могут спокойно тусить в «Золотом», а нас из наших подвалов регулярно гоняют ЖЭУшники. Да и, в конце концов, на десятом этаже гораздо круче, чем под землей.

И вот мы опять в Муравейнике. Стучим в железную дверь.

– Кто там?

– Свои.

– Какие именно свои? – спрашивает Чикен из-за двери.

– Зубы сломаю, открывай, – говорит Дантист, и сразу становится понятно, какие именно.

Дверь открывается. Комната освещена многочисленными свечами, расставленными в разных местах.

Чикен похож на карлика, который каким-то образом вырос, но остался карликом. Его ноги кажутся более короткими, чем туловище. Пальцы тоже короткие и широкие, как будто обрубленные. Голова расширяется сверху вниз: от бритой макушки к массивной, выпяченной вперед челюсти. Очевидно, что прозвище ему дали за то, что он с виду нелепый как курица, но Чикен упорно эту версию отрицает. Новым знакомым он вешает лапшу, что придумал себе это прозвище, когда прочитал свое имя «Никич» задом наперёд.

Заходим, здороваемся, объясняем всю ситуацию.

– Короче, сможете дядю моего вписать на ночь?

– Да без проблем, – отвечает Лобстер. – Даже матрас есть свободный.

Лобстер сидит в кресле, запрокинув ноги на тумбочку. Листает потёртый порнушный журнал. Лобстером его прозвали за большой лоб, хотя вообще-то у него не только лоб, у него вся голова большая, но мозгов там немного. Лобстер недалёкий, но борзый, как все Золотые.

Дядю Якудзы мы валим на живот. Он лежит, вжавшись рылом в матрас. Якудза встряхивает уставшие руки и садится прямо ему на спину. Дядя издает звук, напоминающий смесь икоты с отрыжкой и хрюканьем.

Теперь можно и осмотреться. На стенах вразнобой приклеены плакаты: голые женщины, 50 cent, Eminem, «Многоotchие», «Каста», «Amatory», «GTA: San Andreas». Поверх плакатов дрожат

широкие тени. Повсюду огоньки свечей. В дальнем конце помещения – дверной проем, ведущий в ещё одну комнату. Он завешен старым покрывалом.

– Ну чё, как живете-то тут вообще? – спрашивает Дантист.

– Да шикарно живем, – говорит Чикен, обнажает в улыбке зубы и огромные щели между ними. – Только электричества нет, как видишь. Плохо, что чаю попить нельзя. Ну и света нет, соответственно. Приходится свечками спасаться.

– А где берёте их?

– Выносим из церквей, – невозмутимо отвечает Лобстер, глядя в порножурнал.

– Ебать, ну вы и варвары.

Все угорают с этого. Один только Крюгер сурово смотрит в окно.

– Ну ничего, – говорит Дантист, когда смех утихает, – зато обстановка интимная. Тёлок-то водите?

– Пока не успели. Но планируем. Планируем, конечно.

Чикен мечтательно потирает ладони. Дантист заглядывает Лобстеру в журнал.

– Вот эта нормальная, – подмечает он, показывая на одну из страниц. – Я бы присунул.

– Базаришь.

На одних «присунул» далеко не уедешь – в разговоре возникает напряженная пауза. Чикен с Лобстером чувят: что-то не так.

– Как дела в «Золотом»? – неторопливо протягивает Крюгер, как будто с самого начала ждал эту паузу.

– Что ты имеешь в виду? – уточняет Чикен, прищурившись. Возможно, он не такой тупой, каким кажется.

– Часто бываете там?

– По-разному. А что?

Крюгер закуривает. Не торопится, в общем, с ответом.

– Ну как сказать... Вы на нашей территории живёте, а так-то ничего, молодцы. Можете дальше по-тихой иметь нас.

Глаза у Тока резво бегают с Крюгера на Чикена, потом на Лобстера и обратно. По трусливым глазёнкам Тока можно предугадывать неприятности, как по крысам, удирающим с корабля.

– И чё ты нам предлагаешь?

Лобстер, конечно, старается держаться храбро, но если присмотреться, то можно заметить, что пальцы у него дрожат. И дрожат неслабо.

– Может, мы лучше... – пытается мирно разрулить Чокопай, но Крюгер смотрит на него так, что он тут же вспоминает себя лежащим в контейнере с мусором, и замолкает.

– Я предлагаю либо платить нам по косарю в неделю...

– «Вам» – это кому? – уточняет Чикен с усмешкой.

– «Нам» – это мне. И Бонгу процент.

– Либо?

– Либо уёбывайте отсюда прямо сейчас.

Дядя Якудзы мычит во сне. Более неподходящего момента не придумать. Якудза встает, его дядя переворачивается на спину и начинает храпеть.

– Да пошел ты на...

Чикен не успевает договорить. Крюгер двигается настолько стремительно, что несколько свечей на его пути затухают. Одной рукой он хватается Чикена за горло.

– Слышь ты, любитель собачьего кайфа, – цедит Крюгер сквозь зубы. – Я тебя сейчас так придушу, что у тебя глаза через жопу выкатятся.

Но Чикен совсем не боится. Он смотрит Крюгеру прямо в глаза, а рот его искривлён в усмешке.
– Ты че, сука, лыбишься?

Чикен переводит взгляд на дверной проём у Крюгера за спиной. Крюгер медленно поворачивается.

Глава седьмая

(в которой мы смотрим на город)

Чикен действительно любит собачий кайф. Есть у него один друг (а по совместительству наш общий знакомый) по прозвищу Коктейль – он в этом деле мастер. Коктейль умеет отпускать горло ровно за миг до того, как человек отключается. В этом ему помогает природное хладнокровие. Именно он стоит сейчас за спиной у Крюгера. Всё это время Коктейль был в соседней комнате, слушал в наушниках минуса для нового трека. Выглядит он сурово. Лысый череп, бледное лицо, щетина на подбородке.

– Привет, Кокт, – говорит Якудза.

Коктейль кивает, не отводя от Крюгера взгляд. Тот отпускает горло Чикена. Этого недостаточно. Коктейль ждет объяснений.

– Мы тут это... Дядю моего пришли на ночь вписать.

– А клоунада эта зачем? – спрашивает Коктейль. – Чикена зачем трогать?

Он раскачивается с пятки на носок, спрятав руки в карманы джинсов. Коктейль всегда так делает, когда чувствует, что может начаться замес.

– Да так, тёрки у пацанов.

– Может, ваш друг всё-таки сам за свои действия научится отвечать?

– Это предьява? – спрашивает Крюгер.

– Решать тебе. Думаю, в любом случае стоит извиниться и свалить. Как минимум.

Крюгер смотрит Коктейлю прямо в глаза. Извиняться он, понятное дело, не подрывается. Все окончательно трезвеют.

– Ток, погнали отсюда, – говорит Крюгер и выходит из сквота. Ток семенит за ним. На прощание он машет нам всем рукой и аккуратно прикрывает за собой тяжелую дверь.

Коктейль не менее мощный, чем Крюгер, но при этом более справедливый и честный. Он из редкой породы людей, которые смеются, только когда им действительно очень смешно. Он ко всему относится серьёзно, без «клоунады». Это его любимое слово, кстати. И нелюбимое явление.

Уважают Коктейля даже больше, чем Крюгера, но друзей у него не так много. Чтобы стать другом Крюгера, достаточно ему подчиняться. Чтобы стать другом Коктейля, подчиняться вовсе не обязательно, но нужно нечто более тонкое, почти что неуловимое. Слишком он хорошо разбирается в людях.

– Кокт, мы тут не при делах, если что.

– Да я понимаю, не парьтесь.

Коктейль проходит по кругу, здоровается с каждым. Смотрит на нас, улыбается.

– Погнали, покажу кое-что.

– Что именно?

– Небо.

В Муравейнике всегда открыт хотя бы один ход на крышу. Главное – знать, какой именно. А как только ЖЭУшники его заблокируют – сразу появится новый. Таков один из мистических законов Муравейника.

Коктейль ведет нас по длинному коридору, мимо многочисленных квартирных дверей. Иногда мы останавливаемся, чтобы оставить на стенах тэги там, где для них ещё есть свободное место.

– Кокт, а ты давно с Бонгом виделся? – спрашивает Чокопай, выводя свое прозвище маркером на стене.

– Неделю назад, – отвечает Коктейль по делу и сухо, в своем стиле.

– А как с ним познакомиться, не знаешь?

– Тебе – никак. Надо еще подрасти. Не в прямом, конечно, смысле.

Мы доходим до открытого люка и выбираемся на крышу. Снегопад прекратился, но ветер пока не утих. Он прогнал с неба последние облака, теперь там видна луна и несколько крупных звёзд. Переступая через толстые провода, мы подходим к бордюру и смотрим на город. Пацаны от такого зрелища даже притихли, как под гипнозом. Обычно в подобных случаях говорится, что город весь виден как на ладони, но это не совсем так. Дальние районы с их убогими деревянными домами не видны. Не видна ТЭЦ, на которой работает мой папа. Не виден остров, на котором есть сосновый бор, песчаные дюны и пляж. Но и видно, действительно, многое. Например, ЦУМ, драмтеатр и фонари вокруг котлована, который почему-то называется Театральным озером. Виден памятник строителям города. За гаражами виден силуэт самолетного ангара, похожего на древнюю крепость. Видны огни завода. Видно, как ветряные потоки крутят небольшие снежные вихри на крышах более низких домов. Достая телефон и несколько раз фотографирую город. Получается очень красиво, хоть и смазано.

– Шрифт у тебя неплохой, – неожиданно говорит мне Коктейль. – Но сам тэг какой-то клоунский. Несерьезно это. Толкни его кому-нибудь за пятачок, а себе новый придумай.

По улице Ломоносова ездят редкие машины. Автобусы в это время не ходят. Мне уже пару часов как пора домой. На прощание Коктейль угощает меня красным «Мальборо». Я не закуриваю сразу, а прячу в карман, на завтра. Если сейчас покурить, то родители дома почувствуют запах и спалят.

Спускаясь по лестнице, я неожиданно понимаю, что так и не увидел тех самых мультяшных фруктиков, обещанных мне. Но не так уж это и важно.

Часть вторая

Глава восьмая

(в которой я пропускаю первые два урока по уважительной причине)

Жирафы, пчелки, земляничка. Стены врачебных кабинетов вечно изрисованы всякой залупой. Ортопедша – очкастая, строгая, с бульдожьим лицом – заполняет бумаги по предыдущему пациенту. Мама сидит, волнуется: «здоровье – самое главное» и всё такое.

– Раздевайся до трусов, – говорит, наконец, ортопедша.

И сам в курсе, куда раздеваться. Каждый год сюда хожу. Сейчас я разденусь, и нужно будет подойти, встать раком. Потом она скажет, что стало хуже. Потом будет на меня гнать.

– Повернись спиной и попытайся руками достать до пола.

Ну вот, классика. Нагибаюсь. Достать, понятное дело, не получается. Ортопедша молчит. Слышу гудок с завода, шорох машин под окнами. Утро.

– Очень плохо. Одевайся.

Выписывает мне направления на процедуры. Штук шесть, не меньше.

– Почему осанкой своей не занимаешься? – приговаривает она. – Инвалидом хочешь стать?

Врачи, вроде как, должны помогать, но лично мне они только настроение портят.

– Как же так? – голос у мамы слегка дрожит. – Мы летом на море его возили, он плавал.

– Ничего не знаю. Ситуация сильно ухудшилась. Сейчас нужно зафиксировать позвоночник хотя бы на этом уровне, чтобы болезнь не прогрессировала дальше. Потребуется процедуры, потребуются тренировки, массаж. Пока ещё не поздно что-то сделать. Скоро переходный возраст начнется и будет совсем не до этого, уж поверьте. Принимайте меры, в общем. Сколиоз уже ко второй степени приближается, по-вашему, это шутки?

– Ты слышал? – спрашивает мама. Ненавижу, когда она так делает.

Выйдя из кабинета, я чувствую облегчение. Впереди целый год без жирафов, без пчелок и, главное, без ортопедши. Придется, конечно, месяц походить на процедуры, но это не страшно.

Поликлиника – гадкое место, хочется поскорее отсюда свалить. Тётка в коридоре пеленает ребенка, а он кричит, извивается как червяк. Посмотришь куда-нибудь не туда – и обязательно увидишь кал в стеклянной банке из-под томатной пасты или мочу. Спускаемся на первый этаж.

Суровая гардеробщица с ожогами на лице берет у меня номерок, возвращает пуховик. Мама надевает свою понтовую шубу, которую всё это время держала в руках, сдавать в гардероб побрезговала. Моя семья побогаче, чем у большинства пацанов. Я этого немного стесняюсь. Однажды после школы Якудза зашёл ко мне в гости, увидел в прихожей ботинки моего папы и подумал, что он дома, хотя папа был на работе. Якудза даже представить себе не мог, что у кого-то может быть больше одной пары обуви на сезон. И тем более, что этот «кто-то» может жить в соседнем дворе.

Выходим с мамой на улицу из поликлиники. На улице светает. Дворник скребёт заledenевший асфальт.

– Чтобы дома был вовремя, а не как вчера. Ты меня услышал?

Идёт быстрым шагом к тачке своей, торопится на работу. Я шагаю на автобусную остановку. К нам на район ездит всего один маршрут: тройка. Грязно-бежевая неповоротливая «гармошка». Обычно тройку приходится ждать на морозе по полчаса, но эта подъехала быстро, везуха. Сажусь, в запотевшем окне протираю смотровую щель, чтобы видеть город: пятиэтажки, девятины, киоски.

– Проезд оплачиваем, не забываем.

Кондукторша приближается к хвосту автобуса, а я сижу именно там. Основной поток заводчан уже схлынул, места свободные есть, автобус не переполненный. Ездить в таком автобусе зайцем не так-то просто. Нужно уметь смотреть в окно по-особенному. Задумчиво, но и уверенно в то же время. Чтобы у кондукторши возникло ложное воспоминание, в котором ты оплачиваешь проезд. Это тонкое дело. Покруче актерского мастерства. Слегка перегнул – и пропал. Зайцем надо уметь.

Я умею. Кондукторша, чуть задержавшись возле меня, разворачивается и идет обратно на своё место, где у неё постелена плешивая шкура какого-то несуществующего зверя. Сработало.

Остановка «Спортовары». Заходит рыбак в камуфляже, за плечами железный ящик для улова. Едет к нам на район, под моими окнами рыбу ловить – окна мои выходят прямо на набережную залива. Пара свободных мест ещё есть, но рыбак демонстративно ставит ящик на пол и садится сверху. Они все так делают, это, похоже, принципиальный для рыбаков момент.

Остановка «Драмтеатр». Осматриваюсь по сторонам – никто не палит. Рыбак вообще, похоже, уснул. Достая черный маркер фирмы «Грог Сквизер». Тэгаю на коричневой спинке сидения, которое передо мной. Тэгаю жирно, с подтёками, не жалея краски. Вторая буква «У» хитро загибает хвост и подчеркивает всё слово, пересекаясь в конце с последней «К». Я разработал этот шрифт давно, ещё год назад, на скучном уроке по русскому. Долго выводил змеиные символы на полях тетради, пока не пришёл к идеальным пропорциям.

Остановка «ЦУМ». Тэги в транспорте – это моя особая страсть. Твой тэг, твоё прозвище – это доказательство того, что ты существуешь. И здорово, когда оно целыми днями колесит по городу.

Люди из разных районов заходят, смотрят. Жаль только, что это не вечно, а лишь до тех пор, пока какой-нибудь урод не тэгнет специально поверх тебя. Или пока обивку сидений не обновят. Второе менее вероятно.

Остановка. Водитель усталым голосом объявляет в микрофон её название. Почему-то именно сейчас он решил это сделать – видимо, заскучал. Динамик искажает звук так, будто у водителя нет зубов. Ничего не понять. Но я знаю и сам, что это остановка «Ивушка», названная в честь рынка, на котором мы толкаем кофе. Заходит старуха с котомками, становится возле меня. Так и быть, уступаю ей место.

– Ох, спасибо. Ох, спасибо, дорогой.

Отдышавшись, она замечает перед собой мой тэг. Недовольно цокает и качает седой головой. Достает из кармана очки, надевает, читает. Разобрать мой шрифт ей удастся с трудом.

– Лупик... Что это еще такое? Тьфу ты... Ладно бы хорошее что-то писали, светлое. Родина! Любовь! Дружба! А тут что? Лупик какой-то... Зачем это надо?

Лупик – это я. Потому что глаза большие. Прозвище, в принципе, безобидное, бывают хуже. Любое слово однажды сростется с тобой, если часто его слышать или повторять, а если оттачивать каждую букву на полях тетради, то уж тем более. Другое дело, когда передразнивают «залупик» – вот это уже отстой. Но исковеркать при желании можно всё что угодно, так что я не загоняюсь. И пускай Коктейль говорит, что звучит по-клоунски. Не хочу строить из себя крутого парня. И не хочу свой тэг продавать, хотя такое действительно практикуется. Псевдонимы дарят, обменивают, продают и даже отжимают. Интересно, за сколько Бонг может продать свой тэг? Наверное, таких денег нет ни у кого в городе. Мой на пятихатку потянул бы. Он хоть и клоунский, но потэгал я уже немало, в том числе в труднодоступных местах.

– Что за мода? – продолжает старуха. – Живём как негры! Оторвать бы руки тем, кто это делает.

От её возгласов даже рыбак проснулся и пытается понять, где мы едем. Сидящие по соседству кивают, поддерживают бабулю. Обычное дело. Пару раз меня хотели отмудохать за тэги на грузовиках, но в итоге обошлось. Пару десятков раз приходилось убегать от бакланов, которые засекали, как мы с парнями занимаемся «вандализмом» у них в подъезде или «портим» фасад магазина. Но всё это ерунда. В нашем городе нет вандалов, потому что испортить его невозможно. Нашим городом можно только играть.

Старушечка водит морщинистым пальцем по тэгу. На пальце остаётся краска. Она понимает, что тэг совсем свежий. Медленно поворачивает голову и вглядывается в меня своими блёклыми глазами, похожими на жирный снег с обочины.

– Как не стыдно, – говорит она тихо, чтобы слышал только я. – Вроде старшим место уступать, а такими занимается глупостями... Как не стыдно...

Хорошо, что мне уже пора выходить.

– Остановка «Торговый центр», – сообщает водитель уже чуть более разборчиво. – Следующая остановка...

Я не дослушиваю. И так знаю, что «Автомагазин». Выхожу.

Иду мимо торгового центра, который так и называется «Торговый центр». Затем через двор моего одноклассника и лучшего друга по прозвищу Башка. Мы с ним ещё с детского сада дружим. Подхожу к школе. Сумасшедший мужик уже гоняет вокруг неё на лыжах. Он приступает к делу с утра и заканчивает поздно ночью. Местная знаменитость.

Предыдущий урок еще не закончился. Спешить никуда не надо. Есть время спокойно покурить в одиночестве за теплицей. Теплица – это такая вытянутая постройка, покрытая ржавыми металлическими листами, растений в ней нет. Мой отец лет двадцать назад здесь учился и говорит, что уже тогда ничего не росло. Точно так же все просто курили.

Затягиваюсь сигаретой «Мальборо», которую дал мне вчера Коктейль. Читаю надписи на зеленой стене теплицы. «Пей Ягу – рожай шнягу», «Хули палишь?», «Rap Game». «Game» в последней надписи зачеркнуто и исправлено на «Гавно». «Гавно», в свою очередь, тоже зачеркнуто и исправлено на «сам ты говно, писать грамотно научись». Продолжение, видимо, следует.

Глава девятая

(в которой Чокопай срывает урок)

– Опричники выполняли функцию личной армии Ивана Грозного, – говорит историчка, мелкая бабка с тяжёлым макияжем, засохшим в глубоких морщинах, похожих на ножевые порезы.

История – самый галимый предмет. Каждый год проходим одно и то же. Поэтому я не слушаю. Играю в мобильную версию «Getting Up». Уже второй раз её прохожу. Граффити-художник Трейн под моим управлением бежит по балконам и крышам, рисует, драпает от ментов.

Башка отвлекает меня от игры: тычет линейкой в бок и показывает на дверь. Дверь приоткрыта, в проём заглядывает Чокопай. Жесткие и черные, как закопченная проволока, волосы подстрижены коротко. В левой брови выбрита тонкая засечка. В длинном ухе болтается серьга. На припухлом лице – несколько крупных родинок. Выражение глаз у Чокопая всегда хитрое, но сейчас по-особенному.

Все уже слегка посмеиваются, потому что знают: вот-вот начнётся экшн. Чокопай наблюдает за историчкой. Готовится к первой атаке, и вот...

– Хуй!

Историчка вздрагивает, как от электрического разряда. Но продолжает, слегка ускорившись:

– К сёдлам своих лошадей опричники привязывали черепа собак, которые символизировали собачью преданность.

– Пизда! Пацаны, кто громче?

– Не обращайтесь внимания, ребята, он большой, – мямлит историчка.

А мы обращаем. Мы обращаем и еще как. Он ведь специально для нас старается. Чокопай открывает дверь пошире, встаёт в дверном проеме и спускает спортивные штаны. Историчка строго на него палит. Надеется пристыдить. Неправильная стратегия. Этот трюк может сработать с кем угодно, но только не с ним. Чокопай уже похотливо пританцовывает и вслед за штанами медленно припускает трусы. Под ними показываются джунгли угольно-черной волосни.

Такого историчка вытерпеть не может.

– Придурок, уйди отсюда, не мешай проводить урок! – кричит она, разбрызгивая слюни. Короткими шажками стремительно приближается к нарушителю дисциплины.

– Иди спи, гном! – отвечает ей Чокопай, быстро натягивает штаны с трусами обратно и хлопает дверью перед самым её носом.

Историчка берет паузу, чтобы собраться с мыслями. Достает из сумки таблетки, заглатывает сразу две.

– И вот, как я уже говорила, из-за феодальной раздробленности монголо-татары стремительно захватывают территории... – продолжает она совсем невпопад, но всем, в общем-то, побоку, пусть что угодно рассказывает. – Так начинается то, что позже будет названо эпохой дворцовых переворотов...

Трейн продолжает бешеной обезьяной скакать по экранчику моего телефона, набирая очки.

– Хуй! – кричит Чокопай, снова просунув наглую рожу в дверной проём.

Историчка взрывается. Она с дикими воплями выбегает из класса и, громко топая, уходит по коридору. Это финал. А куда она? К директрисе? Жаловаться? Это смешно. Чокопай одним

из первых вкурил, что из нашей школы никого не выгоняют. Грозятся, но не выгоняют. Говорят, это из-за того, что за каждого ученика директрисе идет надбавка к зарплате, но я в это совсем не верю. На месте директрисы я бы даже как следует доплатил сверху, лишь бы избавиться от такой загноившейся занозы в жопе, как Чокопай. И от нескольких ему подобных. Но от Чокопая в первую очередь.

– Ну что, – говорит он нам с Башкой, – походу, урок у вас отменяется. Погнали отсюда. Сегодня копейка будет.

Глава десятая

(в которой Чокопай наглядно объясняет, как стать Бонгом)

Копея – это запланированная драка при свидетелях.

– Кто с кем? – спрашивает Башка уже в коридоре.

– Коктейль против Крюгера, – отвечает Чокопай, хищно улыбаясь. – Это как лев против тигра! Как «Барса» против «Манчестера»! Как...

– А что случилось-то?

Оказалось, что рано утром в сквот постучались менты. Стучались настойчиво, долго, пришлось впустить. Менты первым делом отхерачили Чикена с Лобстером. В Муравейнике менты злые, потому что очень много работы. Во-вторую очередь они с большим трудом разбудили Дядю Якудзы и отхерачили его отдельно, в два раза сильнее, потому что не нашли документов – Дядя Якудзы посеял паспорт давным-давно. В третью очередь перерыли всю хату на предмет наркоты. В четвёртую очередь долго чесали репы и совещались, стоит ли приплетать к этому делу сектантство: «вдруг тут дьявола призывают или ещё кого похуже», – подумали менты, увидев церковные свечи. Но в итоге решили не заморачиваться. Вместо этого они отхерачили всех троих ещё разок, для закрепления, так сказать, результата. Напоследок отобрали ключи, дверь закрыли и опечатали. Лобстера с Чикеном тупо вышвырнули на улицу, а Дядю Якудзы забрали в отдел до выяснения личности.

Любому дебилу понятно, что никакие менты не пойдут самостоятельно обшаривать огромный шестнадцатизэтажный дом в поисках сквотов. Особенно ранним утром. Это явно случилось не просто так. Явно по чьей-то наводке.

– А причём здесь Коктейль и Крюгер?

– Коктейль решил, что это Крюгер ночью ментам позвонил и стуканул. Помнишь, какой он уходил недовольный оттуда? А, блин, тебя же не было.

До копейки есть пара часов, так что мы идём гулять. Всю дорогу к Муравейнику я кратко пересказываю Башке вчерашние мутки. Чокопай шагает чуть впереди, резкий и воинственный. Его распирает от предвкушения драки, которая уже через пару часов состоится на набережной.

На качелях возле Муравейника пацаны начинают спорить.

– Говно твоё каратэ, – заявляет Чокопай. – Что тебе даёт твой синий пояс?

– Фиолетовый.

– Фиолетовый, да. Что даёт? Давай раз на раз с тобой выйдем и посмотрим! – его аж трясёт. Видно, что хочет подраться с кем-нибудь.

Башка молчит. Он не выйдет с ним. Чокопай сильнее и старше. Вдобавок он слегка Чокопая побаивается и держит обиду из-за одного случая, после которого его как раз и прозвали Башкой.

История была вот такая. Они вдвоем забрались на пристройку у Муравейника, чтобы залить совместное граффити. Получилось отстойно. Чокопай рисовать не умеет, да и краска была плохая. Мало кто может позволить себе специальные баллоны «Montana». В основном приходится

лить дешёвыми «Bosny» или «Done Well» из автомобильного магазина. Такие баллоны мы обобщённо и пренебрежительно зовём «бомжами». «Бомжи» распыляют краску широко и неравномерно, оставляя уродливые подтёки.

Дорисовав это убожество, парни стали спускаться по пожарной лестнице. Первым спустился Башка (хотя тогда его ещё так не звали). А Чокопай наверху взвесил в руке один из баллонов и понял, что в нём ещё осталось порядочно краски. Он не придумал ничего лучше, чем крикнуть «Лови!» и, не глядя, швырнуть баллончик вниз. Металлический край «бомжа» рассек Башке голову (теперь, пожалуй, уже Башке). Кровища разбрызгивалась, как краска. Его головой можно было ещё одно граффити забомбить.

В травмпункте Башке наложили пять швов. Маме он наврал, что просто шёл по улице, и что-то грохнулось сверху, а где и что – непонятно. Сказал, что ничего не помнит. Не стал сдавать придурковатого друга, решил оставить это на его совести. Но совесть у Чокопая поломана. На следующий день Чокопай подошел ко мне возле класса информатики и спросил, сделав невинное и взволнованное лицо:

«А ты случайно не знаешь, кто ему голову разбил?»

Я прекрасно знал, но зачем-то решил подыграть.

«Я!» – весело крикнул в ответ Чокопай и расхохотался от всей души, или что у него там вместо неё.

Башка в это время лежал в больнице. Собственно, после того случая к нему и приклеилось это прозвище. Теперь, когда учителя говорят про него «светлая голова», кто-нибудь обязательно шутит, что свет пробивается через дырку, проделанную баллоном. Хотя вообще-то учителя про него теперь редко так говорят. После того случая у него переклинило что-то. Башка совсем перестал делать домашку, стал более замкнутым и агрессивным, побрился под три миллиметра, начал слушать рэпера Бабангиду, искать в интернете снафф и называть сухие гречневые хлебцы «едой для пархатых жидов».

– Вот видишь, – говорит Чокопай, когда Башка отказывается выйти с ним раз на раз.

– Ну давай, начини мне ещё про бокс рассказывать.

– Бокс – это лучше, чем каратэ, но в принципе тоже шляпа. От него тупеют и слепнут. Из-за этих, как их...

– Микросотрясений мозга.

– Да, точно.

Цепи скрипят. Башка раскачивается сильно. Чокопай остаётся на месте, слишком он увлечён разговором. Даже качель через перекладину не кинул, сидит низко, почти на снегу.

– Я вот что понял: чтобы стать такими как Бонг, нужно просто гасить всех. Тренироваться. И не на груше, а по-настоящему. Просто подходить и хуячить кого-нибудь. Каждый день. Желательно так, чтобы вырубать. Сначала вырубать не будет получаться. Потом с пяти ударов, допустим. Потом с трёх. И так, пока не научишься стабильно вырубать с одного.

К качелям приближается совсем ещё мелкий пацан с огромным ранцем и в шапке, как у танкиста. Из шапки вываливаются красные от мороза щеки. Сразу видно: любитель мультфильмов и настольных игр. Лицо незнакомое. Похоже, он не из нашей школы. Мы втроём думаем об одном и том же. Двоим из нас это очень не нравится.

– Не надо, эй, – просит Башка за нас двоих, но Чокопай уже встал с качели и преградил пареньку дорогу.

– Мелочь есть?

Появляется надежда, что мелочью всё обойдется. Малой не особо пугается – наверно, уже привыкший. Покопавшись в ранце, он достает оттуда целую горсть и высыпает Чокопаю в ладонь.

– Пацан, ты в каком классе учишься? – спрашивает Башка. Непонятно, зачем ему это.

– В третьем, – отвечает пацан и застёгивает ранец.

– Ага, понятно. А в какой садик ходил? – пытается, видимо, разрядить обстановку, заодно Чокопай отвлечь.

– В «Парус».

– Какой ещё, нахуй, «Парус»?! – внезапно вопит Чокопай и прикладывается огромным своим кулаком к щеке пацана.

Пацан падает. Мы бежим в Муравейник. Забегаем в подъезд, на лестничный пролёт. Дверь закрывается, и я перестаю слышать у себя за спиной совсем ещё детский плач.

– А вы куда так рванули-то сразу? Я его вырубить из-за вас не успел!

Поднимаемся на пару этажей. Осторожно выглядываем в окно. Паренёк, стоя на четвереньках, плюётся красным. Похоже, Чокопай ему выломал пару молочных зубов.

– Прикол, Дантисту похвастаюсь, – весело говорит он. – В общем, примерно так. Подошел, уебал, стал на шаг ближе к Бонгу.

– Не хочу я Бонгом тогда никаким становиться.

– А Крюгером? А Коктейлем хочешь? Думаешь, они по-другому махаться учились? На каратэ твое ссаное ходили, думаешь?

Пацан за окном, наконец, поднимается, утирает сопли, натягивает обратно свой ранец и идёт в том же направлении, только более медленным шагом. Как будто ничего не случилось. Только через каждые пару шагов останавливается и неумело харкает красным на снег.

– Из тебя ещё может что-то получиться, – продолжает Чокопай, – В тебе виден потенциал. Но для этого надо тренироваться. Надо вырубать. А если не будешь, то останешься чмошником со своим синим поясом по карате.

– Фиолетовым.

– Да какая разница?

Мы поднимаемся на несколько этажей выше и находим там ртутную лампу, аккуратно приставленную к стене. Звучит вопрос:

– Расхуячим?

Ответить не успеваем. Лампа уже летит вниз, между перилами. Такой день. Такой Чокопай. Такое у него настроение перед зрелищной дракой.

Глава одиннадцатая

(в которой мы загадываем желания)

Шатаемся по коридорам, тэгаем.

– Сколько время? – уже в который раз спрашивает Чокопай. Он жутко боится опоздать. Башка отвечает, но Чокопай так возбуждён, что тут же забывает. Через пару минут опять переспрашивает.

– Ты заебал. У тебя самого телефон есть.

– Внатуре.

Чокопай достаёт свой «Самсунг» и смотрит.

– Успеваем. Покажу вам сейчас одно место крутое, только вы никому не рассказывайте, договорились?

Как всегда, не дождавшись ответа, Чокопай дёргает дверцу возле мусоропровода. Дверца маленькая, метр на метр примерно. Она со скрипом поддаётся. Чокопай садится на карачки и уползает в дверной проем. Мы с Башкой переглядываемся.

– Ну вы чего там застряли?

Башка скрывается следом за ним. Я карабкаюсь третьим, замыкающим. Мы ползём по узкому бетонному тоннелю, как герои шпионских боевиков по вентиляционным шахтам. Или как крысы. Хотя о крысах лучше сейчас не думать, они по-любому здесь есть. Кажется, я только что слышал писк. Тоннель весь в пыли и копоти, душно и жарко.

– Долго ещё? – спрашивает Башка.

Чокопай молчит. Иногда справа или слева на нашем пути появляется поворот. Тогда Чокопай замирает и долго думает. Остается только надеяться на его интуицию, потому что путь он, похоже, совсем не помнит.

Мы уже целиком состоим из желания поскорее отсюда выбраться, и тоннель наконец-то кончается. Мы оказываемся в помещении с очень низкими потолками – такими, что ходить приходится сильно пригнувшись. В помещении полумрак. Свет проникает через одно небольшое окошко, под рамой которого натянута несколько слоев паутины. В углу стоит старое кресло, непонятно, как его умудрились сюда затащить. У стен лежат три диванных подушки. По факту мы находимся на некоем промежуточном чердаке между пятым и шестым этажом.

– Это место называется «Четыре», – говорит Чокопай и показывает пальцем на потолок.

Спичками на побелке выжжена цифра 4. Как будто это должно что-то нам объяснить. Я осматриваюсь по сторонам. Меня удивляет то, какая здесь чистота. На полу нет ни одного окурка. Ни одной крошки пепла.

– Секрет названия я раскрывать вам не буду, потому что это запрещено. И вообще вам нельзя никому говорить, что вы были здесь. Понимаете, это место магическое.

Башка усмехается.

– Я серьезно тебе говорю! А не веришь – пошел тогда на хуй отсюда, не буду дальше рассказывать!

– Верю, верю, угомонись.

– Ну так вот, – успокаивается Чокопай. – Если представить, что Муравейник – это человек, то «Четыре» – это что-то по типу сердца. Здесь желания надо загадывать. Всё сбывается, отвечаю.

Чокопай садится на кресло. Мы с Башкой – на подушки.

– Закройте глаза. Крепко сожмите кулаки. И повторяйте за мной. Или можете про себя. Но обязательно повторяйте.

Сжимаю ладони в кулаки, как положено. Не знаю, сделал ли Башка то же самое – у меня ведь глаза закрыты, откуда мне знать?

– О, великий Муравейник, – говорит Чокопай.

– О, великий Муравейник, – повторяет за ним Башка, по голосу я слышу, что он еле сдерживает смех.

– Обращаюсь к тебе.

– Обращаюсь к тебе.

Чокопай делает три шумных медленных вдоха.

– Дай мне смелости и упорства, чтобы стать таким же, как Бонг. Самым сильным, самым влиятельным в городе. Чтобы все меня уважали. Дай мне сил, Муравейник.

– Помоги мне уехать из этой страны навсегда, – говорит Башка, голос у него теперь стал серьезным. – Или хотя бы из этого ебучего города. Так, чтобы больше никогда сюда не возвращаться. Так, чтобы забыть к хуям собачьим названия улиц и маршруты автобусов. Помоги поселиться мне в тёплом красивом месте, где вечное лето, много красивых голых девчонок и можно целыми днями ничего не делать, просто жить в своё удовольствие. Где никто ко мне не доебётся на улице. Где все просто кайфуют от жизни. Помоги мне найти это место, ёб твою мать, Муравейник! – Башка разошелся не на шутку. Мне хочется открыть глаза и убедиться, всё ли в порядке с ним, но он вовремя сбавляет обороты. – Самое главное: помоги мне выбраться

из этого города и забыть его. Помоги, Муравейник. О, Муравейник. Дай мне решимости и сил, Муравейник. Помоги.

Тишина. Чокопай не торопится продолжать. Видимо, хочет убедиться, что Башка закончил. А мне почему-то вдруг вспоминается тот же пейзаж, что я мельком видел под фруктиками: рельсы, трансформатор, серое небо, собака.

– Заранее спасибо тебе, Муравейник, – говорит Чокопай.

– Заранее спасибо тебе, Муравейник, – повторяет Башка.

– Аминь.

– Аминь.

– Теперь можно открыть глаза.

Некоторое время мы сидим в тишине. Я наблюдаю за пауком в оконной раме.

– Слушай, Чокопай. А ты видел когда-нибудь Бонга? – спрашивает Башка.

– Нет, не видел.

– Вот и я не видел. Это я к чему? Может, не существует никакого Бонга, а? Ты никогда не задумывался?

– Это тебя не существует! Ещё раз такое скажешь, и я в твоей голове ещё одну дырку проделаю и выебу прямо в неё, понятно? Бонг существует. Иначе какой вообще смысл в этом всём? – он кивает на голые серые стены.

Печальный склеп из бетона в спальном районе холодного жалкого города.

– Никакого, – соглашается Башка.

– Сколько время?

– Половина третьего.

– Пора идти.

Чокопай поднимается, но идет не к тоннелю, через который мы сюда попали, а в конец помещения, к той стене, до которой не дотягивается свет из окошка. Там он звенит ключами, а затем открывает дверь. Обычную человеческую дверь.

– Выходить будем через парадный.

Чокопай закрывает за нами, и мы спускаемся по обычной человеческой лестнице. Чокопай шагает радостной, пружинистой походкой.

– Ну пиздец, – возмущается Башка. – Зачем мы через эту сраку ползли, если можно было нормально?

– Если зайти через дверь, то желание не исполнится, – говорит Чокопай и подмигивает.

Глава двенадцатая

(в которой происходит драка)

Мы стоим на футбольном поле у набережной. Место выбрали из-за того, что зимой здесь очень безлюдно. Не у школы же махач устраивать. Вдалеке видны девятиэтажки, среди них есть моя. Напротив домов – залив. Он покрыт льдом, а лёд покрыт снегом. На снегу рыбаки. Когда смотришь из окна, они кажутся точками на альбомном листе. Если в нужном порядке соединить их карандашными линиями, то получится картинка. Очень простая. Например, портрет кого-то из моих друзей.

Нас тут человек тридцать, не меньше.

Коктейль и Крюгер – в разных концах футбольного поля. На стороне Коктейля его друзья. Их немного. Побитые Лобстер с Чикеном и два его одноклассника: Тоник и Гусь. Рядом с Крюгером

народу побольше, но в основном все стоят на нейтральной территории: ближе к центру поля, на самой удобной для обзора позиции. Мы с Башкой и Чокопаем в том числе.

Обычно перед копеями повторяют одни и те же базовые слова. Их можно услышать и во время самого боя: «Не забывай про защиту!», «Увереннее, увереннее!» и «Да не бойся ты его!». Но сейчас, перед дракой двух самых мощных бойцов, это звучало бы странно, как минимум. Говорят, что Коктейль и Крюгер – единственные, кто может выдержать против Бонга дольше десяти секунд.

Ток что-то спрашивает у Крюгера. Тот мотает в ответ головой.

Коктейль на небольшом удалении от всех, даже от друзей, как и положено одиночке. Он уже скинул пуховик на снег и, надев капюшон, ходит из стороны в сторону в своей любимой серой кенгурухе фирмы «КtX».

Много девчонок. Девчонки любят драки, хоть и морщатся, когда смотрят. Иногда даже плачут, но смотрят всё равно. Из моих одноклассниц здесь Иванова и Веселуха. Дантист, приобняв их, спрашивает:

- Ну что, к кому из вас вечером в гости пойдём?
- А зачем мы пойдём? – кокетничает Веселуха. За лето у нее выросла гигантская грудь.
- Домашнее задание помогу вам делать.

Хихикают. Ведутся, значит.

Якудза выбегает на центр поля, и все замолкают. Из-за невозможности драться самому («ах, если бы не рука!») он всегда самый активный зритель, по совместительству ведущий.

– Во-первых, объявление. Парни договорились, что проигравший платит победившему два косяря. Деньги эти сегодня же пропиваются с теми, с кем победивший посчитает нужным их пропить. В первую очередь, разумеется, со мной. Во-вторых, драка происходит до тех пор, пока кто-то не вырубится или не признает своё поражение. Никакого «правила первой крови». Только хардкор. Поехали? Кокт, ты готов?

- Готов.
- Крюгер?

– Да, он готов, – отвечает Ток за него. Нашелся, блин, секундант. Крюгер снимает свой пуховик, отдает его Току на хранение. Под пуховиком у него красный адидасовский костюм.

– Тогда мы начинаем. Дамы и господа! Сейчас на ваших глазах состоится главное сражение года! В правом углу ринга: Крю-ю-ю-югер!

Все аплодируют, девчонки визжат. Крюгер поднимает массивные кулаки и трясет ими, типа красуется.

- В левом углу ринга...
- Заканчивай клоунаду! – обрывает его Коктейль.

Якудза театрально откланивается и уходит.

– Мужики, начинайте уже! Холодно тут стоять, – выкрикивает Дядя Якудзы и отхлёбывает клюквенную настойку из четвертинки. Он уже успел выйти из ментовки и заново накидаться. Покачивается тут радостный, как ни в чём не бывало. А ведь в каком-то смысле всё это из-за него вчера началось.

Коктейль уверенно, даже вальяжно идёт в центр поля. В его движениях есть нечто кошачье. Крюгер шагает навстречу. Первая интрига боя – кто первым поднимет руки в боевую стойку. Оба понтоуются, идут с опущенными, на расслабоне типа. Выглядят абсолютно спокойными, но понятно, что на самом деле волнуются. А по-другому никак. Поэтому в копеях участвовать мало кто любит. Одно дело помахать спонтанно, на адреналине. Здесь же совсем другое. Пока дойдёшь до места – вся злость уже выветрится, но драться надо. Иначе получится, что ты «съехал», «со-скачил». И оба вы чувствуете себя старыми ленивыми псами на собачьих боях.

Первым руки вскидывает Крюгер и сразу бьёт, метит в челюсть, но Коктейль уходит вбок. Руки у него по-прежнему внизу. Выглядит это эффектно. Увернувшись от первого удара, Коктейль все-таки поднимает кулаки. Парни перемещаются по полю, обмениваясь ударами. Оба действуют хладнокровно. Не торопятся. Прощупывают почву.

Иванова снимает драку на телефоны. Девчонкам почему-то можно. Среди пацанов это считается подлостью. Джеймс достаёт свой «Сони Эриксон», а Якудза вырывает его и кидает в сугроб.

У Коктейля сильное преимущество в росте, поэтому он работает в основном ногами, не подпускает противника слишком близко. Но сохранять спокойствие всё тяжелее. Особенно нелегко это дается Крюгеру: затягивать он не любит, наматывать по полю восьмёрки – явно не его стиль.

– Хорош танцевать уже, ебаштесь нормально! – выкрикивает Дядя Якудзы.

На его мнение всем наплевать, но вовремя сказанная фраза действует как детонатор. Выждав подходящий момент, Крюгер делает простое обманное движение, а затем вкладывает всю силу в боковой удар с правой. Коктейль не успевает вовремя среагировать. Кулак попадает лишь по касательной, но этого достаточно, чтобы вызвать ярость. Он бросается в контратаку.

– Убивай его, убивай! – выкрикивает непонятно кто и непонятно кому, потому что кричат практически все, а Крюгер с Коктейлем «убивают» друг друга в равной мере.

Почти все драки заканчиваются горизонтально. Вот и Коктейль с Крюгером валяются на снег и катаются в нём. Поочередно сверху оказывается то один, то второй. Коктейль старается зафиксировать Крюгера под собой, но тот за счёт низкого роста каждый раз находит лазейку и умудряется вынырнуть. Достаточно подражаться хотя бы раз, чтобы понять, насколько сильно это выматывает. Ещё пара таких «кульбитов» – и Крюгер надёжно закрепляется сверху. Дальше всё по накатанной.

От злости лицо у Крюгера ещё более красное, чем обычно. Почти бордовое. Зубы стиснуты, на висках проступают горячие трубки вен. Он работает руками ритмично, поочередно. Коктейль старается защищаться и даже бить в ответку, но постепенно эти попытки становятся всё более редкими и вялыми. Крюгер же только наращивает обороты. Его кулаки опускаются механически, как будто он забивает сваи.

Якудза с Дантистом переглядываются и негласно решают, что на правила лучше забить. Они подбегают и вдвоём оттаскивают Крюгера.

– Можешь себя контролировать? – спрашивает Дантист у него.

Коктейль переворачивается набок, кашляет. С его носа и губ свисают липкие кровавые нити, по которым ритмичными толчками стекает густая кровь, всё сильнее пропитывая снег.

– Я хочу, чтобы вы все знали, – выкрикивает Крюгер, слегка отдышавшись. – Сегодня утром я не звонил в ментуру! Я вообще никогда в жизни не звонил в ментуру, вы меня поняли?! К Коктейлю у меня никаких претензий нет, он просто ошибся. Повторяю ещё раз: в ментуру звонил не я. И если здесь есть тот, кто звонил, – пусть признается. Я выйду с этой крысой тут же, нон-стопом. Ну? Кто готов? – он смотрит вокруг, старается заглянуть в глаза каждому, – Понятно всё. Я не удивлён. Как видите, шоу окончено, теперь мы идём бухать! Приглашаю всех, кроме мудаков из тридцатой. Хотя ладно, мудаков из тридцатой тоже приглашаю! Встречаемся в бильярдной через час.

– Пожмите хоть руки друг другу, хули вы! – перекрикивает Дядя Якудзы одобрительный гул толпы. И он прав.

Коктейль умывается снегом. Крюгер подходит к нему, садится на корточки. Они жмут руки, Коктейль отдаёт ему две испачканных кровью купюры. Копею можно считать завершённой.

– Это правда не я был. Отвечаю.

– Да понял я, понял. А кто, есть идеи?

– Если бы были, то этого «кого-то» уже бы не было. Понимаешь, о чем я?

Коктейль кивает, сильно о чём-то задумавшись.

– Ладно, я пойду. Подтягивайся тоже в бильярдную, если захочешь.

Крюгер встаёт и уходит. Ток отдаёт ему на ходу куртку. Крюгер небрежно накидывает ее на плечо.

– Эй, Крюгер! Круто попиздились.

Коктейль даже слегка улыбается своим разбитым лицом, хотя видно, что ему сейчас больно от этого. Крюгер улыбается в ответ. Идёт дальше. За ним тянется целая толпа. Тоник и Гусь помогают Коктейлю подняться. Его любимая кенгуруха теперь испорчена огромным бурым пятном.

– Милицию вызову! Милицию вызову! Милицию вызову! – горлопанит неподалёку бабка, как заведённая. Возможно, подошла только что, а возможно, стояла там с самого начала, просто никто не слышал её и не замечал.

– Есть курить? – спрашивает у нас Коктейль.

Чокопай угощает его сигаретой и огнём. Говорит:

– Ты был крут!

И как-то невесело нам:

– Погнали пройдемся, парни.

Мы доходим до края набережной. Там бетонные плиты и огромная труба, сливающая дождевую воду со всего района в залив. Кругом всё заледеневшее, мёртвое. Мы садимся на одну из плит.

– Ты чё приуныл? – спрашивает Башка.

– За Коктейля болел потому что.

– Я тоже.

Постепенно темнеет, небо становится фиолетовым. Рыбаки разбредаются по домам.

Чокопай достает сигареты «L&M». Их осталось ровно три. Протягивает мне и Башке по одной. Третью подкуривает сам. Затем достаёт из кармана тэгер и что-то увлеченно пишет на пустой пачке.

– «Привет! Меня зовут Чокопай», – зачитывает он, дописав. – Классно?

Швыряет пачку как можно дальше, в сторону горизонта. Приземлившись, она зарывается в снег.

– Лёд растает, и пачка до Америки доплывет, – поясняет нам Чокопай.

– Никуда она не доплывет, ты чё, больной?

В обычном своём состоянии Чокопай обязательно огрызнулся бы на Башку или даже врезал. Но сейчас он спокойно и тихо говорит:

– А я верю, что доплывет.

И ведь действительно верит. Вне нашего города Чокопай был только однажды, в раннем детстве, когда мама возила его с сестрой на Чёрное море. Но он этого даже не помнит. Наверное, именно поэтому любые географические факторы являются для него чем-то необязательным. Он просто отказывается воспринимать их всерьёз.

«Если где-нибудь встретишь Рем Диггу – передай от меня привет», – сказал он мне как-то раз, узнав, что я собираюсь с классом в Питер на каникулы.

Тогда я объяснил ему, что Рем Дига живет не в Питере, а в Ростове, и даже не в самом Ростове, а где-то в Ростовской области. А Петербург и Ростов – это вообще-то не близко.

«Ну и что, – сказал мне на это Чокопай. – Ты всё равно передай».

И по-доброму улыбнулся.

Глава тринадцатая

(в которой все собрались в бильярдной, но никто не играет в бильярд)

Мы приходим в бильярдную с опозданием, замес уже в самом разгаре. Администраторша прячется за стойкой и быстро говорит что-то в трубку стационарного телефона. Ор стоит такой, что слов её не разобрать. Договорив, она запирается в подсобке на ключ.

За пару часов практически все успели убраться в хламину. Призовые два косаря были потрачены на аренду зала. Всё бухло пацаны вынесли из разных супермаркетов района. Выносили на кураже. Некоторых даже поймали охранники – настолько нагло парни работали.

Шары катаются по полу, путаются под ногами. В воздухе нависает густой сигаретный дым. Половинки сломанного кия торчат из заблёванного дивана. На диване этом в обнимку спят Дядя Якудзы (ясное дело, напивается еще с утра) и Ток (он просто слабак) – эти двое всегда отключаются первыми. Крюгер от выпитого наоборот стал ещё более энергичным. С пустой бутылкой конины в руке он прыгает на зелёном сукне бильярдного стола и непонятно к чему кричит:

– За «Спартак»!

С другого края стола – бухло и остатки жратвы. Среди кучи пустых бутылок можно найти: несколько упаковок «Ролтона» со вкусом курицы, чипсоны «Московский картофель» со вкусом бекона, сиську пива «Большая кружка», сиську пива «Белый медведь: живое», две полторашки лимонного «Блейзера», водку «Высота», мультифруктовый сок «Фруктовый сад», три банки «Страйка», пять банок «Ягуара», две бутылки клюквенной настойки «Доктор Август».

У меня в пластиковом стакане шипит и пузырится «Блейзер». Не успел я выпить и полстакана, а мне уже хорошо. Я как будто сижу в скафандре, спасающем меня от всего, что творится вокруг.

– За «Спартак» любого порву! Вы слышите?

Никто его не слушает и не слышит. У всех своего бреда в избытке.

– Мне мама говорила, что лучше уж колоться, чем нюхать. Потому что, когда ты колешься, наркотик попадает в руку. А когда нюхаешь – сразу в мозг!

– Ну-ка оттяни край глаза, я посмотрю: девственница ты или нет? Чё ты ржешь? Я реально умею определять!

– Ой, а это меня от пива так развозит из-за того, что там пузыриков много, да?

– Покупай у меня тэгер. Там краски на три сантиметра.

– У меня там столько волос теперь – расчёской расчёсывать можно!

– Не понимаю, почему все говорят, что «Ягуар» вредный. Вон тут написано: таурин. Заебись, полезно! Дальше, кофеин. Тоже нормально, бодрит. Витамин Ц. Нихуя себе! На, глотни.

– Пойдем со мной в туалет. Ну чего тебе, жалко, что ли? Ну пойдем со мной в туалет.

– Если бы не моя рука, то я Бонга бы сделал как нехуй. Хорош угорать, я серьезно!

– Зенит надерёт коней в этом сезоне, можем забиться на сотку.

– Этот дебил, короче, однажды вырезал ответ из решебника и вклеил в тетрадь. Ему настолько влом переписывать было!

– Я слышал, что девяносто процентов смертей происходят из-за того, что человек падает лицом в лужу и захлёбывается. Серьезно тебе говорю. Не веришь? Отвечаю на пацана!

Из портативной колонки наваливает американский рэп. Хитовый трек «You don't know» – совместная работа Эминема, Фифти Цента и малоизвестных нигеров с их лейбла. Трек уже заканчивается. Начинается новый. Уже не рэп, а эмо-кор. Играет узнаваемое гитарное вступление к песне группы «Джейн Эйр». Услышав и опознав его, все одобрительно вопят. Особенно Крюгер. Это его любимая песня.

Начинается первый куплет. Все зачитывают его хором, стараясь друг друга перекричать. Эту песню так часто приходится слышать, что я тоже знаю её текст наизусть, хотя почти ничего в нём не понимаю: «рейв», «хэш», «Ларри Флинт», «джанк» – это всё незнакомые мне слова. Кричать со всеми хором я стесняюсь, молча сижу и пью. Стакан блейзухи в моей руке давно сменился на «Страйк». Достал телефон, чтобы порубать в «Getting Up», а там от мамы четыре пропущенных. Кажется, я попал.

– Что я знал о джанке? Джаст фанк? Джанк – это я. Я – ЭТО ДЖА-А-А-АНК!

Ужас, оглохнуть можно. Допиваю залпом и выхожу на улицу. На улице тихо и пусто, темно. Уже вечер. Перелезаю через забор и оказываюсь в ярко освещённом дворе, который из-за установленной в нем одноместной карусели называется «Тошнотик». Сажусь на карусель, медленно вращаюсь. Презваниваю маме.

– Ты чего не отвечаешь весь день? Опять на беззвучном? Я позвонила в процедурное отделение, записала тебя на сегодня, еле договорилась. Через двадцать минут начнётся.

За двадцать минут быстрым шагом дойти отсюда до процедурного вполне реально. Всё равно пора сваливать. Из бильярдной доносятся звуки бьющихся бутылок. Остаться там дальше – себе дороже.

От «Страйка» идти по улице радостно, от блейзухи – легко. Иногда я весело поскальзываюсь на льду, но держусь, не падаю. А на небе северное сияние, похожее на неоновую лужицу. Оно движется и дрожит. Как будто никак не может устроиться поудобнее.

Глава четырнадцатая **(в которой я укрепляю мышцы спины)**

– Проходи, раздевайся, – говорит моя любимая медсестра.

Как я рад, что сегодня её смена. Она работала здесь и в прошлом году, и в позапрошлом, но тогда мне просто нравилось, что она общительная и добрая, а сейчас, снимая за ширмой футболку, я обращаю внимание на то, что моя любимая медсестра, оказывается, очень красивая женщина. Возраст – лет пятьдесят, но при этом совсем не старая. Волосы очень короткие, светлые. Ногти на руках покрашены красным лаком. Под халатом видны красивые загорелые ноги. Халат этот ей маловат, поэтому ноги видны хорошо. На шее и руках есть морщины, но они её несколько не портят.

Она расстилает на кушетке простыню, я ложусь на живот. Холодными пальцами она клеит к моей спине круглые липучки на проводах. Это датчики. Когда аппарат пищит – нужно как можно сильнее свести лопатки и приподнять корпус. Датчики считывают напряжение мышц, расположенных вдоль позвоночника, и аппарат дает обратную связь: писк становится более высоким и громким. Через тридцать секунд он обрывается – это значит, что я могу полежать, отдохнуть. Медсестра при этом контролирует меня, сидя рядом.

В этот раз она села совсем близко к кушетке, а халат чуть задрался. Краем глаза я смотрю на её ноги.

– У меня внук твоего примерно возраста, чуть помладше, – болтает она. – Он без конца играет в какую-то стрелялку, причём по скайпу.

На соседнем аппарате занимается очкарик с ДЦП. Сидя на стуле, он по сигналу разворачивает ступни в разные стороны. Это простое действие, судя по всему, стоит ему невероятных каких-то усилий. Когда ему удаётся – включается омерзительный гитарный соляк, тот же, что включался в прошлом и позапрошлом году. Вторая, кучерявая медсестра раскачивается в такт музыке и щелкает пальцами. Кайфует прям от этого соляка.

– Это так забавно, – продолжает моя медсестра. – Он кричит: «Кидай гранату, забегай туда!».

Медсестра смеётся как девчонка. Я пытаюсь не смотреть на ее ноги. Ничего не выходит. Закрываю глаза. Под веками проплывают алкогольные розовые пятна. Они красивые. Но ноги у неё всё равно красивее.

– А кем ты хотел бы стать после школы?

Касаюсь её бедра. Делаю это осторожно. Так, чтобы не было до конца понятно, случайное это касание или умышленное. Моя медсестра вдруг резко замолкает, но ногу оставляет на месте.

Я продолжаю держать руку на её бедре. Одним пальцем пробираюсь под халат. Аппарат пищит. Поднимаю корпус ещё на тридцать секунд. Затем снова отдых. Пробираюсь под халат остальными пальцами, всей ладонью. Кожа на бедре у неё слегка дряблая и прохладная. Постепенно она теплеет. До конца тренировки медсестра не произносит больше ни слова. Только дышит по-особенному: прерывисто и шумно.

В конце занятия я, как всегда, сажусь на стул перед небольшим телевизором. Медсестра заново подключает к моей спине датчики, даёт мне джойстик, включает приставку. Игра всегда одна и та же. Гонки из знаменитой серии игр про Крэша Бандикута.

Из доступных локаций я выбираю футуристические светящиеся тоннели. Из персонажей – полоумного профессора с огромной желтой башкой и выпяченной губой. Со мной соревнуются: глазастый тигрёнок, рыжеволосый киборг и Крэш Бандикут собственной персоной. Начинается гонка. Чем сильнее я напрягаю мышцы спины, тем быстрее едет мой персонаж на своем квадроцикле. Поворачиваю с помощью джойстика. Как только мне удастся вырваться вперед, в меня от других персонажей прилетают ракеты и бомбы. Ответить им тем же я не могу, потому что верхние кнопки джойстика, отвечающие за атаку, не работают. К финишу прихожу предпоследним, обогнав только тигрёнка-позорника. Золото получает, разумеется, сам Крэш Бандикут. Это ведь гонка из серии игр про него, он здесь босс.

Моя медсестра отклеивает датчики. Нежно проводит холодными пальцами по плечу.

– Вот и всё. Одевайся.

Кладу джойстик на стол, поднимаюсь. Внезапно у меня темнеет в глазах, кружится голова, я теряю равновесие. Видимо, из-за бухла. Меня успевают подхватить и усадить обратно на стул. Окончательно придя в сознание, вижу взволнованных медсестёр. ДЦП-шник тоже смотрит, непонимающим взглядом. Мне протягивают стакан воды.

– Духота здесь такая, ужас. Конечно, в обморок можно упасть. Да ещё первое занятие, с непривычки бывает, – оправдывает меня моя медсестра. На самом деле мне кажется, что она ещё в самом начале унюхала алкоголь, но не стала меня палить. Потому что моя медсестра меня любит.

– Домой сам сможешь дойти? – спрашивает кучерявая.

Смогу. Конечно же, я смогу. Мне гораздо лучше. Уже одеваюсь.

– Пока-пока, до вторника! – прощается моя медсестра с той же самой интонацией, что и обычно. Как будто между нами ничего не произошло.

Ночью я долго не могу уснуть. Наверное, из-за кофеина, которого в «Страйке» много. А может, из-за неё? Из-за её короткой блондинистой причёски, звонкого смеха и загорелых ног? А ещё я вспоминаю задницу директрисы и понимаю, что Дантист прав – она действительно ничего, хоть и великовата. Думаю о директрисе, о медсестре, снова о директрисе. Ворочаться надоедает. Встаю и подхожу к подоконнику. За окном – ласковая метель с миллионами мягких снежинок. Их так много, что тусклый свет фонарей на набережной практически неразличим.

Часть третья

Глава пятнадцатая

(в которой нас учат ядерной физике и здоровому образу жизни)

Менты вчера не приехали. Но сказать, что пацанам повезло, я при всем желании не могу. Потому что вместо ментов приехали трое быков с травматами – хозяева бильярдной. Тех, кто уже совсем нихера не сообщал, они слегка помяли и вышвырнули на улицу. Остальных заставили

убирать блевоту, осколки, ставить на место стулья, искать по всему залу шары. Вылизав всю эту богадельню, пацаны уже намылились с чистой совестью оттуда валить, но быки осадили их. Оказалось, что испорченный диван, кий и в особенности бильярдный стол неимоверных каких-то бабосов стоят. Быки затребовали с пацанов эту сумму, а когда выяснили, что на карманах у пацанов голяк – поставили их, что называется, на счётчик. В качестве залога забрали у самых старших паспорта. Заставили извиниться на коленях перед администраторшей. И только потом отпустили.

В жопу пьяные пацаны еще долго шатались по району, с трудом переваривая произошедшее. Вяло махались между собой. Шугали своими косыми рожам мирных благополучных граждан. Пытались через окно пробраться в школу, чтобы, представьте себе, поиграть в баскетбол. Бильярда им, видимо, не хватило. Потом под окнами молодых училок орала какую-то пошлятину – понятия не имею, откуда они узнали их адреса.

В общем, тупой и бессмысленный беспредел, послуживший причиной того, что сейчас все классы с шестого по одиннадцатый собраны в актовом зале.

– Понимаете, пока вы юные, у вас организм как губка, – говорит со сцены медработница. – Он всё впитывает. И всё, что он впитает, потом обязательно скажется. Поэтому, когда вы пьете алкоголь (это слово она произносит с ударением на «а»), курите сигареты или, не дай бог, наркотики, нюхаете клей... Или что они там нюхают? – уточняет она у завучихи.

– Клей, клей. Всё правильно, – кивает завучиха, как будто что-то понимает в этом.

– В общем, когда вы всем этим занимаетесь, вы делаете хуже только себе. Не мне. Не учителям. Не родителям. Только себе.

– Я понимаю, – вступает завучиха, – вам хочется казаться взрослыми, – на этой фразе по залу пробегает презрительный смехок. – Я что-то смешное сказала?

– Ничего смешного здесь нет, – подхватывает медработница. – А тем, кто смеется, мы сейчас давление в медкабинете померяем. Наверное, пригубили уже с утра, вот и веселятся.

Не знаю, в какой шарге училась наша медичка, но она почему-то уверена, что алкоголь в крови можно безошибочно выявить по высокому артериальному давлению. Если кто-то ведет себя не совсем адекватно, то проверяют именно так.

– Вы хотите казаться взрослыми, – повторяет завучиха, – но взрослость выражается не в том, чтобы пить, курить и сексом, извините меня, заниматься, – снова все давятся от смеха, но завучиха уже не обращает внимания. – Быть взрослым – это значит уметь брать на себя ответственность. И не только за себя, а еще за близких и окружающих. А вы пока еще даже за себя не умеете отвечать. Бедные ваши родители. Бедные ваши учителя.

Всё в таком духе. Самое забавное, что главных героев вчерашней ночи здесь нет. Вот Башка стоит рядом со мной, но он там не при делах. Джеймса вижу, который ушел еще раньше меня. Где Якудза? Где Крюгер? Чокопай? Ток? Дантист? Хотя рассказывать им всю эту чушь уже не имеет смысла. Их уже не спасти. Впрочем, нас тоже.

– Прикинь, – говорит мне Башка, – Якудза руку вчера сломал. Опять. Ту самую. В том самом месте. Причем ладно бы в драке – нет, нихуя! Этот даун тупо поскользнулся бухой и упал!

Следующим уроком технология. Вместо того чтобы учить нас строгать или пилить, трудовик по кличке Овца объясняет ядерную физику. У этого дятла три высших технических образования, но он всё равно работает трудовиком, – говорит, что нравится. Хобби такое у человека – высшие образования получать, что поделать. Когда Овца отворачивается, чтобы записать огромную формулу на доске, ему в спину плюют слюнявыми бумажками, заползают под верстаки, выкрикивают всякое.

Бабы, в отличие от нас, занимаются делом, а не физику ядерную изучают. На перемене они кормят нас салатами, которые на уроке приготовили. Салаты все разные и совершенно дикие. Ве-

селуха вот сделала из крабовых палочек и сухого ролтона, заправила уксусом. Я голодный, но это не ем, боюсь проблеваться. Так-то проблеваться я, в целом, не против, но сейчас настроение не то.

Иду в столовку. Денег у меня нет, но в столовке всегда выставлен поднос с халявным молоком. Правда, долго приходится разглядывать стаканы, искать тот, в котором не плавает чья-нибудь ресница. Я нахожу тот самый стакан и выпиваю залпом. Обращаю внимание на плакат. «Молоко детям» – написано на плакате и нарисована фломастерами корова. А гелевой ручкой к ней пририсован огромный член. Из члена падают капли.

Глава шестнадцатая (в которой у всех всё плохо)

После уроков мы с Башкой идём навестить Космо. Космо – это сокращение от «Косматый». Его волнистые волосы спускаются почти до плеч. Летом у Космо умер отец. От отца ему досталась старая бежевая «Волга». Космо проводит в ней практически всё свое время. Из трех сохранившихся колёс два спущены, да и движок не пашет. Поэтому мы всегда знаем, где именно Космо можно найти. В «Волге». А «Волгу» – у него во дворе.

Космо сидит, как всегда, на водительском. Но в этот раз он не один. Рядом Коктейль. Под глазом у Коктейля большой красный фонарь, на переносице – пластырь, край губы покрыт коркой запекшейся крови. На заднем сидит Якудза – главный неудачник вчерашней ночи. Правый кулак у него загипсован, как будто на нём надета боксерская перчатка. Левой рукой он держит сигарету, но не дамскую, как обычно, а «Тройку» – стрельнул у Косматого. Сразу видно – залез в долги, стало не до понтов. Якудза выпускает дым в чуть приоткрытое окно. Морщится от непристойной крепости. Разглядывает свой гипс. Мы садимся рядом.

– Как ты? – спрашивает Башка. У кого именно – трудно понять. Все как один унылые до безобразия.

– Даже не спрашивай, – отвечает Якудза. – Допрыгался. Хочется, конечно, верить в чудо, но, скорее всего, не срастется кость у меня. Врачи ведь предупреждали. Стану одноруким бандитом.

Сочувственно киваем.

– Вы же из школы сразу? – спрашивает нас Космо. – Что нового там?

– Да ничего. Мозги промывали. Медичка сказала, что нельзя нам пока что бухать. Что у нас организмы как губка. Для мытья посуды которая, знаете?

– Хуюбка, – говорит Якудза.

– Ну, ты всё-таки иногда появляйся в школе, – продолжает Башка. – Выгнать не выгонят, но на второй год оставить могут.

Космо несколько раз кивает, но это ещё не значит, что он согласен. По этим кивкам даже нельзя определить, понял ли Космо смысл сказанного. Он закуривает и смотрит в окно, как печальный киногерой. На стёклах девятиэтажного дома играют красные блики скупого зимнего солнца. По статистике в нашем городе всего тридцать пять солнечных дней в году. Они вечно случаются не вовремя. Например, когда всем плохо, и от солнца становится только хуже.

– Меня мачеха в интернат собирается сдать, – говорит Космо. – Так-то мне всё равно. Интернат так интернат. Но она «Волгу» батину продаст, пока я там буду.

Все снова сочувствуют молча. У нас никогда не находится правильных слов утешения. Да и какие тут могут быть слова?

– Может, пойдём потэгаем? – предлагает Башка.

– Не, – говорит Якудза, – посижу ещё немного и в Муравейник пойду. С Крюгером надо перетереть насчет долга за бильярдную. Хотите – погнали со мной. А там и потэгать можно.

Коктейль всё это время молчал, но тут его вдруг прорывает как будто:

– Вам не кажется, что все это какая-то поебень? Это ведь даже не искусство. Вот ты, Башка, талантливый чел, сколько граффити нарисовал за год? Настоящих имею в виду, хороших. Одно? Мы тупо пачкаем стены, потому что большего не можем и даже уже не хотим. Всё, что нам нужно, – это хоть как-то себя проявить, оставить хоть какой-то след, но ничего мы на самом деле не оставляем. Все эти каракули замажут, как только администрация выделит денег на краску.

– Да ты гонишь, что ли? Кому это надо – замазывать?

– Сам убедишься. Так всё и будет, я отвечаю. Лет через сто этот город вообще исчезнет. Все тупо уедут отсюда. Вы видели, кто теперь покупает наши подводные лодки? Индусы! Ебучие индусы, за копейки! Никому эти лодки больше не упёрлись. Мир изменился, парни! Войны ведутся теперь по-другому. Но большинство из нас всё равно будет работать на этом бессмысленном сраном заводе до конца своих дней. И с каждым годом всё сильнее деградировать. А зимы будут становиться все холоднее и холоднее. Однажды дойдет до того, что снег выпадет и не растает больше никогда. И самое обидное, что никто из нас этого не выбирал.

Коктейль переводит дыхание. Солнце светит ему в лицо, как будто опровергая слова про вечную зиму. С улицы слышится детский смех. Мальчишки в разноцветных куртках играют в снежки под присмотром своих мамаш.

– Иногда я хочу закрыть глаза, а потом открыть и увидеть, что всё исчезло. Газ, пипетки, блейзуха, Муравейник, тэги, тупые разговоры про Бонга, всё это дерьмо. Чтобы просто оно пропало куда-то, схлопнулось. Но так не бывает. И не будет. И завод никогда не закроется, кого я обманываю? И город. Тэги замажут, а город останется. Да и пусть остаётся. Ничего в нём плохого нет. Просто такие мы. Время просто такое. Девяностые прошли, а продукты распада остались. И мы – хотим этого или нет – хаваем их огромными поварёшками. В больших городах уже всё, а мы с вами хаваем. Так получилось. А зачем, и что потом с нами будет – непонятно. Но ничего, походу, хорошего.

Он снова переводит дыхание. Мы с Башкой и Якудзой переглядываемся.

– Извините, что я это на вас вываливаю. Достало всё просто. Раньше я цеплялся за пацанские разные фишки, и это мне помогало. Действительно помогало. Брат за брата, всё такое. «Бригада» там, «Бумер», «Хулиганы зелёной улицы». А теперь я понимаю, что всё это сплошная наёбка. Но может быть, я и не прав. Какая вообще разница? Удачно вам потягать сегодня, пацаны. Я погнал.

Коктейль вылезает из машины, громко хлопает дверью и уходит быстрым шагом, спрятав руки в карманы пуховика. Кажется, за последние десять минут я слышал от него больше слов, чем за всё время нашего знакомства.

– А я наш город люблю, – спокойно произносит Космо. – Вы не обращайте внимания, с Коктейлем периодически бывает такое. Это потому, что он по жизни думает слишком много. Скоро он перебесится, и всё будет по-старому.

Но почему-то есть ощущение, что по-старому больше не будет.

Глава семнадцатая (в которой Ток побеждает впервые в жизни)

Оказалось, что Коктейль расстроился не на ровном месте.

«Он мне сказал, что это Ток в мусарню тогда позвонил, – сообщил нам Якудза, когда мы уже подходили к Муравейнику. – Больше некому потому что. Коктейль сегодня с утра прижал его, и Ток признался. Из-за него вся эта херня началась, получается. Копея и всё остальное. Вы Крюгеру не говорите, главное. Он ведь реально его прикончит. И вообще никому не говорите лучше. Ток нормальный на самом деле, только очень тупой. Он ничего плохого-то не хотел. Хотел Крюгеру угодить, вот и всё. Он ведь не знал, что так выйдет».

«Да уж, бля, угодил», – сказал на это Башка.

Мы в бетонной кишке – техническом переходе между двумя блоками Муравейника. С обеих сторон кишка во всю длину облицована мутными окошками-плитками. Через стёкла проникает оранжево-красный свет заходящего солнца.

Жидкость в пакетах похожа на соевый соус, который я пробовал однажды в суши-баре с родителями. Но это не соевый соус. Это лак.

Ток и Чокопай сидят на полу, друг напротив друга. Дышат.

– Синхроннее, пацаны, синхроннее! – подбадривает их Крюгер. – Или давайте наперегонки, хоть какой-то движ.

– Ага, ты сам-то хоть раз попробуй! – возмущается Чокопай, оторвавшись от пакета. Дышит он медленно, но сосредоточено, глубоко, с паузами.

Ток работает ритмично и быстро, почти механически. Пакет у него уже сморщился, полиэтиленовые стенки запотели. Свободной рукой Ток придерживает пакет снизу. Бледными глазами всматривается в осколки стекла и щебня на полу.

– Ток! Ток! Ток! Ток! – скандирует Крюгер, воинственно сжав кулаки.

Чокопай ускоряется. Башка сидит рядом с ним. Наблюдает за процессом. Якудза, прислонившись плечом к стене, курит и задумчиво смотрит в одну из выбитых стеклянных ячеек. Закат сегодня хорош.

– Ток! Ток! Ток!

Ток выпускает из рук пакет. Он падает на штанину его светлых джинсов, обдаёт её своим ядовитым содержимым, соскальзывает и шлепается на пол. Ток поджимает ноги и, как-то по-детски съездившись, вырубается.

– И у нас есть победитель! – восклицает Крюгер. Он подбегает к Току и поднимает его руку, как делают рефери в конце боя. Затем отпускает, и рука безвольным обесточенным проводом падает обратно. – Дай тэгнуть, – просит Крюгер у Башки.

Башка медлит. Он знает, что если отдать Крюгеру тэгер, то обратно его будет уже не вернуть.

– Дай тэгнуть, говорю. Тебе краски жалко для братана?

Башка вертит в руках свой чёрный маркер фирмы «Хардкор», как будто прощается с ним. Крюгер подходит, забирает маркер и подмигивает.

– Спасибо, что подарил.

Он пишет у Тока на лбу «победитель». Затем подходит к окну и принимается в честь него тэгать «Ток!» на каждой оконной ячейке, не пропуская ни одной.

– Лупик, а ты чё не пыхаешь? – спрашивает Крюгер, не отвлекаясь от стёкол. – Ты же токсикоман. Любитель веселящего газа.

Он кивает в ту сторону, где стоит откупоренная бутылка с густой темно-коричневой жижей. Мы с Башкой и Якудзой не пробовали ни разу. Крюгер с Дантистом баловались, но давно завязали. Остальные делают это, но редко. Только когда совсем всё плохо – и с деньгами, и с настроением. Вот как сегодня. Покупают бензин или лак. Причем бензин 92-й именно, 95-м брезгуют почему-то. А клей не берут – говорят, неудобно.

– Хватай пакет и погнал! – резко выходит Крюгер из себя и палит на меня свирепо. – Или пиздуй отсюда.

– Да отвали от него, – защищает меня Якудза. – Никакой он не токсикоман. Я тоже газ пью – и что? Газ не считается, – Якудза щелчком отбрасывает окурочек в дальний конец кишки, садится на корточки возле Чокопая, хлопает его по плечу. – Чокопай! Как ощущения?

Чокопай убирает от лица пакет, медленно поворачивает голову к источнику звука и едва разборчиво говорит:

– Почему я так свою маму предаю?

– А нам откуда знать почему? Может быть, потому что ты долбоёб? А вообще – не говори ерунды. Никого ты не предашь.

Чокопай делает еще несколько глубоких вдохов.

– Ты лучше скажи: эффект как от газа или другой? Глюки есть?

Чокопай снова поворачивается. Эти несколько вдохов даром не прошли. Нижняя губа у него дрожит, и от этого удлинится тонкая нитка слюны, свисающая с нее. Чокопай издает горловые скрипучие звуки.

– Ага, спасибо за ответ.

– Заебись его плющит, походу, – говорит Крюгер с усмешкой. Он сегодня особенно злой. После вчерашнего, видимо. Ещё бы. Не каждый день приходится убирать блевоту и извиняться под дулом травмата.

Я перевожу взгляд на Тока. Никто, кроме меня, не замечает, что «победитель» беззвучно блюёт во сне. Из его приоткрытого рта толчками вырывается нежно-розовая жижа с белыми, как будто пенопластовыми, ошметками. Крюгер тем временем продолжает выводить его прозвище на стёклах.

– Сегодня отдыхаем. Надо в себя прийти немного. А с завтрашнего дня начинаем мутить бабос для этих пидоров из бильярдной. Каждый будет делать то, что хорошо умеет. Ток будет кофе выносить по двадцать банок в день. Ты, Якудза, поможешь ему этот кофе толкать. Дантист вызвался у ЗАГСa клянуть «за счастье новобрачных». Надеюсь, он реально работать будет, а не клеить подружек невест. Чокопай у малых отжимать, как всегда. А я – всех контролировать. И бабки этим козлам раз в неделю таскать, базарить с ними. Ну и вот. Система налажена. Если всё нормально пойдет, то недели за три намотим. Плюс тэгеры свои продадим. Башка, ты не хочешь, кстати, тэгер свой купить у меня? Хороший. Чёрный. Краски много. Чё вы притихли, кстати? Где бабки брать будете, малышня? Может, родители ваши заплатят?

Если честно, я до последнего надеялся, что у Крюгера вышибло память, и он даже не помнит, что я вчера в этой бильярдной был.

– Слушай, хорош. Не докапывайся к малым. Башка там нормально себя вёл, еще и убрать помог. А Лупик вообще полчаса посидел только.

– Ладно. Скажите спасибо добренькому Якудзе. С каждого по две пятихатки – и забыли. Чем быстрее, тем лучше.

Крюгер выводит последний тэг, оценивающе смотрит на свою работу. Все стёкла забиты. Подходит к Якудзе, кладет ему руку на плечо.

– Прорвёмся, братан. Вывезем. Всегда вывозили.

– Да, прорвёмся, – отвечает Якудза как-то печально и неуверенно добавляет: – братан.

Чокопай залипает в одну точку. Пускает слюни и что-то мычит.

Солнце зашло, стемнело. На уровне стёкол вспыхивает холодный уличный фонарь и освещает кишку. Ток приходит в сознание, испуганно палит по сторонам.

– Где я?

– В раю для победителей, – спокойно отвечает Крюгер. – Повернись, посмотри, как ты стёкла все забомбил. Не помнишь, что ли? Монстр, ваще. Бонгу расскажем, вот он зауважает тебя!

Ток поворачивается к стеклам. Видит своё прозвище, продублированное на них добрую сотню раз. Смеётся и гладит эти стекла ладонями.

Глава восемнадцатая

(в которой Джеки Чан борется с преступностью)

Башка, скрестив босые ноги, сидит на полу и увлеченно играет в свою любимую игру на первой плейстейшен. По экрану небольшого телевизора носится мультяшный Джеки Чан, собирает бонусные драконы головы и гасит криминальных недоумков. В перерывах между уровнями,

когда на экране мелькают побитые рекорды и набранные очки, Башка вспоминает про тарелку, стоящую рядом с ним, и съедает пару ложек гречки, намешанной с вареньем.

Мне нравится быть у Башки в гостях. Особенно с утра, в выходной, когда впереди ещё много времени, и если вдруг надоест сидеть дома, то можно пойти гулять. Квартира у них всегда захламленная, но хлам здесь веселый, не такой, как у всех. Вместо банок с краской, шмоток и старых лыжных ботинок повсюду раскиданы фигурки монстров, музыкальные журналы, сияющие брелки и DVD-диски, которые никогда не соответствуют коробкам, в которых лежат.

– Дай мне тоже поиграть, – в который уже раз просит у Башки младший брат, свисающий со второго яруса кровати. – А если не дашь, то я сделаю так, что ты тоже играть не будешь.

– Заткнись.

– Ах так? Мам! К нему в гости одноклассник пришел, а он поиграть ему не дает!

Это его любимый трюк. Через минуту Мама Башки стоит в дверном проеме, лениво прислонившись плечом к стене. Подстриженная под мальчика высокая брюнетка с широкими бёдрами, узкой талией и душой подростка. Говорит мне «привет», в ответ я глупо улыбаюсь. Слишком короткие на ней шорты и слишком прекрасная серая майка с винным пятном. Не понимаю, как отец Башки мог от нее уйти. И как отец Брата Башки мог от нее уйти – тоже не понимаю.

Парой коротких фраз она усаживает Брата Башки за прописи, а серый джойстик перемещает мне в руки.

Мне достаётся уровень в канализации. Под моим управлением бедный Чан на каждом углу огребаёт по яйцам или, оступившись, падает с железной платформы в сточные воды. Башка рассказывает мне простые и действенные комбинации кнопок, но это только мешает. Помучавшись минут десять, я с облегчением возвращаю джойстик мастеру. Он быстро проходит мой уровень, затем еще один. У Башки вообще всё получается хорошо, за что бы он ни взялся: видеоигры, рэп, граффити, математика, спорт. Другое дело, что в последнее время становится всё меньше и меньше вещей, за которые он берётся. Вчера Башка даже признался мне, что уже две недели не ходит на каратэ. Кимоно валяется в углу комнаты на полу, а фиолетовый пояс завязан в декоративную петлю и свисает с дверной ручки.

– Надоело, – говорит он и отбрасывает джойстик в сторону. Мы идем одеваться. Брат мгновенно соскакивает со стула, усаживается перед телевизором.

В прихожей из-за чуть приоткрытой двери доносится песня Gorillaz. Это любимая группа Мама Башки.

– Осторожнее там! – перекрикивает она музыку. Наверное, думает, что мы идём рисовать. Она совершенно спокойно относится к этому, как и к другим увлечениям сына. Поддерживает даже, иногда дает ему денег на тэгеры или баллоны, а прошлым летом подарила на днюху скейтборд.

Завязывая шнурки, я не могу удержаться и заглядываю в узкий дверной проём. Сидя на расправленной кровати, Мама Башки красит ногти на ногах чёрным лаком.

Мы выходим из подъезда. На улице обманчивая кратковременная оттепель. Я по этому поводу даже надел демисезонную куртку. Сегодня можно нормально погулять, не ныкаясь по торговым центрам. С крыш не капает, но воздух влажный и снег липнет к ногам. Небо сплошняком затянуто тучей, но туча не слишком плотная. В одном месте она чуть светлее, чем в остальных. Там прячется солнце.

Незаметно покидаем пределы нашего района. Потом еще одного. Говорим в основном о рэперах, видеоиграх и одноклассниках. Проходим мимо «белого стакана». На нем, как обычно, людно. «Белый стакан» – это заброска, популярная у паркурщиков. Говорят, на ней часто тусует Бонг. А еще там когда-то погиб один парень, не сумевший перепрыгнуть через шахту лифта, после чего это место стало еще популярнее.

Выходим на железную дорогу. Идём по шпалам. Это всегда приятно, потому что сворачивать с железной дороги некуда. Идёшь себе и идёшь. Особенно если пункта назначения нет, как у нас. По железной дороге мы ходим обычно молча. Такая у неё аура.

– А помнишь, – неожиданно говорит Башка, – в садике у каждого был свой шкафчик для одежды? И на каждом шкафчике было нарисовано что-то. Фрукты разные, там, или звери. Яблоки, груши, апельсины, грибы, зайцы. Вот я вчера вечером пришел домой и долго думал об этих шкафчиках почему-то, не знаю. Грустно было. Из-за тэгера, из-за Коктейля, много из-за чего. Поэтому я лежал и думал. Но ни о чем, кроме этих идиотских шкафчиков, не думалось, поэтому думал о них. Точнее, не просто думал, а вспоминал. Пытался вспомнить, какой фрукт был нарисован на моем шкафчике. И знаешь, я точно помню, что это был именно фрукт, а какой – не помню, прикинь? Странно это. Вот не помню, и всё. А ты?

Глава девятнадцатая

(в которой происходит необъяснимое)

К проводу, свисающему с высоченного трансформатора, привязана арматура. Башка держится за неё и раскачивается, как на тарзанке. Его тяжелые ботинки, пролетая в метре над землей, черпают грязный туман. Наверху вокруг трансформатора выются чёрные птицы. Их голоса заглушает тяжелый товарняк, проносящийся мимо. Снимаю это на видео. Перевожу телефон с поезда на Башку и обратно. По-моему, это красиво.

Вагоны скрываются за поворотом. Шум утихает. Башка отпускает арматуру, приземляется на железнодорожную насыпь. Умывает снегом ладони, испачканные ржавчиной. Снято. Убираю телефон в карман.

Мы продолжаем идти по шпалам в этой малознакомой нам части города. Справа – забор с колючей проволокой, ограждающий непонятно что. Слева – линии электропередач. За ними – неоднородная полоса гаражей.

– Не, в жопу всё это. Закончу школу – свалю за бугор. Попрошу политическое убежище или что-нибудь в этом духе. Даже поступать никуда не буду пытаться, – слишком по-взрослому рассуждает Башка, для него это норма. – Первое время там, наверное, придется тарелки мыть, но ничего. Потом, может, выбью пособие. Буду граффити рисовать, пить пиво и ничего не делать. На скейте кататься еще иногда.

В ушах у меня звенит. И воспринимается всё отстраненно, как будто газа глотнул. Потеею сильно, хотя куртка на мне очень лёгкая для зимы. Не пойму тогда, отчего. Может, оттого, что рядом высоковольтные провода? Бабушка говорит, что нельзя под ними ходить.

Вдруг неожиданно для себя начинаю говорить. Вернее, это не совсем я, а как будто кто-то левый говорит моим ртом, пока сам я сижу у себя внутри и удивлённо слушаю:

«Ничего из этого у тебя не получится. Всё будет по-другому. Не знаю, как именно, но по-другому».

– Это ещё почему?

«Чувствую так. Но ты не расстраивайся особо. Мне вот хочется, например, стать продавцом в отделе с дисками. Чтобы сидеть и рубиться целыми днями в игрушки. Идеальная ведь работа. Но не получится у меня стать продавцом дисков. Я только сейчас это понял».

– Конечно, не получится! В интернете всё скоро скачать можно будет. Сейчас уже можно даже.

Пока одна часть меня продолжает трепаться, другую по-дикуму плющит. Эти сраные провода конкретно ездят мне по мозгам, если дело, конечно, в них. Всё расплывается, потом собирается обратно, и так без конца. А в небе вьётся орава птиц – тех самых, черных, кото-

рые летали вокруг трансформатора. Они как будто хотят сложиться в единое геометрическое тело.

– А что с пацанами в итоге будет, по-твоему? – спрашивает Башка.

Появляются фрукты. Они плывут у меня перед глазами: огромные, полупрозрачные, яркие. Апельсины, лимоны, гранаты, киви, манго, ананасы. Самые разные фрукты. Если смотреть через апельсин, то всё вокруг кажется оранжевым, а не серым. Если через банан, то жёлтым. Некоторые фрукты гнилые. От некоторых остался только огрызок. Некоторые – как с витрины. Но в основном мультяшные они, несъедобные.

Я слушаю себя дальше:

«Почти все пойдут на завод. Крюгер точно. И Якудза. У него, кстати, с рукой всё в порядке будет, срастется. Он потом сломает ее еще раз, и она ещё раз срастется. Так что на завод возьмут. Будет жить в Муравейнике, напиваться по выходным. Практически все так. Но есть исключения. Дантист вот начнет барыжить, к примеру. Чокопай в малолетку скоро сядет. Но ему это даже на пользу пойдет. Подкачается там. И в целом выйдет оттуда более спокойным, что ли, уравновешенным. Ток в один из дней исчезнет с радаров, никого не предупредив. Наверное, маму поедет искать. А Коктейль после школы переедет в Питер и двинет там кони от наркоты».

– Да ты гонишь, что ли? С чего ты решил? Он же вообще не по этой части!

«Ну вот так, – продолжаю наваливать я, и сам от себя же офигеваю. – Он, кстати, прав: все наши тэги реально закрасят скоро. Жалко Коктейля, да. Обидно, что так получится. Он из нас самый нормальный. Но, пожалуй, реально думает многовато – правильно Космо сказал. Космо, кстати, действительно в интернат отъедет. Но мачеха “Волгу” так и не продаст. Не найдёт покупателя».

– А Бонг? Что будет с Бонгом?

«А Бонга нет. Его выдумали».

И тут меня отпускает.

– ...на скейте кататься ещё иногда, – продолжает Башка с того самого места, как будто плёнка в кассете назад отмоталась. – В любом случае, оставаться не вариант. Уёбищно тут и тупо. Но пока ещё говорить рановато, конечно. Просто фантазии. Всё еще может десять раз поменяться. И поменяется наверняка.

Поменяется наверняка, это точно.

Впереди на путях лежит какой-то мешок. Подходим ближе, присматриваемся. Башка отшатывается назад.

– Ёб твою мать! – восклицает он. Потому что никакой это не мешок, а дворняга без головы. Её туша в районе передних лап косо разрублена колесами поезда. Труп еще свежий, кровь не засохла – она пульсирует в собачьем теле неравномерными ударами. Похоже, дворнягу разрубил тот поезд, который проехал мимо, когда Башка на тарзанке качался.

– Как так вышло-то? – говорит Башка. – Не могла же она решить выпилиться и шею на рельсы сама положить? Не могла же?

Собачья голова укатилась. От неё до самых кустов по заснеженной насыпи тянется красный след. Мы обходим собаку за несколько метров и движемся дальше.

– Пиздец, вот пиздец, – повторяет Башка, иногда оборачиваясь назад. А я не оборачиваюсь. Мне не до этого. Я даже не испугался почти. Потому что думал о своём глюке. О том, откуда он такой странный взялся, этот фруктовый глюк.

Мы подходим к дальним районам, где находится стадион «Север», ДЮЦ и местные многоэтажки. Вдалеке на железной дороге – два человеческих силуэта. Поначалу невозможно определить, в какую сторону они идут, но вскоре становится очевидно, что идут они нам навстречу.

Глава двадцатая

(в которой Башка рассказывает, как всё было)

Пересказывать пришлось трижды: два раза устно и один письменно, во всех подробностях, на нескольких листах. В некоторых деталях я путался. Это почти неизбежно. Особенно если глубокая ночь за окном.

Перечитав мое заявление, следак устало вздыхает и выходит из кабинета. Над его рабочим столом остаётся плотное облако дыма. Курит он много, почти не переставая.

Мы с папой теперь тут наедине. Разве что в углу, на стуле с колесиками сидит толстый усатый мент, но он дрыхнет, так что не в счёт. Выглядит папа уставшим, посматривает на часы. Скоро ему на работу.

Такое чувство, что мы у врача на приёме. Ага, если бы. Я бы лучше лишние десять раз к ортопеду сходил, чем это. Уж лучше пчелки, бабочки и земляничка на стенах, чем портрет президента с крысиной рожей и плохо пропечатанные фотороботы маньяков.

– Ты уверен, что сказал следователю всю правду? – спрашивает папа. – У меня могут из-за тебя быть проблемы, ты понимаешь? Меня могут посадить, если ты в заявлении наврал. Не тебя, а меня, понимаешь? Ты точно не знаешь, кто это был?

Папа думает, что тут замешан кто-то из моих друзей. Папа к моим друзьям относится плохо. Вечером, когда мне пришлось ему всё рассказать, он сначала ничего не соображал от злости, а потом долго расспрашивал про друзей. Почему-то он был уверен, что кто-то из них обязательно виноват.

Следак возвращается не один. Заводит в кабинет Башку. Мы с ним коротко переглядываемся.

– Присядь, – говорит следак, и Башка садится рядом со мной. – Расскажи всё как было. Только честно. И с подробностями.

– Да вы издеваетесь, что ли? Я три раза уже рассказал. Сколько можно?

– Никто над тобой не издевается. Чем быстрее расскажешь, тем быстрее освободишься.

Башка устал. Его, как и меня, всё это уже доконало. Но деваться нам некуда. Башка приступает к рассказу в четвертый раз. Я надеюсь, что он не начнёт приплетать отсебятину. Надеюсь, что наши показания совпадут. Надеюсь, что нам не придется выкладывать всё это снова.

– В общем, мы шли по железной дороге...

– Что вы там делали? – перебивает мент и закуривает.

– Говорю же: мы просто гуляли.

– По шпалам? На другом конце города?

– Ну да. А что такого?

Мент пожимает плечами, затягивается сигой поглубже и делает пометочку в своей огромной тетради. Мне он, кстати, тот же вопрос задавал и тоже пометочку делал.

– Продолжай.

– Мы спокойно шли, разговаривали, никого не трогали. И тут к нам подошли два пацана. Они тоже по рельсам гуляли, только шли в другую сторону.

– Попробуй их описать.

– Они нас старше года на три-четыре где-то. По росту один прям длинный, другой обычный. У длинного волосы рыжие.

На этом моменте следователь насторожился и быстро сделал ещё пометку. Эх, Башка, Башка. Почему рыжие-то? Чем дольше все это тянется, тем сильнее я убеждаюсь, что даже правдивую

историю невозможно два раза пересказать одинаково, а уж четыре тем более. С каждым разом история хоть немного, но искажается, переплавляется у рассказчика в голове. А может ли тогда история в принципе быть правдивой? Получается, что не может.

– У второго пацана, того, что поменьше, глаза голубые, большие. А на нижней части лица бандана повязана. Сама бандана черная, а на ней желтыми буквами написано «50 cent». Вот это я четко запомнил.

– А как это пишется? Покажи вот тут, на бумаге, – говорит следак и протягивает какой-то огрызок. Вот он олень. Не знает, как «50 cent» писать. Где их таких находят вообще?

Пока Башка пишет, следак бычкует в пепельнице сигарету и закуривает новую.

– Ну и, в общем, тот, который в бандане, нам говорит: выворачивайте карманы, гоните мелочь и маркеры. Мы мелочь отдали, а про маркеры сказали, что нету. У нас их с собой правда не было. Потом они заставили нас попрыгать. Они так пытались определить, всю ли мы мелочь отдали и действительно ли у нас нету маркеров. Потому что в маркерах специальные шарики, которые краску взбалтывают, и эти шарики гремят, если попрыгать.

Мой папа и следак почему-то переглядываются.

– Мы попрыгали, и ничего у нас не зазвенело. Потому что мелочь мы всю отдали уже, а маркеров у нас с собой не было. Но это я уже сказал. В общем, им не понравилось, что у нас маркеров. И тогда они спросили про телефоны. Мы сказали, что телефонов у нас тоже нету. Они переспросили, не врём ли мы. Мы сказали, что не врём. Тогда они засобирались вроде бы уходить, но тот, который в бандане, заметил, что у Лупика... Ой, то есть, у Паши... Извините. Заметил, что у него, в общем, карман на груди выпирает немного. И понял, что там телефон. Но Паша телефон не захотел отдавать. Тогда этот тип в бандане вынул из кармана что-то вроде ножа, но без лезвия.

– Шило, – подсказывает следователь и гасит сигу.

– Да, точно, шило. Он достал из кармана шило и приставил Паше к горлу. Не приставил, вернее, а сильно прижал прям. Я на секунду даже испугался, что проткнёт. Было похоже на то.

– Так. Приставил к горлу шило – что дальше?

– А дальше он сказал: «Доставай телефон. Если не отдашь, то будет хуже».

– Что, прямо так и сказал?

– Нет, не совсем так.

– Дословно помнишь?

– Помню. Только там с матом, – со смущенным видом Башка косится на моего папу, потом смотрит на следака. Папа молчит. – Что, прям с матом сказать?

– Да, прямо с матом. Говори как было.

– Хорошо. Он сказал: «Мобилу, сука, гони, а то я тебя убью сейчас нахуй». И еще обозвал.

– Кем?

– Пидорасом мелким. Вот.

Следак удовлетворённо кивает и записывает за Башкой всю фразу дословно. Похоже, это его любимая часть рассказа.

– Паше буквально неделю назад родители этот телефон подарили, поэтому ему было очень жалко отдавать. Но пришлось. В конце эти парни предупредили, чтобы мы никому ничего не рассказывали. Что у них связи по всему городу, и если мы кому-то расскажем, то они нас найдут и пиздец нам будет. Так и сказали. А потом свалили. Всё.

Башка хорошо рассказал. Накосячил только в одном моменте, когда сказал, что у длинного рыжие волосы. Волосы чёрные у него. Хотя, может быть, он прав. Я ни в чём уже не уверен. Я запутался.

Следак закуривает. Опять. Сколько можно? У него лёгкие из железа, что ли? Мне тоже хочется покурить. И Башке охота наверняка.

– Как ты думаешь, почему Паша родителям только на следующий день рассказал?

– Ну, он просто понимал, что тогда в милицию обращаться придётся, заявление писать. А это ведь не очень красиво.

– Почему?

– Не знаю. Но все в таких случаях говорят «мусорнулся», «к ментам побежал», всё такое.

Мой папа тяжело вздыхает. Толстый мент в углу, услышав про мусоров, просыпается.

– Все – это кто? – спрашивает следак, усмехнувшись.

– Наши друзья из старших классов. Мы к ним как раз и обратились в первую очередь. Потому что они нам всегда говорили, что заступятся за нас, если что-то такое случится. Что друзья должны впрягаться друг за друга. Но когда мы к ним обратились, они сказали, что, во-первых, не будут нам помогать, потому что у них самих проблем сейчас хоть жопой жуй. А во-вторых, грабители эти не из нашего района, так что искать их запарно. Посоветовали нам тоже отжать несколько телефонов, продать их таксистам и купить новый, такой же, как был. Сказали, что это самый нормальный варик. Но мы решили, что не будем этого делать. А потом, насколько я знаю, родители стали у Паши спрашивать, где телефон, потому что они ему звонили несколько раз, а телефон выключен был. И тогда всё пришлось рассказать. Вот.

Нормально нагородил. Иногда Башка ловит волну и начинает трепать не по делу, с ним часто бывает такое. Следователь делает последние пометки в своей тетради и закрывает её.

– От меня ещё что-то нужно, или я могу быть свободен? – спрашивает папа. За окнами пока темно, но уже раннее утро. Ему пора на работу.

– Да, вы можете идти. А вот молодым людям придётся задержаться еще на какое-то время. Нужно сделать фотороботы и уточнить кое-какие детали.

Похоже, что это надолго.

– До свидания, – говорит папа.

– Всего доброго, – говорит следователь и добродушно кивает на прощание.

Дверь за папой закрывается. Полуулыбка с лица следователя сразу же исчезает.

– Значит так, – говорит следак и закуривает новую сигарету, – у нас тут и так дел по горло. Нечего нам мозги ебать, усекли? Давайте-ка признавайтесь.

Мы с Башкой ошалело переглядываемся.

– В чём?

– В том, что вы этот телефончик ёбанный потеряли. Или кому-нибудь впарили, а деньги все проторчали. А родителям потом лапши на уши навесили, чтобы по жопе не получить. Так ведь всё было? А? Я спрашиваю!

– Нет, всё было не так, – невозмутимо отвечает Башка. – Мы вам уже рассказали, как было.

Следователь хватает со стола переполненную пепельницу и швыряет её об стену. Пепельница не бьется, отскакивает. Многочисленные окурки высыпаются на пол. Следователь встаёт с места и ходит из стороны в сторону.

– Вот ведь уёбки, да? – говорит усатый мент из своего угла.

Глава двадцать первая (в которой я смотрю фотографии)

Мы так и не сломались, хотя уговаривали нас долго. Потом мы пересказывали эту историю снова – уже в другом кабинете, другим ментам.

Потом ещё раз, еще в одном кабинете. Потом пару раз по отдельности. Потом ещё раз письменно. И ещё. Хотелось есть. Хотелось спать. Хотелось курить. Потом ещё раз писали от руки.

В каждом из кабинетов всё новые и новые менты матерились на нас за то, что мы якобы потеряли телефон и не признаёмся.

В какой-то момент они, видимо, всё-таки поняли, что мы его не теряли, и стали на нас материться за то, что мы слишком поздно к ним обратились. Потому что если бы мы обратились в тот же день, то преступников легко нашли бы по горячим следам, а сейчас уже тяжелее и вообще не факт, что получится. Хотя по каким горячим следам – непонятно. Они ведь наверняка точно так же матерились бы на нас часов восемь подряд и только потом приступили к поискам.

После всего вышеописанного нас попросили ещё раз пересказать историю устно и ещё раз изложить её на бумаге во всех подробностях. Потом ещё. И только после этого повели, наконец, составлять фотороботы. Эта их прога скорее рассчитана на уродцев из мультика про Спанч Боба, так что фотороботы получились совсем не похожими.

После составления фоторобота Башку попросили ещё разок всё пересказать, а потом отпустили домой. Во-первых, за ним приехала мама и стала качать права. Хорошая она всё-таки. А во-вторых, Башка не потерпевший, а лишь свидетель – нельзя свидетеля совсем уж доканывать, меру надо знать. Хотя он тоже мог бы быть потерпевшим. «Сони Эриксон» лежал у него в кармане, просто Башка в пуховике был, а в пуховике можно что угодно носить незаметно. Это я, идиот, напаялил демисезонную. Сам виноват.

В общем, его отпустили, а я тут остался один. Ну как один – с ментами. Уже почти ночь. Сажу перед старым жопастым монитором, попиваю паршивый чай из пластикового стаканчика. Усатый мент-жирдяй открыл мне базу данных по всем несовершеннолетним преступникам города, состоящим у них на учете. Сказал листать и на каждого очень внимательно смотреть. Записывать на листочек порядковые номера тех, кто похож на наших грабителей. А я уже, если честно, смутно помню, как именно они выглядели, грабители эти – столько раз мне пришлось эту историю ссаную рассказать. Толстяк сидит со мной рядом. Типа контролирует, но на самом деле в змейку на телефоне играет. Телефон у него такой же, как был у меня. Не тот, который отжали, а предыдущий еще, самый первый.

Наступило тупое приятное безразличие. То ли от недосыпа, то ли ещё от чего. С монитора на меня смотрят разные пацаны. Всех их на чём-нибудь засекли. Ухмылки, кофты-кенгурухи, спортивные костюмы, рэперские кепки, ссадины, шрамы, фингалы, короткие причёски, засечки на бровях, клипсы в ушах, патрули, джинсы-трубы, джинсы-узкачи, спортивные, напульсники, спортивные костюмы, красные волосы, розовые волосы, сальные челки, голубые глаза, карие глаза, злые глаза, взорванные капилляры, оскаленные зубы, сжатые кулаки, выбитые костяшки, проколотые языки. База кажется бесконечной. Иногда попадаются похожие на наших грабителей, но я не записываю. Просто листаю. Всё чаще и чаще попадают друзья и знакомые. Все они здесь. Все они здесь, в этой базе. Я листаю. Надеюсь найти среди них себя, но знаю, что не найду. Никогда не стану одним из них, но вечно буду на них похожим.

- Ну что, как успехи? – говорит мне мент-жиробас, не отвлекаясь от игры.
- Охуительно, – говорю я ему и листаю дальше.

Май – август 2020

Юлиана НОВИКОВА

Ничего не внемлет ничему.
Дедушка играет на гитаре
Или мандолине, или лире.
Каждой твари можно дать по паре,
Столько инструментов в этом мире.
Сколько духовых! А сколько струнных?
Сколько контр-ударных инструментов,
Созданных как раз для этих трудных
Жизни исторических моментов.
Вот и я, сама собой вниманье,
Детское, с мурашками по коже.
Дедушка играет на баяне,
Но и в преферанс играет тоже.
Дальше вход закрыт для посторонних,
Да и нет здесь больше посторонних.
Дедушка в оркестрах похоронных,
Но и в преферанс играет знатно.
Я могла бы вспомнить и другое
Скомканное небо голубое,
Мы идем за ручки взявшись, двое.
Да оно и так уж все понятно.

Эта бедная женщина вела весь дом,
Говорили о безызвестной даме.
А чем дело кончилось-то потом,
Догадайтесь сами. Иными словами
Вот вела она его да вела,
За штурвалом на мостике стояла,

Юлиана Новикова родилась в городе Северодонецк Луганской области. Закончила Литературный институт имени Горького. В 2004 году вместе с мужем Денисом Новиковым (1967–2004) эмигрировала в Израиль, окончила израильский Открытый университет. В настоящее время работает специалистом по альтернативной медицине в поликлинике города Безр-Шева. Автор двух поэтических книг.

Океан раскалялся под ней добела,
А затем твердел точно грань кристалла.
Покрывался, иными словами, льдом.
Но ее не печалило то нimalo,
Столько зим она вела этот дом,
Что и ей природа его внимала.
Столько лет они прожили как семья,
Но случилось страшное нынче летом.
На переднем крае стоит скамья
И прилежно свидетельствует об этом.
Облака плывут как сама печаль,
По себе на земле оставляя пятна.
И не знаешь, с какого слова начать,
А чем кончится все, и без слов понятно.
Я дрейфую чужому дому вослед
По пустынным улицам незнакомым,
И ловлю из окон бездомный свет,
Застревающий в моем горле комом.

Чашка кофе после шести
После двенадцати не дает уснуть.
А это значит, что как-нибудь
Эту ночь уже не спасти.
Не будь я душой, после шести
Я бы не ела и не пила,
Легла бы просто и умерла.
Вот, прости Господи,
Просто прости.

Продаются вещи с молотка.
Отдаются даром за бесценок.
Их существование бесцельно
И непредсказуемо пока.
Тонких обстоятельств переплет,
А внутри как будто на странице
Чей-то слоник. Бок его лоснится.
Этот слоник всех переживет.
Я его поставлю на комод,
Чтобы с ним встречаться ежедневно,

Незаметно, медленно и верно
Наша жизнь взаимная пройдет.
Он меня обставит без труда,
Он меня оставит в темном прошлом,
Кактусами горькими поросшем,
Не меня одну. Но и тогда,
Когда сон рассеется как сон
Или вдруг обратно повторится,
Сущю безделицей, вещицей
Никогда уже не станет он.

Из красоток записных
На скамейку запасных.
Вот бинокль, вот лорнет,
Полюбуйтесь из партера,
Как великая пантера
Сходит медленно на нет.

Здесь не хвост, а голова,
Так что думайте сперва.
Подбирайте выраженье,
Выражайте снисхождение,
Снизойдите в первый ряд
Там про это говорят.

Про животное начало
И про действия начало,
Как удачно все совпало
В том же месте в тот же час.
Загнан в угол хвост овечий,
Бродят львы противоречий
С ними тигры доброй воли.
Иль разыгрывают нас?

Только мы уже далече.
Там, где дышится полегче,
Где цветочная поляна
Заменяет нам ковер.
Им покрыты смрад и холод.
Нам не дорог этот город.
До сих пор он был нам дорог.
Это, знаешь, до сих пор.

Ф. Ч.

В этих вещах,
Будто в старых армейских плащах,
Наподобие плащ-палатки,
Что-то в карманах прячется
Карандаша огрызок, шоколадки остатки,
Что отчаянно сладки
На глубине подкладки.
Вот и встретились, посидели мирком-ладком.
Поболтали о том о сем
Между первым и новым глотком.
Ходили на пруд, видели птицу,
Говорили о Гоголе.
Дерево шелковицу
По дороге потрогали.
И разошлись, разъехались, разбрелись
Как облака на небе в поисках лучшей доли.
Нужно продолжить, если уж завелись.
Где и когда? На могиле Пушкина, что ли...

Я не представляю себе детства,
Не рисую в памяти своей
Ни картинок доброго соседства,
Ни качелей, елей, голубей.
Чтобы ненароком не напомнить,
Чтобы свет случайно не пролить
На одну из тайных темных комнат,
Где и полагается хранить,
Будто так задумала природа,
Скудные сокровища свои.
Будто до семнадцатого года
Надлежало прятать их. Ну, и
Дальше что? Наваянная вальсом
Чаялая тропиночка в лесу.
Пуговицу, вырванную с мясом,
Я себе на блюще поднесу.

Татьяна ГРАУЗ

УЯЗВИМОЕ «МЫ»

(контрольные отпечатки)

посвящается моим родным и любимым

И промелькнѐм из молчания – как из забытого времени. И вспомним – как пели, сияли, звенели. В комнатах окна открыты – а нас уже нет.

Она открывала и открывала, и так и не смогла до конца открыть эту странную букву «п» – этот невыносимо-тягучий больничный покой. Выцветшие голубоватые стены. Кровать у самого окна. Продавленная сетка. Будто она в гамаке, только гамак – железный. Нет, не гамак, а траурная лодка. Ночи напролѐт плыла она в ней сквозь сизовато-жѐлтый сумрак. Тусклые фонари за окном. Озеро лунного света на стене. Там, за опасной его глубиной, – колокол комнат, край невозможный, удар и удар, тихий дар мира расколотого – на прощанье.

Проснулась в четыре утра. Молочный свет сонных комнат. Земляника на заросшем высокой травой дачном участке, добродушная пегая собака, помесь лабрадора и овчарки, и увалень кот, приносящий каждое утро на порог пойманную и ещё тёплую мышь. До мелкой речушки, густо поросшей рогозом и камышом, рукой подать. Пройдя речку вброд, можно легко оказаться на другой стороне, а если взять чуть правее, тропинка приведѐт к бескрайнему – до горизонта – полю.

После обеда она гуляет с собакой, шагает по пыльной грунтовой дороге. Щѐки и плечи покрыты первым загаром, ступни пружинят. Лѐгкое платье, сумка через плечо (там бутылхается бутылка с водой). Собака бежит чуть впереди. Горизонт прогибается. Пшеничное поле расстужается. Она идѐт куда глаза глядят. Собака, высунув жаркий язык, оборачивается. Она льѐт из бутылки в ладонь прохладную воду, собака лакает еѐ горячим шершавым языком. Запах шерсти щекочет ноздри. Ладонь покалывает от возбуждения. Солнечный гул насекомых. Она сворачивает с дороги к небольшому островку берѐз, ложится на траву. По руке ползѐт муравей, добирается до запястья – со смехом она стряхивает пришельца. Собака пегой мордой утыкается ей в бедро – вместе они образуют таинственный иероглиф: «*б л а ж е н с т в о*».

Татьяна Грауз – поэт, прозаик, эссеист, переводчик, член Творческого союза художников России. Родилась в Челябинске, окончила 1-й Московский медицинский институт и театроведческий факультет ГИТИСа. Автор нескольких книг стихотворений, в том числе «Внутри тишины» (М.: Союз Дизайн, 2019). Публикации в журналах «Новый мир», «Волга», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Знамя», «Плавучий мост» и др. Лауреат поэтических премий журналов «Футурум АРТ» (Россия, 2001), «Окно» (Ирландия, 2011) и мн. др. Живѐт и работает в Москве.

Тихие однообразные дни. Стол на открытой террасе. Дух июльского полдня над раскрытой тетрадью. Узкая голубоватая тень от гелевой ручки бежит за тёмными буквами, догоняет их, опережает. Бодрые зонтики гвоздик сияют вдоль тропинки. Таинственен язык сада. Бледные розовые пионы впускают в себя увядание и смерть. Тёмный запах малинника возле забора. Если бы она могла обо всём этом рассказать, но голова её напичкана всяческой ерундой. ||||| ||||| ||| ||||| ||||| Положение, опубликованное в конце XVII века, о мерах, принимаемых в том случае, когда городу угрожает эпидемия чумы. Во-первых, строгое пространственное распределение: закрытие города и ближайших окрестностей, запрещение покидать город под страхом смерти, уничтожение всех бродячих животных; разделение города на отдельные чётко очерченные кварталы, каждый из которых управляется «интендантом». ||| ||||| ||||| ||| |||||

Монотонно учит холодильник. На застеклённой веранде, на стене, висит допотопное радио. Чёрный пластик коробки, на передней стенке – внизу справа – небольшая рифлёная ручка, регулирующая громкость. ||||| ||||| ||| ||||| ||||| В назначенный день всем приказывают запереться в домах и запрещают выходить под страхом смерти. Каждая семья должна запастись провизией. Однако для вина и хлеба между улицей и домами оборудуются деревянные желоба, по которым каждый человек получает свой рацион без малейшего контакта с поставщиками и другими горожанами. Если выйти из дому совершенно необходимо, то выходят по очереди, дабы избежать встреч. ||||| || ||||| ||||| ||||| Каждый день она включает радио (пока готовит обед) и честно пытается слушать. ||||| ||| ||||| || ||||| ||||| Между зараженными домами от трупа к трупу бродят «вороны», чья смерть никого не волнует: «бедолаги, которые переносят больных, закапывают умерших, убирают улицы и выполняют много презренных и мерзких обязанностей». ||||| ||||| ||||| ||||| ||||| Но выдерживает она минут десять. ||||| || || ||||| ||||| ||||| Ежедневно синдик проходит вверенную ему улицу, останавливается перед каждым домом: заставляет всех жителей предстать в окнах (те, чьи жилища смотрят во двор, специально прорубают окна на улицу, и в них должны появляться только они сами), вызывает каждого по имени и осведомляется о состоянии здоровья – «жители обязаны отвечать правду под страхом смерти». ||||| ||| ||||| || ||||| ||||| ||||| Она шинкует лук, разрезает на несколько частей тёплые, пахнущие солнцем и свежестью помидоры и пупырчатые крепкие – со слезой – огурцы, варит картошку в мундире. ||||| ||| ||| ||||| ||||| ||||| С начала «закрытия» города составляется список всех находящихся в нём жителей. В него заносятся «фамилия, имя и пол (независимо от сословия)». ||| ||||| ||||| Запах сорванных полевых цветов в гранёном стакане, а внутри её тела странная тишина.

На пороге вечера. Она сидит на деревянном пороге их дома с чашкой чая и книгой. От леса веет прохладой. Тусклый свет лампочки падает на раскрытую книгу, голову, шуплые плечи. С детства больше всего на свете она любила читать, с лёгкостью пробежала по чёрным и таким, казалось бы, знакомым буквам, и всё внутри неё бежало и прыгало по этим мистическим кочкам, по освещённым сиянием разума диким полянам, по тёмным волнам неведомого ей чувства. Она бежала как заведённая. Но однажды остановилась на какой-то просёлочной дороге, на короткой строкке из рассказа *апэчэ* – и просидела в блаженном оцепенении до полуночи. Внутри её тела выросла огромная яблоня, и на сухую траву – где-то внизу живота – падали спелые, наполненные райским светом плоды.

Через пять-шесть дней после начала карантина проводится поочерёдная дезинфекция домов. Всех обитателей заставляют выйти. В каждой комнате поднимают или подвешивают «мебель и утварь», комнату поливают ароматической жидкостью и, тщательно законопатив окна и двери и залив замочные скважины воском, поджигают жидкость. Пока она горит, дом остается запёртым. ||||| || || || ||||| || |||| Он приезжал после работы уставший, с тонкой плёнкой отчуждения на лице, и подолгу молчал.

При входе и выходе дезинфекторов обыскивают «в присутствии жителей, чтобы убедиться, что они ничего не принесли и не унесли». Четыре часа спустя жителям разрешают вернуться в дом. |||| |||| || ||||| || || || ||||| В город, в свою небольшую недавно отремонтированную квартиру, они вернулись в конце августа. В сентябре зарядили дожди, потом пошёл снег, потом опять потеплело.

осенью будто забыли осень забыли вернулизабыли опять не вернули осеньзабыли дни осени тихо заныли дни золотые вернулись в город вернулись в холод вернулись куда вы вернулись в пустую квартиру вернули глаза стылых окон комоды диваны столы и серванты вернулишкафы не забыли вернулистекло и посуду сервизы забыли чашкивернули книги журналы забыли альбомывернули ложки стаканы и полотенца забыли вернулитебя не вернули весна не вернули лето забыли дни золотые забыли забылись и не вернулись вернулись усталость и жалобы жалобы в свете сыром боль болезни разрушено тело память дыра а не память сердце заныло забыло что было кругом пылающим даром последним жалобой боли жизнь не вернули забыли

в город [не зная знаков других] память вернулась вернулось сияние вера вернулась осень зимой обернулась весна повторением новым листаешь [читаешь] её глубину и входят тропой [ангельской звёздной] дни молодые пахнут родным и знакомым белым покровом сияют [между ключицей и тенью молчанья] и снова синеют длинные дни у порога [грустьрасширяя] пока не зарядят дожди и снега милосердно покроют беспамятство мелких [таких уязвимых] вещей

Видение: в чёрно-белом свете комната показалась зацементированной и мёртвой; он подошёл совсем близко, выдернул штепсель из розетки, пошатнулся и обдал ноги зловонной блевойтой; «ты пьян», – не слыша себя, прошептала; он пробурчал что-то типа «ну выпил немного»; на пыльном белёсом ковре (где-то справа) топорщился ярко-синий пакет; он шелестел и казался странно-живым.

в чёрно-белом свете комната чёрная белая близко совсем со всем мёртвым живым близко он подошёл она в шортах и в майке сидела смотрела на то и на это на что-то смотрела не рассматривала он отшатнулся она прошептала на расстоянии боли о смерти он пробурчал типа «выпил немного» в углу на ковре топорщился яростно-синий пакет шелестел будь ты будь обдуваемый ветром мёртвым живым

тихая комната тихо сияла он подошёл и прошёл как сквозь стену сквозь мрачные мысли [о чём говорим] близко совсем с о с е м близко вокруг только ярость шуршащая ярость что-то мешало он выдернул с корнем лишнее выдернул с корнем пустое и жалкое [туфли notebook foie

gras платья dorblu и smartphone] выдернул с корнем безумие злость жестокость убийство корни кровавые корни войны предательство смерть и отшатнулся и отвернулся мир повернулся жаром накрыл страх непосильный мрак пошатнулся [до самых костей] обдал его тело гнусной блевотой ты ты ты ты не слыша себя прошептала [чёрная роза] нищая память прости и помилуй в углу на ковре ярко-синий пакет шелестел т и х о т а к будто ветер далёкое море он и она этот свет уязвимый [минуты спасения] свет беззащитный живой

В пол-одиннадцатого ночи пришла эсэмэска «завтра день памяти Вэ, поеду на кладбище, могу забрать и тебя, буду в девять». Утром лил дождь. Серый огромный безрадостный день, пахнувший знакомым лосьоном и непривычным отчуждением. Капли дождя на стекле, унылые и слизкие, как улитки. Длинные пустые улицы, красноватое пятно светофора на перекрёстке, смутные лица, мокрый крест «помним и любим». Чётное число роз на сырой земле, тягостный разговор среди нищих деревьев. И из всех щелей этого долгого дня – свет, жалкий, ранимый, как и его прохладные губы.

пришла не пришла эта простая не больше ста знаков с пробелами пришедшая воля чужая «завтра день памяти» завтра лил дождь время огромное бремя серое завтра безрадостный день или ночь или вновь скорбные слизкие пахнущие знакомым лосьоном вольные подневольные дни капли дождя [подождиподожди] на стекле живые улитки унылые улицы пятно светофора на перекрёстке пятно смутных жизней пятно золотое лица и листья несчастные частные пятна телá мокрый крест слова [лови не лови] капли густые «помним и любим» прозрачные капли слова чётное число раз [не спеши помедленнее не торопись] чётное число роз на сыром чернозёме скорбный пустой разговор [дай закурить] жалобный свет злой огонёк прохладные губы

и о тебе проплакала всю ночь весна и прилетела э сэм эс ка [ты помнишь п о м н и ш ь] день памяти дань завтра могу лишь завтра память могу забрать до завтра [помнишь] прозрачный свет и дождь как через край как солнце огромный завтра день далёкий родной знакомый запах сосен задумчивых [ты помнишь] запах пота земли знакомый грустный запах и радость жаркая что было б ы л о бывшее привычное бельё родное улитки детства [помнишь п о м н и ш ь] мы улетели улетим летим пустые улицы и дней святые лица ты видишь д а т ы видишь свет на перекрёстке крестили нас дождём крестили солнцем прохожие проходят мимо не видят нас [ты помнишь п о м н и ш ь] сны видит мокрый крест берёзы белое лицо простое и небо нищее забытой розы на чернозёме лепестки сияют и рана города зияет [т ы п о м н и ш ь п о м н и ш ь] так рано нам как горе дан наш крест

В доме пахло больницей. Он лежал в дальней комнате, в чистеньком – два на три – тёплом своём саркофаге: на кровати с высокими белыми ножками и приподнимающимся изголовьем. Кровать стояла напротив вечно работающего телевизора, рядом безостановочно стучали большие настенные часы. Он лежал в шаге от трёхстворчатого шкафа с потускневшим зеркалом и в двух шагах от плотно занавешенного окна. В полумраке комнаты, в полузабытьи утра. Лежал с перерывами на еду, туалет, массаж (от пролежней) и переодевание в стиранное-перестиранное, но неизменно свежее бельё. Так он лежал уже третий год. Голос его слабел, дыхание становилось

всё тише, но когда она подходила и говорила, целуя его небритую щеку, «как ты сегодня?» – он отвечал сиплым шёпотом: «как у Бога за пазухой».

В комнатах было натоплено и душно. Окна, выходявшие на занесённое снегом картофельное поле, быстро запотевали. Сквозь голубоватый сумрак утра чернела у забора одинокая груша. Несколько дохлых мух скорбно пылились на серовой вате между оконными рамами. Пахнувший ладаном и влажной зимней сыростью священник закончил читать молитвенное правило, когда часы пробили девять. После причастия больной будто ожил и всё шептал, что апостолы Пётр и Павел ведут его в гору. На бледных щеках, заросших щетиной, проступил слабый румянец. Сложенные на груди руки, худые и безвольные, странно подёргивались. Священник ушёл, унося с собой последнюю надежду.

Она долго и бессмысленно глядела в окно.
Поле и небо смешались в меловой выюжной мгле,
но он был ещё здесь
и дышал.

Неожиданно дыхание смолкло.

Она прошла через комнату, показавшуюся огромной, прошла сквозь острый, будто кирпичами набитый воздух. Остановилась в изголовье кровати. Долго стояла, не шелохнувшись и ничего не чувствуя, будто из жизни её исчезла гравитация и она висела посреди неведомого ей мира, а рядом не было никого: только безжизненное тело мужа – его мертвенно-бледное лицо на серой подушке.

Она редко подходила к телефону, потом и вовсе его отключила. Притихшие после похорон комнаты застыли в безмолвии. Ежедневный утренний кофе, переливающаяся зелёным светом молодая листва тополя за окном и глухое биение сердца, одиноко пробивающее своим смиренным шагом все возможные и невозможные перегородки, чтобы душа её могла выбраться из потаённых комнат тела – и войти в совершенное вечное и живое.

[молчишь улыбаешься] молоко молоко покупайте свежее молоко мало жизнь тебя банила пеленговала мало тебя отключала чтобы не приходили не беспокоили [что ты молчишь] упакуй покой своих комнат быстрее упакуй больничные дачные раздаточные санаторные грудь спина бёдра щёки губы лопатки чтобы не беспокоили мрак тела притихшего морок души [улыбаешься шуришься] тело не пило не ело только х о т е л о х о т е л о и хоронили его хоронили застыли в безмолвии ноги руки горло простыло лицо онемело уши пальцы колени запястья голые мысли тёмные волосы голова г о л о в а о с ы в о р т у всё онемело комнаты непослушные любимого тела [целуешь молчишь] жар этой кожи звёздный пожар сияющего живота ниже выше дар ежедневный утренний кофе остыл и простыли дни золотые [плачешь молчишь] и входит тот свет светом зелёным светом калёным точно листва молодая [шуришься улыбаешься шуришься] глухое бие- нье по ту и по эту сторону буки ве́ди душа ты глаголь покой одинокий шагом смиренным своим упокой стены окна двери перегородки [плачешь п л а ч е ш ь молчишь] душа вышла вон синь и синица аз есмь блаженное достоянье весны

ты и река и свет и камень [молчи] ты речь река что подступает к сердцу покой забытых комнат ком на на ты на та ша на та сестра наташа ната была бы здесь [молчи] была бы да ушла да вышла вон на тот на свет на нет ответа нет притихли комнаты притихли мысли в безмолвии бездонном сор труха древесная а сердце то́чит память то́чит без молока без сахара твой день твой кофе утренний листва весны сквозь щели ще шу ща зелёным светом сопро́тивление глухое бежит тахикардически и нервно сквозь вы́городки сквозь перегородки о зимородки мира стучки поющие сквозь загородки [молчи] душа остынь и выйди вон из тела жизни комы комнат летите воробы синицы блаженный звон горячий свет

Холодный дождь последних дней весны стучался прозрачными каплями в сердце. Тихая радость. Если бы у неё спросили, любила ли она этого застенчивого ворчуна с простодушной улыбкой, этого мальчишку с худыми мосластыми ногами, курившего по две пачки Gauloises в день и целовавшего в сумерках горячую мочку её уха, она бы только улыбнулась. Она любила северное небо, сиявшее над ними в их первую ночь, кисловатый запах подмышек, нежную щетину подбородка, выцветший ворот рубашки и бессвязные слова, прораставшие тягучим веществом молчания. Бледное небо его щёк она чувствовала на себе всегда. Солнечный дождь – кто его видит, может, только мхи и лишайники на старом заборе, да пегий пёс, что свернулся в тёплой своей темноте, в будке возле летней веранды, где виноград и прозрачные тени, и огромное дерево – старый грецкий орех. Языки костра в расширенных зрачках и печёная картошка на серовато мерцающих углях. Бессмертие входило в их простую неизвестную жизнь, как почтальон входит в дом с крошечной прибавкой к пенсии. Она расписывается в какой-то линиялой тетрадке, пересчитывает блёклые купюры и оборачивается привычным движением к тому, кто стоит за невидимой перегородкой – за этими стеклянными дверями, где тихое пение и колокола, и апостолы Пётр и Павел, и он, её Петенька, петелька, ниточка, узелок. Невидимый и прекрасный, он берёт её сердце, целует золотое сечение неба – и она чувствует – снова чувствует – северный воздух прохладный.

Наталья КЛЮЧАРЕВА

Три пальто

Жёлтое

Жила бы в Питере
Носила жёлтое пальто,
Катила на самокате
В какое-нибудь бюро,
Писала стихи на стенах
И никогда в блокнот,
Научилась бы красить
яркой помадой рот,
Целовалась на Поцелуевом мосту,
Но таких, как ты,
Обходила бы за версту,
А таких, как я,
Не пускала бы на порог...
Выучила бы сфинский,
Сбрила висок.
Можно ещё покрасить
в зеленый бровь
И поднимать: «какая ещё любовь?»
Танцевать в подворотне,
Пережидая дождь,
Совершенно не ожидая,
Что ты придёшь.

Красное

Жила бы в Хельсинки,
Носила красное пальто,

Наталья Ключарева родилась в 1981 году в Перми. Закончила филологический факультет Ярославского педагогического университета, работала журналистом, редактором, переводчиком, издавала ярославский литературный альманах «Игра в классиков». Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь». Сборники стихов: «Белые пионеры» (М: АРГО-риск, 2006) и «Дыши, дыши» (издательство «СТИХИ», 2018). Тексты переведены на 12 языков. Финалист премии «Дебют» (2002 год, номинация «Поэзия», 2014 год, номинация «Малая проза»), лауреат премии имени Юрия Казакова за 2007 год. В «Волге» публиковались стихи (2010, 2019).

Разбавляя собою
Облачное ничто,
Населяя собою
Сказочное нигде,
К старости купила бы остров,
Плавающий в воде.
В ней иногда
Плавала б и сама,
Выращивая миры
В темноте ума.

Миры, куда не сумеет
Проникнуть смерть,
А будет сидеть в саду
И на нас смотреть.

Чёрное

Жила б в Париже,
Надвинув берет пониже,
В накинутом небрежно
(на голое тело)
Чёрном пальто,
Обсуждала б с булочником,
Мсье Кокто,
Скандальное дело
С первых полос:
«Госпожа мэ
Задушена петлёй
Из собственных кос»
«Редкая женщина, -
Вздыхнул бы мсье Кокто, -
Длинные волосы
Сейчас не носит никто...
Впрочем, это о каждой...
В каждой, держу пари,
Есть чему удивляться
Каждый день, ma chérie...»

Жила б в Париже,
Ветер бесстыжий
Вдруг распахнул пальто,
Выронил чашку кофе
Старый мсье Кокто.

очистим лето от зимы
мне говорит один ребёнок
и голосок его так тонок
что барабанных перепонок
вибрации едва слышны

очистим свет от плевел тьмы
очистим яблоко раздора
и жадными глазами вора
подсмотрим в щёлочку забора
как в том саду гуляем мы

и от сумы и от тюрьмы
отчаянно их путь очистим
как дворник отгоняет листья
но неотступна поступь лисья
всепроникающей зимы

*Любим – любим.
любим – любим.*

это как перестук колёс
ночного поезда
или сердец
сквозь двойную
решётку рёбер.

*Любим – любим.
любим – любим.*

а мы крепко, как дети, спим
вдвоём на узкой полке
плацкартной
без белья и матраса
без компаса и карты,
укрывая друг друга собой,
прокладывая путь на ощупь.
только бы дольше
дороге длиться
верёвке виться.
но приходит
хмурая проводница:
«просыпайтесь

ваша остановка
через двадцать минут».

Сходство между нами
как молчание
на разных языках –
до первого слова
почти совершенно.

Разница между нами
как между
прогулкой при Луне
и
прогулкой по Луне –
до первого шага
почти не очевидна.

Расстояние между нами
как между двумя берегами
одной пропасти –
до первого прыжка
почти не пугает.

Первое приближение

Мне нравится, что ты сложная задача,
что тебя не открыть с наскока,
что я пока не знаю,
где вход в эту башню
(и что не знать, оказывается, не страшно).

иду вокруг,
веду рукой по шершавой стене,
прислушиваюсь,
принюхиваюсь,
прижимаюсь
и сразу же отстраняюсь,
как волна.

я не тороплюсь.
мне нравится этот медленный танец,
сужающий круги.
бездонное терпение птицелова.
я никогда не умела ждать,

а теперь жду.
это как научиться летать.
ну ладно – плавать.

мне нравится разгадывать твой код,
искать отМЫчку,
не понимать,
опять не понимать,
делать то, что раньше никогда,
меняться об тебя,
об эту стену,
не разбиваться,
взглядом обводить,
дыханием
и воздухом у пальцев,
их незаметным вкрадчивым теплом.

хочешь касаний, невесомых, как крыло бабочки?
Мгновенных, как падающая звезда?
Медленных, как жизнь камня?
Упругих, как порыв ветра?
Раскалённых, как полуденный песок?

Веер возможностей,
сад расходящихся тропок.

пока ты решаешь, какую выбрать,
я делаю ещё один
незаметный
шаг к тебе.

Влечёт.
Неудержимо, как река течёт.
не спасают плотины и шлюзы.
прибывает к тебе эту шлюпку.
Раз за разом. Опять твой берег.
Мята дикая там. И вереск.
Что ж, раз мне никуда не скрыться -
Брошу вёсла и будем биться,
как одно сиамское сердце,
раз уж нам никуда не деться.
Раз не держит земля. И ноги.
И ведут в тебя все дороги.
И безудержно так влечёт,
Словно мёд из меня течёт.

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

В ЦЕНТРЕ ВСЕЙ ЭТОЙ НЕОПИСУЕМОЙ ФИГНИ

Рассказ

Сразу говорю: это – моя версия, а если вам важны факты, то рекомендую обратиться в архив полицейского управления и поскорее, пока наши революционеры не запустили туда красного пеху. Так это, кажется, называлось в былые времена больших социальных потрясений.

Значит, первое, что мы узнали, это то, что менты убили черного отца четырех детей. Опять двадцать пять! Он, значит, поехал купить ужин в закусочную «Джимми», и там на стоянке они его и прикончили. Долбаные расисты. Это если в самых общих чертах, но потом в картине начали проявляться интересные детали.

Выяснилось, что в ожидании заказа отец заснул за рулем, и те водители, которые стояли в очереди за ним, начали сигналить, чтобы он проехал. Тогда девица в раздаточном окне, замучившись будить его своим электрическим звонком, вызвала ментов. Еще одна нервнотрясающая мать-одиночка на минимальной зарплате, откуда они только берутся?!

Минуты не прошло, как подлетела ментовская дискотека. Двое хлопцев вылезли из нее, поправляя пояса, осмотрелись. Один небольшого росточка, крепко сбитый, бритоголовый. Второй – повыше, с рыжими ирландскими кудряшками. Ага, вот он. Отгоните машину вот сюда и выйдите, пожалуйста. Первым делом – тестирование на алкоголь. Отец, значит, подышал в их адскую машинку, и пока та переваривала полученную информацию, они еще успели мирно побеседовать. Парень рассказал, что у дочери завтра день рождения и он планирует повезти ее в настоящий салон красоты, прическа, мани-педи и все такое. Очень трогательно. Наконец машинка пискнула и сообщила, что задержанный крепко перебрамши. Беда, приятель, придется ехать в участок. Да я в порядке. Ну, кто спорит, только закон есть закон, ручки давай за спинку и не вздыхай. Сказав это, бритоголовый снял с пояса наручники, и только собрался использовать их по назначению, как завертелось.

Отец именинницы, крепкий парень, разбросал ментов без особых даже усилий. Но те вцепились в него как два клеща и начали шарашить своими тэйзерами. Это ему, видимо, только добавило энергии, простите за каламбур, и он, удачно вломив бритоголовому коленом под дых, отобрал тэйзер и рванул наутек.

Бритоголовый, разогнувшись и видя, что подозреваемый быстро-быстро от него удаляется, рванул за ним, а тот, прямо на бегу, повернулся и запустил в преследователя один заряд, может быть даже уже последний, потому что батарейка в тэйзере не вечная. У бритоголового перед глазами хлопнуло и вспыхнуло – коротко и страшно – и тогда он выдернул из кобуры свой табель-

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор трех книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

ный «Глок». Он не собирался никого убивать, он просто на секунду-другую перестал соображать, в смысле – помнил только, что должен остановить оказавшего сопротивление при аресте, да еще и отобравшего у него его тэйзер, и остановил его. Ну, вот, теперь еще яснее.

Бритоголовый перевел дыхание, заправил вылезшую из брюк рубашку. Подтянул ставший легким пояс. Пистолет еще в руке. Вложил в холдер. Инцидент был исчерпан. Угроза его ментовской жизни испарилась без остатка в вечернем воздухе Джорджии. Какое название-то – Джорджа. Джорджа он май майнд, – помните?

Фонари и звезды светили сквозь пальмовые опахала вокруг парковки, какие-то люди бежали к ним от закуской, кричали что-то. Отец именинницы поднял руку и положил себе на живот, что-то он еще пытался сказать, губы его шевелились. Бритоголовый встал на колени перед раненым и стал спасать его. После двух-трех коротких надавливаний на грудь изо рта у того показался кровавый пузырь, вырос и лопнул, брызнув на руку. Ирландец тем временем вызвал скорую.

Но было поздно. Отец именинницы стал ее покойным отцом. Намаевавшая душа его поторопилась переместиться в более мирные пространства, пока никто не воспрепятствовал ее порыву. Она уже не видела суеты вокруг опостылевшей ей оболочки в джинсах и клетчатой рубашонке, ее уже не интересовало, куда везут все эти никчемные останки под дикие завывания скорой и патрульной машин.

На следующий день, ближе к вечеру, у закуской собралась передовая молодежь города, причем не все пришли с картонками с самым популярным теперь лозунгом из трех слов. Некоторые принесли стеклотару с бензином и, слово за слово – бананом по столу, не прошло и получаса, как закуская полыхала, что твой костер сезона в летнем лагере бойскаутов.

Пресса, ясное дело, встала на сторону поджигателей. Еще бы! Убитому двадцать девять лет! Четверо детей остались сиротами. Вдове – кранты, потому что кому она уже нужна с этим табором? Ментов с потрясшей коллег скоростью уволили из рядов. Бритоголовому тут же вкатили умышленное убийство на расовой почве, долго думали, что пришить кудрявому, но в стремительно развернувшимся сюжете больше чем на свидетеля он не тянул. Отпустили.

Похороны жертвы насилия полицейских были, конечно, не такими пышными, как у мученика №1 из Миннеаполиса, но саркофаг тоже был золотой, плюс вдова появилась на телеэкранах страны в ослепительно белом шелковом платье с таким количеством рюшей и бантов, что напоминала свадебный торт. Лицо ее окаменело. Ни тени эмоции, ни слезинки, как если бы она стала памятником последней главе собственной жизни.

На этом список пострадавших не кончается. В первую очередь назовем мачеху бритоголового – Лизу, которую тут же катапультировали с работы в местном банке, где она «создала атмосферу невыносимого дискомфорта для сотрудников и руководства». Ну, это – да, это – понятно, какой комфорт, если ты восемь часов в день видишь перед собой лицо женщины, пасынку которой грозит пожизненное? И это не говоря о том, что она не сразу отвечает на обращенные к ней вопросы и неадекватно реагирует на планы руководства нанять на работу больше представителей меньшинств. Это вдруг стало совершенно необходимым для пропорционального представительства расового состава недопривилегированной общины, которой служит банк. Мне нравится это «служит»! Насколько я в этом деле разбираюсь, роли слуги и хозяина определяются их доходами. Поэтому еще непонятно, кто тут кому служит. Но у нас же все так: больных выдают за здоровых, здоровых за больных, в общем... я снова отвлекся.

Да, так вот с учетом того, что эта община на девять десятых черная, а служащий ей банк на десять десятых белый, очевидно, что кому-то придется расстаться со своим местом. И эта Лиза нервничает, потому что ей совершенно непонятно, кто будет платить за адвоката для ее пасынка. Ее Тэрри. Обычно платит профсоюз, но с чего бы профсоюзу спасать своего уволенного члена? Обычное кончилось.

А он, между прочим, ей как родной. И если разобраться, то это из-за него она вышла замуж за его папашу, хорошего парня, но не из тех, кто позовет тебя в даль светлую, и ты пойдешь, зная, что с таким не пропадешь. Жили они через забор друг от друга. Лиза оканчивала финансовую школу и подрабатывала где могла, в основном присматривая за соседскими детьми, а ему как раз требовалась нянька для мальчика. Жена погибла в автоаварии, и он, тихий электромеханик из депо «Чаттуга и Чикамуга», растерялся. Тэрри тогда было четыре года, и он наотрез отказывался понять, что мама больше не придет домой. Он не хотел ни игрушек, ни телевизора, ни книжек, он только хотел стоять у калитки и ждать, когда она, наконец, вернется. И так год, и даже с обидой: «Она обещала!» Каждый день. И она, в смысле Лиза, тогда еще подумала, что это упрямство у него от покойной, потому что отец был характера податливого и жить с ним было несложно. Она даже как-то задумалась, что вот любви у них настоящей и не было, но покой в доме многого стоил.

В общем, проходит день-два, пресса не спит-копает, и к портрету новоявленного мученика снова начинают прибавляться интересные штрихи. Выясняется, например, почему он не дал надеть на себя наручники. Оказывается, отец именинницы боялся попасть за решетку, откуда его выпустили условно досрочно, чтобы он мог быть с семьей, а не прохлаждаться на тюремных харчах за счет добропорядочных налогоплательщиков. Да, а сел он, кстати, потому, что купил подержанный, но в отличном состоянии «Корвет», воспользовавшись кредитной карточкой своей жены Таниши. Той самой, которая потом смотрелась как свадебный торт. А когда она, узнав о неожиданном расходе, попыталась отменить платеж, он отобрал у нее телефон, но поскольку та не унималась, вырубил ее ударом в глаз и нос. Кулак у него был большой, но, к счастью, мягкий, поэтому с одного раза захватил оба выступа на любимом лице. Мера, конечно, была варварской, но необходимой, потому что когда его Таниша заводилась, то стоявший рядом с ней как бы оказывался в центре циклона. А он в тот именно момент хотел спокойно выйти из дому и проехать по знакомым местам на новом авто. Умопомрачительного оранжевого цвета с черным топом, черной сеткой радиатора и нижней подсветкой. Не авто, а какой-то тропический таракан, холера его забери! Плюс полтора киловатта звука, врубишь до половины – соседние машины подпрыгивают.

*дай жару, нигер, поддай мне огня!
самый большой, самый твердый – для меня,
нигер! Дай жару мне, дай мне огня!*

Дальше больше. Придя в себя, эта Таниша пошла к соседям и вызвала полицию от них. Даже на много повидавших ментов она произвела сильное впечатление – отек и щедрый макияж сделали ее похожей на картину художника Василия Кандинского «Черный и фиолетовый» 1923 года. И главное, в тот момент, не планируя более жить с новоявленным автомобилистом, она наговорила ментам столько, что прокуратура потом накрутила ему в общей сложности ровно на десятку. Тут тебе было и хулиганское нападение, и причинение телесных повреждений, и имперсонация, и мошенничество с кредитной карточкой. Бесплатному адвокату ничего не оставалось, как посоветовать ему признать себя виновным по всем пунктам и получить три зоны плюс пять условно, потому что никаких других вариантов выйти из этой катавасии у него не было. И он, понуриив голову, согласился.

Пока он сидел, подруга завела нового хахалю и, перед тем как исчезнуть в неизвестном направлении, тот успел ей замастырить мальчонку. Ну, вы знаете, дурное дело – нехитрое. Войдя в свое собственное положение, Таниша повздыхала и пошла на свидание к законному мужу. Тот был, конечно, очень тронут таким проявлением верности – знаете, из-за решетки на многое начинаешь смотреть иначе. Вернувшись со свидания, Таниша сходила к местному пастору и под его диктовку написала письмо судье с просьбой освободить кормильца пораньше. И вот истоско-

вавшиеся любовники снова вместе, стружат-стружат до седьмого пота нового детеныша, чтобы покрыть недоразумение с предыдущим, где три, там и четыре, сгорел забор – горы и хата!

Да, но свобода свободой, а в дом хоть какую-то копейку принести надо, по этому поводу даже письмо было написано, и чтобы слова не расходились с делом, мамаша возлюбленной супруги – ну, а кто еще! – пристраивает зятя мойщиком посуды в местный итальянский ресторан «Сардженто» с пастой, пастой, скатертями в красную клеточку и двумя видами кьянти. Ничего, нормальное место. Но точно говорят, знал бы где упал, соломку постелил – эта Таниша со своей мамашей даже представить не могли, к чему приведет их благой порыв.

В «Сардженто» наш персонаж натывается на новый механизм развития данного сюжета – официантку Мэгги Уайт. Она относится к той породе теток, которые без мужиков сатанеют и начинают делать глупости. Мужик ей нужен как успокоительное. Никаких цветов, шоколадных конфет или ювелирных изделий ей не надо. Все что надо можно сделать на кухонном столе из нержавеющей стали, скрип которого ей заменяет и музыку, и признания в любви, и клятвы верности, и праздничный салют.

Да-а, вторую, как эта Мэгги Уайт, надо было еще поискать. Встанет со стола, поправит прическу и в зал, клиенты ждут. Разговоры у них были короткими. «Гуд бой, – говорит она подкрашивая губы у зеркала. – Сегодня тебе не было равных». Он ей: «А вчера?» «Вчера? – переспросит, растянет губы в улыбке, вытянет трубочкой, еще разочек мазнет помадой, приподнимет брови вопросительно. – Вчера? Вчера – не помню». Одернет передник и пошла.

Между прочим, это именно она была на том знаменитом фото с демонстраций, с накарябанным на куске картона лозунгом «Сосу только черным». И, ручаясь, в этом не было никакой расовой подоплеки, она просто любила все большое. Такое вот редкое совпадение личного и общественного.

Роман их был прерван злобным вуханьским вирусом. «Сардженто», ясное дело, закрыли, но она нашла место в «Джимми», где клиентов можно было обслуживать, не вступая с ними в прямой контакт. Заказ делали по телефону, а потом подбирали его в окошке раздачи. Тогда многие труженики нашего общества предпочитали сидеть по домам, поскольку пособие было выше зарплаты, но те, кто стал потихоньку озверевать от круглосуточной жизни в узком кругу родных и близких, вернулись на работу. Мэгги Уайт была в их числе. Надела резиновые перчатки, маску N95 и – где наша не пропадала!

Теперь, я думаю, вы поняли, за каким ужином приехал в «Джимми» отец именинницы, прости меня Господи, что я постоянно приплетаю к этой истории невинное дитя, но как-то же мне надо обозначить эту трагическую фигуру, тем более имени его я не припомню – то ли Рейшон, то ли Латрелл, что-то африканское в общем. Хотя где та Африка и какое он к ней имеет отношение – даже не спрашивайте!

Короче, наш герой сначала посетил кухню «Джимми», где любовники справили свое неугомонное счастье, потом выпили пива, и Мэгги еще собрала милому дружку тормозок на дорогу – коробку жареной картошки с бургером. Но в машине он, придя в себя, подумал, что не может явиться домой с ужином на одного. Тогда он объехал «Джимми» кругом, занял место в очереди других автомашин, сделал по телефону заказ и в ожидании его, разморенный любовью и пивом, вздремнул.

Девушка на выдаче, конечно, его опознала. Она его видела, и неоднократно – застегивающим ширинку на выходе из кухни. И я не исключаю, что за ее звонком по номеру 911 могло стоять ее отношение к сотруднице. Она не очень сильно ее любила и именно за то, как просто та решала проблемы, которые она сама решить не могла по миллиону причин, не имеющих прямого отношения к теме нашего разговора. Короче говоря, она позвонила куда следует, приехали менты и случилось то, что случилось. Был человек и нет человека. Бабель.

Но это не все.

В ночь несчастья Мэгги Уайт, над жизнью которой нависла опасность еще одного карантина – я думаю вы поняли какого, начала терять над собой контроль, потому что, как я вам уже сообщал, без любви она превращалась в самосвал без тормозов, и пускать ее к клиентам становилось опасно. Этому состоянию предшествовала ночь отупения, в которое она погружалась медленно и бесповоротно, как в цементный раствор. К вечеру следующего дня она выбралась из него, отряхнулась и пошла на работу. «Джимми» был закрыт, а вокруг волновались протестующие. Слова кричалок доходили до нее как сквозь толщу воды: бэ-лэ-мэ... бэ-лэ-мэ...

Она взяла у какого-то бородатенького паренька несколько бутылок с бензином и, открыв дверь закусочной своим ключом, вошла внутрь. Первое, что она сделала, это включила газ на всех плитах. Через минут пятнадцать рвануло так, что передняя стена закусочной упала на участников митинга – искры, пламя, вопли, к счастью обошлось без серьезных травм и ожогов, что до мелких, то будет что показывать потомкам, если им только повезет появиться на свет в наши ядовитые времена. Ну, а нет, так будут показывать другу другу, вспоминая революционное прошлое.

Когда приехали пожарные, протестанты окружили машину и не пропускали их ни вперед ни назад, до тех пор пока тушить уже было нечего.

Вы будете смеяться, но в пожаре не погиб компьютер, стоявший в подвальном офисе менеджера. На нем сохранилась запись с видеокамер наружного наблюдения. Это позволило ментам уже на следующий день показать по телевизору фото Мэгги Уайт, прижимающей к груди бутылки с бензином, и объявить награду десять тысяч долларов за информацию, которая приведет к аресту арсонистки.

В числе увидевших репортаж был и ее папаша. Назовем его просто – Джо Шмо. Он работал автомехаником, и телевизор у них в цеху зудел целый день, сообщая попеременно о пожарах, погромах и ограблениях, короче, обо всем том, чем ты тут теперь живем. Ему все это не нравилось, и с недавнего времени он стал постоянно носить с собой разводной ключ, чтобы было чем проломить башку первому попавшемуся шахтеру, который попытается поставить его на колено. Когда он увидел на экране собственную дочь, его захлестнула волна такого бешенства, что дыхание перехватило.

– Долбаное дерьмо! – сказал Джо. – Я не верю своим глазам! Это же моя долбаная доченька!

– Долбаное дерьмо! – откликнулся эхом напарник Джо, назовем его Ник Штык, прерывая работу. – Это же твоя Мэгги!

Первым делом Джо позвонил жене – узнать, что происходит. Жена, Синди Шмо, в это время жарила себе стейк, поэтому ее голос едва долетал до Джо через треск масла и шипение мяса на сковороде. Хорошо еще, что он ее не видел, потому что кухня была переполнена дымом и можно было подумать, что в нее попала либо запущенная ментами дымовая шашка, либо запущенная в ментов праздничная петарда. Синди успешно боролась с дымом с помощью бурбона «Дикий индюк», который приносил свою долю разболтанности в ее южную речь. Джо, тем не менее, разобрал, что дочь звонила какому-то знакомому адвокату и тот посоветовал ей не ждать появления ментов дома, а добровольно сдать им в надежде на снисхождение. И вот, она, долбать меня-латать меня, ушла сдаваться! Ты можешь в это поверить?

Зная своих родственников, Джо мог поверить во все, но в контексте текущих событий эта новость привела его в такое возбуждение, что он ушел из мастерской, не сняв рабочего комбинезона и не попрощавшись с сотрудниками.

Вытерев руки ветошью, Ник вышел на улицу, вытряхнул из пачки «Мальборо» сигарету и взял ее губами. Его напарник Джо только мелькнул в конце квартала и исчез за углом. Ник сел на

лавочку у входа в мастерскую, достал бронзовую «Зиппо», закурил и с удовольствием затянулся. Со стороны Нортсайд-драйва слышно было, как сигналят водители, словно соревнуясь – кто дольше и чаще. Над деревьями, скрывавшими трассу, поднимался черный клуб дыма.

– Твою мать, – сказал Ник на чистом русском языке. – В Чебоксарах такого даже в девьяно-стых не было.

В то время как отец террористки направлялся домой, сжимая в кармане горячий от его руки разводной ключ, вдова отца именинницы сидела в парикмахерской, где из нее делали неземной красоты мученицу национального масштаба. Параллельно она смотрела телевизор, по которому очень кстати сообщили, кто и по какой причине поджег «Джимми».

Широколицая блондинка с короткой стрижкой – Мэгги Уайт пристально смотрела на нее с экрана большими голубыми глазами. Вдова окаменела, но за неподвижным фасадом закипела лава.

Выступления местных и заезжих лидеров общины, собравшихся в похоронном доме, она не слушала. Сидела как оглохшая. На кладбище она едва дождалась, когда гроб опустится под землю и яму прикроют ковром искусственной травы, холмом цветов и табличками с самым теперь популярным лозунгом из трех слов. Она считала минуты, когда все это кончится.

Когда уже дома она выбиралась из платья, как змея из отмершей кожи, по телевизору сообщили, что толпа, позавчера спалившая «Джимми», взяла штурмом полицейский участок, где провела ночь арестованная и, как теперь повелось, сожгла его до основания. Защитники этой опоры права и порядка едва успели погрузиться в эвакуировавший их с крыши вертолет. Прямо как в черно-белой сайгонской хронике семьдесят пятого года, клянусь!

Самодельные записи, теперь же у нас каждый владелец телефона – видеодокументалист, запечатлели новую народную героиню Мэгги Уайт с выброшенным вверх сжатым кулаком на фоне оранжевого зарева.

«Поджарим ментов, как драных скотов!» – скандирует стоящая вокруг нее толпа, и потом: «Готовь облигации – платить репарации!», и потом снова про драных скотов. Горячий воздух вибрирует от рева огня и тысяч глоток. Точно говорят: время выдвигает своих героев – вчера она простая официантка из «Джимми», а сегодня – ни много ни мало – сама Немезида!

Когда Таниша подъехала к дому семейства Уайт, толпа наших санкулотов уже разошлась, оставив на лужайке перед ним пустые бутылки, несколько штакетин и самодельный синий щит, вырезанный из боковины мусорного бака. Она обошла дом, поднялась к задней двери – она была открыта – вошла. Из темной кухни шагнула в коридор. Дверь в одну из спален была приоткрыта, и она увидела спящего мужчину в синем рабочем комбинезоне. Это был Джо Шмо. Во сне он прижимал к груди верного друга семьи «Дикого индюка», который в очередной раз успешно примирил его с действительностью. За ним похрапывала его верная Синди Шмо. Таниша прошла дальше.

Мэгги Уайт устроилась на диване в гостиной спиной к ней и смотрела новости, ставшие, наконец, частью нашей реальной жизни. На экране снова что-то горело и дымило, головы в черных противогазах выныривали из серых завес и снова исчезали. И везде, везде, на стенах, на тротуарах, на картоне было это тошнотворное – бэлэмэ, бэлэмэ, бэлэмэ, как безостановочное блеяние проснувшегося идиота. Что ты хочешь, несчастный? Несчастный хочет все, и он будет блеять и громить, и зажигать, и убивать, пока не получит от своих перепуганных опекунов и лекарей иско-мое, и тогда, насытившись, упадет и заснет до следующего приступа. Но мы, мы еще долго будем помнить этот припадок, помнить и приходить в себя в каком-нибудь благополучном пригороде Парижа, что в графстве Беар-Лейк, штат Айдахо. Население 513 человек согласно переписи 2010 года, мормон на мормоне, и никому не придет в голову припоминать тебе, как твой предок гнал по диким степям его неприкаянного прадеда с многочисленным семейством, и ни дождь, ни метель,

ни дикари не смогли остановить его. Потому что всё, что заботит твоего соседа, это не то, что позади, а то, что впереди. Как и меня, впрочем. Ну, вот, хоть здесь согласие.

Да, и вот – Париж. Выйдешь утром из дому, простор невероятный, зеленые леса кругом, горы, небо – бескрайнее, какая свобода, какая ясность, сколько здоровья во всем! Спасибо тебе, Господи, за это, спасибо, только успокой этих неугомонных, вразуми, открой им глаза на эту немыслимую красоту.

Простите, опять занесло.

На столе перед Мэгги стояла початая шестерочка «Дос Экиса». Пробки она открывала металлическим перстнем с черепом, который носила на безымянном правой руки. Она, конечно, была измотана последними событиями: ожиданием допроса, бесконечным выяснениями того, не является ли она членом группы, неожиданным освобождением, маршем по ночным улицам, мучительным ожиданием разговора с отцом, который, к счастью, отрубился еще до ее возвращения домой.

Чизес! Почему он не может, в конце концов, оставить ее в покое? Почему в свои двадцать два она должна выслушивать его наставления, как ей жить? Идти в какой-то долбаный колледж, получать какую-то долбаную профессию, обзаводиться какой-то долбаной семьей с вечно орущими долбаными детьми! Чего ради? Долбаное дерьмо всех святых, как она устала от всего этого дерьма!

Перестав следить за происходящим на экране, она вела мысленную перепалку с родителями. Переносить даже звучание их голосов она была не в состоянии, поэтому безостановочно прерывала их на полуслове и посылала подальше. Пошлет, сделает глоток, пошлет – глотнет, пошлет – откроет новую бутылку.

За диваном, на котором она устроилась, был узкий стол, где стояли семейные фотокарточки в рамках, фарфоровые часы в виде ворот в какое-то сказочное, видимо, пространство с другим, более щадящим его обитателей временем, ваза с квинтаниями и оставленный Джо Шмо разводной ключ, который тут же оказался в руках Таниши.

Последующие события вы можете себе вообразить сами, скажу лишь, что Мэгги Уайт пришлось кремировать, так как восстановлению ее внешность не подлежала. И это при том, какие кудесники реструктивной пластики трудятся в нашей индустрии загробных дел!

Похорон не было. Родителям покойной вручили патрон из нержавеющей стали с ее прахом, и те увезли его домой, чтобы делать с ним и обломками своей незавидной жизни все, что им только заблагорассудится. Например, развеять пепел с какого-нибудь утеса над шумящим под ногами океаном и потом кинуться в него, чтобы только больше не знать этой тоски, этой бесконечной работы, этих безостановочных счетов, чтобы не думать о дочери, которой, как ты ни крути, предстояло пойти вслед за ними по тому же замкнутому кругу, как прикованной к колодезному вороту лошадке.

Искать убийцу никто не стал по причине других забот, вызванных вирусом, погромами, пожарами, разбоем и мирными демонстрациями протеста против жестокости полиции.

Забегая на месяц вперед, сообщу, что Таниша, получив два с лишком миллиона от скорбящих с ней доброхотов со всей страны, уехала с детьми к родителям на Ямайку. А вы бы не уехали? Дом в колониальном стиле с видом на карибскую бирюзу и безотказная прислуга, которая исполнит тридцать три твоих желания и придумает еще одно, чтобы только быть совершенно незаменимой. Плюс вероятность того, что когда-нибудь и в наших разодранных страхом и ненавистью краях воцарится покой, и тут же начнутся выяснения, кто и при каких обстоятельствах покинул этот мир в его минуты роковые, как сказал поэт. А ее нет. А на нет и суда нет, верно?

Теперь Лиза.

Она разъезжает по стране, выступая перед общественными группами вдов и детей полицейских, чтобы собрать средства на адвокатов. Ей нужны не просто адвокаты, ей нужны такие мастера, которые, как у нас это называется, расщепляют волос надвое. На них ее единственная надежда. Она, конечно, от этих хлопот сдала, постарела, но и похудела. На своей старой бухгалтерской работе она крепко раздалась, а по телевизору только и твердят, что излишний вес чуть ли не главный фактор, влияющий на ковидную смертность. Как говорится, не было счастья, так несчастье помогло.

Раз она стала перебирать старые вещи, которые вот так вот, бывает, держишь годами в надежде похудеть, и вдруг, неожиданно-негаданно, оказывается, что похудела-таки. Нашла и любимое когда-то платье – ситцевое с рисунком мелких-премелких таких синих цветочков, так удивительно переплетающихся, что начнешь следить за узором, голова закружится.

Надела легко, подошла к зеркалу и увидела себя, еще похожую на себя в другие, лучшие, времена. Слезы обожгли глаза, и она прикрыла лицо ладонями. За что ей это все? Нет, серьезно, ну что она сделала, кого обидела? Она легла, свернувшись калачиком, поплакала еще чуть-чуть и задремала. Во сне она увидела своего Тэрри. Маленького, годиков пяти. Он обнял ее и сказал «мама», и она снова заплакала, потому что в жизни он называл ее только Лизой. Все помнил. И для нее это было лучшей благодарностью за все, через что она теперь проходила.

Да, чуть не забыл – отец Тэрри продолжает работать в депо, он там на хорошем счету, и начальство отнеслось к ситуации с пониманием. Хотя не исключено и то, что его просто заменить некем, такое тоже бывает.

Сам Тэрри обретается на севере штата в районе Сассафраса, более точных координат получить нельзя, поскольку немало народу не пожалеет ни сил ни времени, чтобы найти его и расчислаться по-своему. Места сказочные: леса, озера, водопады. Он живет в дачном поселке. Дом, принадлежащий родному брату Лизы, стоит у самой воды. С другими жильцами он почти не контактирует. Так, здравствуйте-до-свидания и все. На ноге у него браслет, поэтому он не может отдаляться от дома больше чем на милю – как раз до магазина.

По утрам, он, бывает, рыбачит. Утром копнет мокрую от росы землю прямо у крыльца – червей сколько угодно. Лучше всего клюет у зарослей камыша, что в сотне ярдов от его причала. Снасть надо опускать под самый камыш в просвет между кувшинками. Обычно ловится басс или наши окуньки-санфишки. Раз совершенно неожиданно поймал щуку, которая обычно идет на блесну, но тут сдуру червя схватила. Щуку он не любит, мясо у нее горькое, думал выжарит ее на гриле, просолит, ничего не вышло. Не его рыба.

Когда только рассветает, розоватое небо отражается в неподвижной воде, образуя с ней единое как будто пространство. Прозрачные облачка зависли то ли над ним, то ли под ним. Все замирает, перестает дышать. Тишина такая, что уши закладывает. Он заводит руки за голову, прогнувшись, потягивается до хруста. Какая благодать, какая благодать! А цветы! Сколько цветов вокруг! Интересно, как называются вот эти желтые звездочки среди белых кувшинок? Или вот эти сиреневые ершики? Стрекозы, замерли на остриях камышей. Большие, с голубыми, красными, зелеными трубочками разбитых на равные секции хвостиков, с бугристыми шариками глаз, – как они называются? Бабочки, огромные черно-красно-белые, с бархатными крыльями, у них же тоже есть какое-то имя. И деревья! В обступивших его зеленых стенах он может назвать дубы или клены, а вот это с такими длинными и пахучими листиками, или вот то – осыпанное оранжевыми огоньками цветов, похожих на тюльпаны, это какие? Даже странно, что ему никогда не приходило в голову выяснить их названия. Ах, как было бы хорошо просто взять и раствориться во всей этой неопишимо прекрасной фигне без названий, раствориться, как это делают индусы – мысленно, я имею в виду. Стать этой водой, этим воздухом, этими кронами деревьев, медленно движущимися в высоте облаками.

Он не верит в то, что его оправдают. Время такое, им нужна кровь. А он не хотел его убивать, он просто не мог отпустить его нетрезвого, да еще и со своим тэйзером. Ясно, парень не хотел опять за решетку. Он это сейчас понимает, как никто. Ему, менту, там, конечно, мало не покажется. Ну, пусть попробуют. Он никогда не боялся ни драки, ничего, всегда лез в самое пекло. Такой вот характер. Тот бывает на голову выше и фунтов на тридцать тяжелее, и прет-прет, зная, что ты сморгнешь первым. Кто, я сморгну первым? Ну-ка, посмотри сюда – запрыгнул, захватил, повадил, придавил, надел наручники, все, теперь лежи тихо. Ну, кто сморгнул, а?

Иногда он думает о дочери именинника. Пытается представить себе – худенькая, кудрявая, в сиреновом таком сарафанчике, розовых шлепанцах. Улыбается. Хотела пойти в парикмахерскую, мани-педи, прическа, наверное не спала-ждала, как у детей это бывает, а пошла на похороны. Сердце его тяжелеет. Если бы только можно было, он бы взял ее и воспитал, как свою. И не в плане наказания, а просто потому, что у ребенка должен быть кто-то, кто защитит его, обнимет, объяснит, что хорошо – что плохо, что можно, а что нет. И он бы обнял ее и сказал что-то типа не бойся, я с тобой. Но кто даст? Боже, какая чушь в голову лезет. Он вздыхает, осматривается. От его движения лодка покачивается, оказываясь в центре растущего круга. Круг растет-растет, уходит в кувшинки, в камыши, растворяется на открытой воде, в небе.

В деревьях подают первые робкие голоса невидимые птицы, им осторожно, вкрадчиво как бы даже, отвечают цикады, еще минута-другая, и их голоса сольются в трескучий, звенящий от напряжения щебет, который будет нарастать, нарастать, пока не заполнит все пространство вокруг до самого полудня, потом, сморенная жарой, вся эта живность снова замолкнет. Он видит, как из стеклянной глубины всплывает черепаха, высунув черную в желтую крапинку головку, открывает рот, задержавшись ненадолго у борта, снова опускается в глубину, растворяется в ней.

Скорее всего, дадут от 25 до пожизненного. Ему сейчас двадцать пять, значит в пятьдесят выпустят. Еще можно будет жить. Но пока он будет там, он должен как-то научиться закрывать глаза и снова видеть все то, что видит сейчас наяву: этот розово-голубой купол неба, слившийся с водной гладью, эти кроны деревьев, камыши и кувшинки, черепах и стрекоз, девушку с ведром, идущую к своему дому на другом берегу, и себя самого в лодке в центре всей этой неописуемо прекрасной фигни. Этому можно научиться, Лиза принесет нужные книги, и он научится, времени много.

Июль-август 2020

СТИХОТВОРЕНИЯ ГАЛЫ ПУШКАРЕНКО

Блуждающая метафора

1.

Внутри оргазма есть точка совмещения смртью
и наоборот
И то и другое: оцепенение исчезновение не
сопротивлением

(между нами на столе в вазе лежал виноград и
несколько манго)
(я врач чего?: скорости тела – он сын пересобранного очень-похож-на-
смрть-смртью-поправ-отца)
(его язык меня вые...)

Калька исчезновения телом: господи
как описать и назвать то
во что? мы с ним здесь со единились

2.

~~Когда уходят и отвоспоминания~~ Il etait une fois
Когда Бунюэль констатирует: надрезая глаз девушки
в месте разрыва остаётся мы тарь и сель
: накрашивая перед зеркалом губ
последнее движение облизывает себя вы
скор мленной : вы скор бленной

Никто не хочет быть телом:
все хотят быть Alt Control Delete

Олег Шатыбелко. Поэт. Родился в 1968 году в Переделкино. Окончил Московскую государственную академию лёгкой промышленности. Публиковался в журналах «Новый мир», «Ното legens», сетевых изданиях. Автор стихотворных сборников «Боковое зрение» (2002), «Как дела, Венечка?» (2003), «Вооот» (2005), «[кстати, преодолённый]» (2009), «Эм-болия врёт» (2019). Под гетеронимом **Гала Пушкаренко** печатался с 2018 г. в журналах «Ното legens», «Зеркало», в Интернете. В 2020 году у Галы Пушкаренко вышли три книги стихотворений: «Матрица Э. Дикинсон» (М.: InВерсия, 2020), «Кто убил Лору Палмер» (М.: Русский Гуливер; 2020), «Invalid acid: недопустимая кислота» (М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2020).

: I mean, nothing ever really gets deleted from the internet
: и язык выпадает за предение тела как
маленькое не содержащее ничего место: пустяк

Четвёртое измерение: в зла мы ва ет ся:
икринки лопаются у себя во рту
сильно-сильно порождая три остальных
: куб анаболически неопределим распадем в бросок: стёрт
:: <мёртвый Христос в гробу> Ганса Гольбейна: внутри исчезновения
::: предполагая невидимое неприкасаемое: речь произносит тебя как

<уравновешивая телом оптину пустынь украину нефть соловки нищие
смерть вещь-из-себя нестрах this galaxy must be receding at
200 million kilometers an hour>: смешивая смещая актёра в зрителя
(зритело): пожинает актёра

(<Преследование и убийство Жан-Поля Марата, представленное актёрской труп-
пой госпиталя для душевнобольных в Шарантоне под руководством господина де
Сада>)
(на картине Франциско Гойи <Сатурн пожирающий своего сына> вываливается за
край картины)

– выпадение происходит (через Escape Шарлотты Корде) в
midwife's hands: зубы клавиатуры поднесённые к самому лицу
: что делая надрезая зачёркивая я экран: преследование Пруста за
вершается исчезновением читающего

(если текст не мастурбировал заканчивал её: она
одновременно включала аудио записи Аполлинера и Мандельштама
вычитающих друг друга)

(лёжа в ванной: находясь между ноутбуком и смартфоном: между
воздухом и водой: она была стёрта внутри исчезновения не
прикасаема для Жан-Поля и невидима для Шарлотты)

3.

Географически она отсекала от себя ногу родину детство и девство: у
рождённая дважды: отец крестя католически не узнал что мать ранее от
несла в православный

Будто позвали из-за окна: чик девочка чик-чирик журналисточка
медиа точка-заточка: инди я и кто с кем поменялся тел
ами: пьяная и босая идёт внутри самолёта
: демаркационная и ничтоже сумнящаяся идёт над небом <земли
чёрных дроздов>: в закрытом иллюминаторе отражается <хроника
времен тридцатилетней войны>
Mutter Courage und ihre Kinder: почти имя: сор горло и лом: название телом друго-
го: нереализованность как: check in/check out: мораль формы

Остаточные изображения: вынесенное из себя язычество
Дейктический: тот единственный предмет для которого верно: не
говорить о революции а писать революцией

Однажды трое нищих забрались в дом и: веселились висели там до утра
: *Князья её были в ней чище снега, белее молока; они были телом
краше коралла, вид их был, как сапфир; а теперь темнее всего чёрного лица их*

(искусство: точнее авангардная живопись: ~~смерть после смерти~~)
(новое всегда аморально)

– это манифест: всёчтоя хочу (очень грубая цитата): сшивать мальчиков
обожающих манифест: начнём помолясь

: террор письма как речи: переход от перевоплощения к отчуждению
: ей снилось разорванное тело Орфея полузанесённое песком на
берегу моря

[confrontation]: вступает хор

– и песок шевелился как личинки языков

– живое <нет>

– я всегда жила четыре жизни/руки одновременно: слабо
связанных друг с другом

– <был ли Иисус революционером>

– <Эдип как продукт переноса, Эдип Эдипа, и диван – клочок испачканной терри-
тории>

– <именно так заражаются Эдипом а затем передают его по
наследству от отца к сыну>

– и тело промахивается мимо языка и стоит: неживая слепая час
тица себя: слепок чего: неподвижное перемещаемое осыпавшимся к ногам

Снимая чулок: в этой паузе женщина стала секундой
Всё что происходило в той комнате было очеловеченным: горстка
четырнадцатилетних колен и фаланг: они
даже не могли произнести: детское зло не знает при-
чин и мужчин кроме себя

(я ощутила как оно понимает что: ничего нет)

: оно: прозрачно совершенно совершенно и себестоимость

: голые: они что НЕ делали: видели были и б-г

: нью-йорк неискаленного: ходя на цыпочках вокруг себя

(заяв в родительской спальне красный уголок)
(представляя что бьёт мужчину она лю била женщину:
представляя что бьёт женщину он лю бил мужчину)

: все наши желания исполняются неживыми

(это не пионерский галстук а тень)
(впитавшая удар снимает с удара очки надевая на себя в упор)
(будто вытекающая из матери): (когда они трогали друг друга под
пальцами был циферблат)

(хлеб проникающий в вино как революционер)
(она провела ладонью по столу: на месте упавшей капли было сухо и
со'лоно): соло'но: трое нищих висят на ниточке любви к

Манифест манифеста: минус-объект: действие бесконечно-разорванного с
убъекта

Когда в одной ванне на троих у них была масса: вода была телом а
они предсердиями чего: преследование преследования

(революция 1968 года была сделана из рук вон: <общество спектакля пре
вратило восстание против себя в спектакль>
Ги Дебор покончил жизнь самоубийством 30 ноября 1994 г.)

Здесь в Германии чувство одиночества революции в человеке
: свобода от головокружения <нежность терпеть смерть>: теперь
это молоко опрокинулось сорвав язык код JavaScript вытекло изо рта и
сомкнувшись: мёд тела его режет лижет и сосёт нас

4.

Играя с отвоспоминаниями: заноса над рукой за
секунду до <отсечение видеть себя сквозь>

Язык созерцания: каскад
: актёр замечающий что:
в тексте нет коробка спичек лежащего на столе
(его надо сыграть : это остановит тело)

<Из разделения естественной жизни и политики
у нас получилась ещё более ужасная политика>

– итак: как мы расстанемся? В толпе (и где твоя толпа?)

: в нас есть математика: уравнение её равно
весно пока вопрошает: пока <длясь>

(разпроизнесённое умолкнув : касается обездвиженного)
(как камень языка)

Оттолкнувшись от:

это как женское самообрезание: под пальцами у неё была
голова цезаря
псалом 50
псалом 30

и если: к хаосу всеобщей иронии добавить безапелляционность то
кто что делает?: актриса дрожит
сотворяя государство
сотворяя государство
сотворяя государство

5. *к/фильм Вима Вендерса «Прекрасные дни в Аранхуэсе»*

Эй, договоримся сразу: доказательство действием запрещено

Великолепная одержимость: без твоих вопросов я слепа и нема:
они позволяют мне снова видеть

: и я вижу свет: *но мы видим не свет а при помощи света*
: и *тень переползла на наши тела*

Спроси ещё что-нибудь?

: *как и когда ты научилась наслаждаться сквозь тело?*

Неприемлемый прямой вопрос: я не знаю

Огрызок яблока: мы хохотали всерьёз : а потом что сделали
: снова не дали себя рас смотреть

Нет ничего взаимосвязанней чем земля и небо:
красота симметрия и разрезанный холст

: когда после соития женщина оглядывается вокруг, решив
любить и властвовать

: разрешив быть: что же мне делать?

: да здравствует тело моста

: небо и земля исчезнут, а моё <держа и круша> останется: что делая
соляную женщину водой и жадой вопрошания телом –

Мы возлежим в: почти горячей воде озера: за пределом
Нежное насилие: трагедия а не драма

(Диалог содержащий <нет> против нашего уговора)

Спроси ещё что-нибудь

Тогда я спрошу себя сама

Праздник тела: мы знали что отомстили друг другу (?)

В них было нечто общее: они все НЕ хотели меня

: неисцелимое отчаяние: я раскрывалась ему навстречу

(Диалог из одних <да> против нашего уговора)

Так или иначе: это всегда была любовь: возможность и способ любви

: вокруг но не во мне

Любить: значит умиляться уязвимостью

И ты никогда не испытывала от вращения?

Никогда: а впрочем

: сад истязал меня своей красотой: я ненавидела весь женский род:

: не было в то время на земле более странных облаков чем

: чья: женщина мужчины ненавидящая их

: есть вишню на вершине горы: нет ничего краснее

: с тех пор не было женщины бережнее чем что: однажды

я просидела открытое окно весь день: это означало

: с тех пор не было женщины бережней чем: вершина лета

: и тело твоё во мне стало городом: любовью к ребёнку или

старику но: никогда к взрослому: ни к мужчине ни к женщине

: «Лолита» это не про любовь: и не про свободу: это про

: внутреннее касание тенью света

Ева ЛИСИНА

БРАТ САДРИ, ИЛИ Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ФАТИМА ПЛАКАЛА

Рассказ

Перевод автора с чувашского

I

Это невыдуманная история. Мой рассказ основан на реальных событиях.

В послевоенные годы в наших краях свирепствовал голод. Я, семилетняя девочка, видела, как из соседнего дома в один день вынесли два гроба. Сидящий мог уже и не встать, а стоящий – упасть замертво. Однажды к нам зашел человек, опухший до неузнаваемости. Он пришел из леса, в его корзине лежало несколько полусохших грибов.

– Возьми, это хорошие грибы, – сказал он моей маме, – дай за них одну картошку... хоть полкартошки...

Мама же шепнула мне с ужасом:

– Он умирает... Беги в дом деда Кавриле. Кто там есть, пусть бегут сюда. Хоть бы умер в родном доме...

Я побежала на соседнюю улицу. Прибежали сын и сноха деда Кавриле. Его уложили на тара-тайку и повезли. Но он не доехал до родного дома, скончался по дороге.

Вот в такое время к нам явился один мальчик. На вид ему было лет четырнадцать-пятнадцать. Голод и рожденного белокурый делает темным. Но мальчик, даже худой и черноволосый, не был блеклым, в нем таилось что-то живое, готовое пробиться. Он подошел к моей маме, протянул ей маленький узелок и вздохнул так, будто сбросил с себя тяжелую ношу. Потом пошел и встал у двери.

Мама развязала узелок и прикрыла свои глаза ладонью, словно не в силах поверить в то, что видела. Мы, все трое детей, окружили ее:

– Мама, что там? Что?

Ева Лисина родилась в 1939 году в д. Именеве Батыревского района Чувашской Республики. Выпускница Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Работала в Ботаническом саду МГУ им М. В. Ломоносова, 1-м Московском медицинском институте им. И. М. Сеченова, затем – старшим редактором Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино. Преподавала чувашскую литературу в Театральном училище им. М. С. Щепкина. Автор сказок, рассказов, повестей и пьес на чувашском и русском языках. Перевела на чувашский язык произведения А. Н. Островского, Э. Де Филиппо, П. Гаринеи, Ю. О'Нила, Варлама Шаламова, Орхана Вели и др. В 1991–2009 годах – переводчик Библии на чувашский язык (в полном объеме издана в 2009 году). Предыдущая публикация в «Волге» – «Геннадий Айги и религия – воспоминания сестры» (2020, № 7-8).

Мама открыла глаза и посмотрела на мальчика. А тот улыбнулся – широко и радостно! Вот что таилось в нем! – и закивал головой. Это можно было понять только как «Это для вас! Для вас!»

Мама вынула из узелка три лепешки. Потом достала небольшой узелок и тихо сказала: «Крупа!..» Мы, дети, ничего не просили, только смотрели на маму и лепешки. Мама пригласила мальчика к столу. Конечно, она хотела его угостить. Но чем. Отломив кусочек от его же лепешки. Мальчик отказался:

– Йок, йок!¹

Наверное, он не хотел, чтобы в этом доме что-нибудь съестное расходовалось на него. Он просто попросил воды.

Колодцы высыхали, но вода все же была. Мама подала мальчику полный ковш воды. Выпив ее, он заторопился. Я видела в окно, как он уходит. Меня поразила его походка – быстрая, легкая, летящая. Тогда никто уже так не ходил, шагали медленно, почти не поднимая ног – люди будто берегли последние силы.

Мы стали расспрашивать маму:

– Кто это был? Откуда он?

– Он пришел издалека, из татарской деревни Шихирданы. Он – внук Садри.

То, что Шихирданы – татарская деревня, я знала. Мне казалось, она находится очень далеко, можно сказать, на краю земли. Значит, этот мальчик пришел оттуда, с края земли. Чего тогда было много, так это пыли: и высохшие, свернувшиеся от зноя листья на деревьях, и засохшие на корню травы – все превращалось в пыль, в горячую пыль. Идти по горячей пыли, под обжигающим солнцем и добраться так до края земли – вот что ожидало мальчика. Только позже я догадалась, что придавало ему силы. Ведь он нес на край земли радостную весть, ему хотелось как можно быстрее дойти до татарской деревни и крикнуть на радость всем: «Наши чувашки живы!»

Через несколько месяцев мальчик снова пришел к нам. Наверное, он заходил к нам осторожно: мы не видели и не слышали, как отворялась наша калитка, и дверь в избу он открыл тихо-тихо (наверное, так входят в пустующий дом и еще спросят: «Есть тут кто живой?»). Но заметив нас, он громко воскликнул:

– Якши!² Якши!

Этот торжествующий возглас оказался «толчком» ко всеобщей радости (а радость нам нужна была дозарезу!): мы вдруг все стали обнимать друг друга, смеяться. Мы, дети, тыкали в себя пальцем и говорили мальчику свои имена. Он же, желая развеселить нас, услышав очередное имя, удивленно поднимал брови и восторженно цокал языком. Под конец хлопнул себя в грудь:

– Ильгиз!

Ильгиз – красивое имя. Необыкновенно красивое имя. Оно как раз для такого мальчика.

Ильгиз принес нам лепешки и муку. Муки было много, не горсточка, не стакан, много-много, наверное, целое кило. Как и в первый раз, он не хотел угощаться. Выпив целый ковш воды, шагнул в зной и пыль, шагнул бодро, без страха. За день он доставил радость в два далеких конца, разделенных между собой почерневшими деревнями и полями с пустыми колосьями...

¹ Йок (татар.) – нет.

² Якши (татар.) – хорошо.

Все же мы дожили до весны. Когда в первый раз выгоняли стадо, люди со страхом смотрели на тощий скот, двигавшийся молча, медленно. Наверное, многие думали так же, как сказала вслух моя мама про нашу корову: «Лишь бы дошла до поля, лишь бы дошла, там уже травка пробивается...»

А травы росли быстро. Если понаблюдать, можно было воочию увидеть их рост: они все время шевелились, тянулись вверх. В тяжелые годы, вместе перенеся все тяготы, мы так начали понимать друг друга, что в этом непрерывном движении я угадывала их обращение к нам, людям: «Больше не умирайте, потерпите еще немного, еще чуть-чуть, – мы будем расти быстро и дадим вам плоды – сочные и вкусные...»

Вместо беспощадности, царившей почти два года, пришла ласка: ласковое солнце, ласковые дожди, мягкая прохлада. Колодцы наполнились водой. По стволам и по стеблям потекли живительные соки, иссохшие ломкие ветви сменились упругими. Если прежде каждый зеленый лист был сорван на съедение, теперь густая листва шелестела безбоязненно и свободно.

Вечная красота – бляение, мычание, щебетание, смех детей – вернулась на землю. Подали голоса охрипшие было деревенские гармони. Вернулись хороводные песни, передаваемые из поколения в поколение в полной сохранности, без изменений ни в напеве, ни в словах. Моя деревня, бывшая целых два года нищенкой, сняла с себя черное покрывало и подняла голову – о, как был прекрасен ее лик!..

Окончив семилетнюю школу в родной деревне, я стала учиться в средней школе, расположенной в 12 верстах от нас. Жила на квартире. Хозяйка, тетя Плагя, была вдовой. Вот собрались в ее доме пять полусирот, отцы которых погибли на фронте: трое – ее родные дети, а двое – я и мордовский мальчик Валерий – квартиранты. Я никогда не чувствовала, что тетя Плагя делит их на родных и чужих. Многое на свете кончается, истекает, неиссякаема только материнская забота.

Домой я возвращалась в субботу, сразу же после уроков. А уже в воскресенье вечером с котомкой за плечами отправлялась обратно. В котомке были самые бесхитростные продукты на неделю, которые я отдавала тете Плагя на общий стол.

Мама запретила мне ходить домой в трех случаях: в весеннюю распутицу («утонешь в вешних водах!»), в мороз («замерзнешь или обморозишься!») и в буран («собьешься с пути!»). Во время бездорожья мы с Валерием оказывались на полном иждивении тети Плагя. Но моя мама предусмотрела и такие случаи. «Там на краю села есть заготконтора вторичного сырья, – сказала она. – Там работает младший сын Садри. Если вдруг тебе будет тяжело, сходи к нему. Он недавно заезжал к нам, расспрашивал, где ты учишься и где ты живешь». – «А что ему сказать?» – «Ничего не говори, просто поздоровайся: “Здравствуй, дядя Абдулла!” Он сам обо всем догадается». Этот совет был дорог и утешителен для меня, ведь имя «Садри» означало помощь и поддержку.

В одно затянувшееся ненастье я два раза ходила в эту контору, но там было закрыто. Но однажды, когда я вернулась из школы, тетя Плагя встретила меня радостная:

– Ты знаешь, кто к нам приходил – татарин из заготконторы! Посмотри, что он тебе принес!

Эти слова сразу же сняли с меня все тревожения, оставив от полноводной весны только радость и ее первозданную красоту. Продукты – несколько буханок хлеба и мешочек муки, которые принес дядя Абдулла, – тетя Плагя выложила на скамейку.

– Теперь мы продержимся. Вам салму¹ буду варить, – радовалась тетя Плаг. – А еще он оставил особый гостинец, сказал, что это лично для твоего головного мозга, чтобы ты хорошо училась. «Особый» гостинец – кусок колотого сахара – обволок меня теплом родных, словно старший брат угощал сестренку лучшей сладостью на свете.

– А откуда он вас знает? – допытывалась тетя Плаг.

– Он же наш родственник! – ответила я с гордостью.

– Как он может быть вашим родственником: мы чуваш, он татарин.

– Он – сын дяди Садри, а дядя Садри – брат моего деда Ягура.

– Какого Садри? – насторожилась тетя Плаг.

– Садри из деревни Шихирданы!

– Садри?! Из Шихирдан?! Он же разбойник! Конокрад! Разоритель!

Эти слова – удар за ударом! удар за ударом! – просто ошеломили меня.

Я отвечала еле-еле:

– Нет, он не разбойник... Нет, не конокрад... Нет, не разоритель...

– Как же не разоритель? Оставить хозяйство без лошади – это ведь полное разорение для крестьян!

– Нет, он не разоритель...

Наверное, тетя Плаг испугалась за меня, пододвинула мне табуретку.

– Садись, садись сюда... Девочка, ты что-то путаешь. Конечно, ты говоришь про другого Садри. Вот придет твоя мама, я все расспрошу. А этот татарин – хороший. По лицу видно – добрейший человек!

3

Мне тоже хотелось расспросить маму, поэтому я с нетерпением ждала, когда же откроется путь. И как только стало возможно, устремилась домой. Добралась и с порога выложила свою обиду:

– Мама, тетя Плаг назвала дядю Садри разбойником и конокрадом! Ведь это неправда!

Конечно, я ждала, что мама возмутится и сметет все обвинения. Но она повела себя совсем по-иному.

– Да... – сказала она тихо. – Он был конокрадом... Умный, дерзкий, неуловимый... Все деревни держал в страхе, наших лошадей уводил прямо из-под носа. Но наши мужики поймали его... Его били... На площади... Тогда мне было десять лет... – Словно от ужаса, мама закрыла глаза. – Не видела бы это своими глазами – никогда бы не поверила, что наши мужики могут так избивать человека... – Мама попыталась оправдать своих односельчан. – Хотя... Остаться без лошади... Это же беда, все хозяйство придет в упадок... Но все же... Это было ужасно... Его били целый день...

– А что потом?

– Он перестал шевелиться... Кто-то пнул его ногой и сказал: «Кажется, сдох». Потом наклонился к нему и с ужасом добавил: «Он умер!» Сначала все будто оцепенели, потом многие бросились бежать. Его оттащили к оврагу, к кустам крапивы, там и оставили. Я убежала домой. Потом распространился слух, что хотели спрятать труп, искали его, но не нашли...

Я хотела узнать об этой истории как можно больше. Поэтому на следующий день пошла к тете, старшей сестре мамы, расспросила и ее.

¹ Салма (чув.) – чувашская национальная еда.

Если судить по тому, что моя мать родилась в 1902 году, а это ужасное событие видела десятилетней девочкой, то все произошло в 1912-1913 годах.

...О том, что Садри поймали, в деревне не знал только один человек – лесник Ягур. Он целый день находился на кордоне, домой возвращался поздно вечером. Как только приехал и открыл ворота, сказал своей жене:

– Я кого-то привез. Не знаю кого. Наверное, его зверь растерзал.

Марье подошла к телеге и вскрикнула:

– Да это же Садри!

– Какой Садри?

– Шихирдановский Садри! Наши мужики поймали его, били. Думали, умер. Потом искали его труп, наверное, хотели спрятать, но не нашли. Значит, он отполз как-то... Слава богу, что в деревне не случилось убийство... А что теперь делать?

– Как что делать? Он – мой брат. Я обязан ему помочь!

– Как это твой брат?

– Я ехал, и лошадь вдруг остановилась, не хочет идти, назад пятится. Думаю, что такое?.. Сошел с подводы, гляжу – лежит какой-то окровавленный человек. Подумал, что зверь растерзал. Хрипит. Тут я вспомнил слова одного странника, слышал их еще в детстве: если подуть на угасающее пламя, оно снова возгорается. Так вот, если у раненого наступает прерывистое дыхание, надо ему через его рот вдохнуть воздух, тогда он начнет дышать ровно. Я так и сделал: вытер ему рот и вдохнул ему свой воздух. После этого раненый и тот, кто ему помог, становятся братьями. Получается, Садри теперь мне брат. Я должен ему помочь. Никто не должен знать, что он у нас. И наши дети не должны знать. Пусть побудут на кордоне. Давай внесем его в баню. А ты согрей быстрее воду и доставай свои целебные травы.

Они зажгли в бане керосиновую лампу и внесли туда раненого человека. Когда обмывали его, тот пришел в себя и спросил по-татарски: «Где я? Вы кто?» Ягур ответил: «Ты находишься у своего брата. Потом я тебе все расскажу. Не бойся. Здесь тебя никто не тронет. Я сейчас отправляюсь в Шихирданы. Скажу твоей жене, что ты жив и здоров. А ты во всем слушайся мою жену – она лучше всякого лекаря».

Чтобы было спокойно, Ягур и Марье решили об этой истории не рассказывать ни татарам, ни чувашам. Чтобы татары не начали искать Садри, надо было встретиться с его женой. Ягур ушел ночью. Ему предстояло пройти 32 версты. Когда он вернулся, уже рассветало.

– Жив? – спросил он, едва переступив порог своего дома.

– Жив. Но ночь была опасная – я его еле-еле удержала... – ответила жена. – Как там в Шихирданах?

– Пока тихо. Но жена была в страхе. Я только еще иду к их дому, еще не постучал, она уже подошла к воротам – среди ночи! – и спрашивает: «Кто там?» Голос тревожный. Говорю: «Я чуваш, из деревни Синьял. Меня твой муж послал». – Она открыла калитку, спрашивает: «Он жив?» – Говорю: «А что с ним делается? Жив, здоров. Чуть приболел». – Она: «Садри никогда не болеет. Скажи прямо!» Она такая пронзительная – ей соврать невозможно. Пришлось сказать правду. Она вроде такая хрупкая, но бесстрашная. Сразу стала собираться в путь. Еле-еле отговорил: «Ты следи за своей деревней, чтобы здесь все было тихо и мирно, чтобы не начали искать твоего мужа. А мы подлечим его: моя жена лучше всякого лекаря. Даю слово: я доставлю тебе мужа через два дня». Знаешь, что она сказала. Говорит: «У тебя будет лучший брат. Садри – самый добрый человек на свете. И самый надежный». Вот так. Она передала для мужа много белья.

– Жену зовут Фатима?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Когда ему было очень плохо, он стонал и звал: «Фатима! Фатима!» Голос был жуткий: не то прощался с ней, не то умолял ее... Я чуть приподняла ему голову и говорю: «Фатима идет! Фатима идет! Ты должен ее встретить!» Он открыл глаза и прошептал: «Фатима идет!..» Вот в эту минуту он и спасся. Если переживем наступающий день, он будет жить, – сказала Марье.

– Должны пережить, – сказал Ягур. – Иначе нельзя. Пойду к нему, скажу: «Фатима не может жить без тебя. Я обещал ей вернуть тебя через два дня. Не подводи меня, выздоравливай!»

– Иди, иди, он ждет тебя. Но не давай ему много говорить. Он еще очень слаб.

Теперь керосиновая лампа горела не только в бане, но и в предбаннике. Там на одних нарах стояли разные бутылки, склянки. На других нарах в углу лежали покрывало и подушка: Марье провела здесь ночь. Пахло травами. Два человека, всю ночь не сомкнувшие глаз, готовы были делать все, чтобы удержать Садри в жизни.

4

Через два дня Ягур собрался на Большой базар. Прихрамывая и опираясь на брата, Садри сам дошел до телеги. Уложив его на подводу, со всех сторон прикрыли березовыми вениками, Марье поставила между ними большую корзину с разными снадобьями и травами. Сверху накрыли мешковиной. Воз перевязали, и Ягур затемно отправился в путь. На Большой базар надо было ехать через Шихирданы. Ягур заехал прямо во двор Садри.

Вернулся он домой очень довольный. Марье встретила его с расспросами:

– Как доехал? Как они встретились?

– Доехали прекрасно. Садри весь пропах березой. Если бы ты видела их встречу... Фатима вернула тебе твою корзину. Там сверток есть. Это тебе от Фатимы.

Корзина была полна гостинцев, сверху лежал сверток. Марье развернула его и долго рассматривала. Потом сказала:

– Буду носить только по праздникам.

– Фатима сказала: «Это персидская шаль». Знаешь, как они тебя называют – табиб. Это означает «доктор».

– А главного виновника как зовут?

– Его зовут Ягур абый! Это означает «Брат Ягур».

Лесник и его жена рассмеялись.

– Значит, наше дело налаживается, – сказала Марье задумчиво. – Ягур, надо сообщить, что Садри жив. Деревня измучилась за эти дни. Ты же знаешь: когда-то, давным-давно, в нашей деревне было совершено убийство. Мне об этом рассказывали мои родители, а им – их родители. Так из поколения в поколение напоминали нам в назидание: убийство – самое страшное злодеяние на свете. Теперь в деревне все думают, что они сами совершили подобное. Улицы наши опустели, люди боятся идти в лес, не выходят на поля. Ждут кары: или явятся из волости, или татары с войной нагрянут. Будто мы попали в мрак. Надо вывести людей из этого мрака.

– Я тоже думаю об этом, – сказал Ягур. Потом с улыбкой добавил. – Сейчас устроим! Кто у нас самая болтливая соседка? Сходи-ка к ней за спичками или за солью. Ненароком поведай: Ягур, мол, ездил на базар продавать березовые веники. Повезло ему, не пришлось торчать на базаре целый день, весь товар скупил шихирдановский Садри.

...Не прошло и получаса, как к Ягуру потянулись синьяловские мужики: идут и по одиночке, и скопом по три-четыре человека, а то и по пять-шесть человек. Народу набралось целая изба. Все интересовались базаром: почему нынче березовые веники и каковы покупатели – такие же дотошные или более покладистые.

Ягур рассказывал охотно:

– Не могу сказать, почему теперь березовые веники. Я только подъехал, даже не успел пристроиться в торговом ряду, как возле моего воза остановился шихирдановский Садри. Понюхал мои веники и зацокал языком: «Якши!» Потом стал лизать. Лижет и лижет!

– Что лижет? – встревожились слушатели.

– Мои веники лижет!

– Ай, значит, он в голову был ранен, оттого лишился рассудка, – ужаснулся кто-то.

Ягур же продолжал:

– Полижет один веник, отложит его в сторону, полижет другой, и этот отложит в сторону.

И все время повторяет: «Якши!», «Якши!»

– Точно с ума сошел... Беда-то какая...

Ягур рассказывал подробно:

– Полизал-полизал и говорит: «Весь товар покупаю!» Тут же расплатился. Заплатил щедро. А потом говорит: «Давай разворачивай свой обоз обратно!» Вскочил на козлы, уселся рядом со мной, взял мои вожжи в свои руки – уж правит моей лошадкой, привел мой воз прямо к себе. Разгружает и не нарадуется на купленный товар: «В бане лучше всего париться таким веником. Тогда в парильне такой дух стоит – ландышевый и березовый! Ты по виду отличаешь ландышевую березу от обыкновенной березы?» – «Конечно, – говорю я, – я же лесник». – «А я не отличаю, на мой взгляд, все березы одинаковы. А вот листья у них разные: у ландышевой листья гладкие, а у обыкновенной шершавые. Поэтому когда покупаешь, надо полизать их листья».

Тут в избе поднялся восторженный и радостный шум:

– Вот в чем дело! Он просто проверял качество веника! Ягур, а ты не знал про эти ландышевые березы?

– Да нет! Если бы знал, разве так испугался бы!

– Ты тоже испугался?

– Обмер. Подумал, какой славный татарин погибает!

– А мы подумали, что он того... лишился разума...

– А у меня волосы зашевелились. Так стало его жалко...

– Я тоже пожалел: человек же... Подумал, как же он, сумасшедший, будет жить... А детей его что ожидает?..

– Я тоже содрогнулся: умалишенный бродил бы из деревни в деревню?.. А детей как жалко...

– Все-таки какие они ушлые, эти татары! Мы – лесной народ – не знаем, какие у нас деревья растут, а они – степняки ведь! – знают наш лес аж до листиков.

– Ну, пусть теперь парится, хлещет себя нашим ландышевым веником, смывает с себя все свои грехи! – сказал кто-то весело, и все захохотали. Хохотали неудержимо. Смеялись и на улице, когда расходились по домам. Это был смех людей, которые долго находились под гнетом страха и отчаяния, а теперь вырвались на свободу и радовались первозданной радостью...

Синьяловским мужикам явно не хватило одного разговора о базаре. Им хотелось слышать о Садри еще и еще. Сами того не сознавая, они были благодарны этому татарину. Благодарны за то, что он... не умер. И этим самым отвел от деревни нависший над нею мрак – возможное злодеяние, убийство.

Вечером того же дня синьяловские мужики снова собрались у Ягура, стали расспрашивать про Садри. Ягур и сам был не прочь поговорить.

Разговор начал самый старший:

– Ягур, расскажи-ка нам о Садри. Какой он?

– Какой. Крепкий, статный! Голову держит высоко! Взгляд ясный, смотрит прямо в глаза.

– Значит, честный...

– И храбрый...

– Таких называют «джигит», – уточнил всесторонне образованный учитель.

– Вот-вот! То самое! – подхватил Ягур. – С ним легко говорить: не держит камень за пазухой.

Он открытый и надежный. Если есть такой друг, и жить легче. А какой радушный хозяин!

– Ты откуда знаешь?

– А как же! Как только разгрузили воз, я хотел уехать. Он не отпустил, пригласил на чай.

Зашли в избу. Там такая чистота, такой уют: в таком доме в жару прохладно, а в холод – тепло.

– Это уж от хозяйки зависит!

– А ты видел ее? – живо откликнулся первый сердцеед Синьяла. – Какая она? Как зовут?

– Зовут Фатима. Прямо смотреть на нее невозможно – ослепляет. Краем глаз взглянул: глаза как черные смородинки, щеки как анисовые яблочки. А волосы прикрыты – носит персидскую шаль. Я вот что заметил: когда муженек смотрит на нее, то бородку свою поглаживает.

– Прихорашивается... – недовольно заметил сердцеед. – А детишки у них есть?

– Там порядок. Детишки приучены не путаться под ногами у гостей. Но из каждого угла сияют черные глазенки. Больше всего в их доме меня поразила мебель. Каждый табурет, каждый стул – картинка. А какой шкаф! Все украшено богатой резьбой. Я подумал, не из царского ли это дворца. Оказалось, все это он сделал своими руками. Бывают же на свете такие мастера...

– Да, он прекрасный мастер...

– Ягур, скажи-ка нам, случайно он не упомянул нашу деревню.

– Случайно нет. Он высказался про нашу деревню основательно.

В ожидании ответа народ затаил дыхание.

– Садри сказал: «Уважаю эту деревню. Это лучшая деревня в наших краях. Там живут люди доброжелательные и трудолюбивые».

– Насмехается... – сказал один из обескураженных слушателей.

– Почему это «насмехается»? – возмутился Ягур. – Мы что, желаем людям зла.

– Нет, конечно, но...

– Почему «но». Разве мы жжем, грабим, убиваем?

– Нет, конечно, мы всегда желали добра...

– Разве мы лодыри, тунеядцы?

– Конечно, не так... Трудимся с утра до вечера. Отдыха не знаем.

– А ведь Садри сказал правду!

– Он умный...

– Он справедливый...

– Таких людей называют великодушными, – подытожил всесторонне образованный учитель.

– Так-то оно так, – вздохнул Ягур. – А ведь этот татарин устроил мне веселую жизнь. Он за- казал мне еще сто пар этих ландышевых веников. Что теперь мне, леснику, бегать по лесу и лизать деревья?

Наверное, народ представил, как всеми уважаемый лесник бежит с высунутым языком от березы к березе – и все покатались со смеху. Только Ягур сидел обиженный.

– Ну, Ягур, не ворчи, сделай милость хорошему человеку. Если сам не справишься, пойдем всей толпой и наломаем ему целый воз!

– Да, пусть хлещет себя нашими вениками, пусть смывает свои грехи!

Ягур, заручившись поддержкой односельчан, вздохнул с облегчением и рассмеялся. Смеялся долго...

Через два дня Марье попросила мужа съездить вместе с ней в Шихирданы: она беспокоилась за Садри и хотела осмотреть его. Взяв гостинцы и опять же корзину с травами, они вскоре прибыли на место. Только остановились перед домом Садри, как словно перезвон колокольчиков раздался: «Ягур абый приехал! Ягур абый приехал!»

Чтоб встретить лесника и его жену, хозяин вышел всей семьей. Садри и Ягур обнялись. Обнялись и их жены, но почему-то обе заплакали...

Они побыли в этом доме довольно долго. Марье вместе с Фатимой внимательно осмотрела своего подопечного, потом они вместе приготовили новые снадобья из только что привезенных трав. А трое малышей (два мальчика и одна девочка, наверное, погодки) неотступно следовали за женой лесника, не шумели, не толкались, просто стояли тихо: они слышали, как их отец сказал их матери, что табиб – настоящая волшебница, и теперь с восторгом смотрели на нее.

Чуть прихрамывая, Садри повел Ягура в сад. Тщательно проверив каждое дерево, каждый куст, как специалист, Ягур похвалил хозяина. Дал и полезный совет:

– Некоторые кусты надо пересадить. Сейчас лето, уже поздно. Если ты согласен, сделаем это осенью вместе с тобой. Еще для детишек посадим скороспелые сорта яблонь.

Садри пока не отвечал. После того, что произошло в Синьяле, он говорил очень мало. Душа его была полна трепетного тепла, которое невозможно выразить словами. Когда он пришел в себя в бане Ягура, увидел близко от себя голубые глаза, которые пристально смотрели на него. Будто эти глаза говорили ему: «Не бойся – ты у родных. Здесь тебя никто не тронет». Тепло родных – защищающая сила! – сразу вошло в его сердце, в его израненное тело. Потом он увидел самого человека – черноволосый, голубоглазый чуваш. С того момента живет в его душе, теле, костях теплая волна – она жива как сердце, которое не переставая бьется всю жизнь. Чтоб выразить это, есть и готовые слова: «Я благодарю тебя от всего сердца», «Я никогда не забуду добро, оказанное мне тобою». Садри знает эти слова. Но не может сказать, словно даже такие «сильные» слова не могут выразить его чувства. Сейчас же, когда они – два крестьянина, чуваш и татарин – говорили про сад, у Садри вырвалось совсем неожиданное:

– Тедэ¹, я все хочу делать так, как ты предлагаешь.

Совсем «неказистая» фраза и слова самые простые, но Садри почувствовал, что ему стало легче, – нашлись нужные слова. Самое главное: он увидел, что Ягур понял его, понял правильно, принял все с радостью и, всматриваясь в него, с улыбкой промолвил:

– Якши-и-и...

Как только освободилась от лечебных дел, «волшебница табиб» подошла к трем малышам, и поочередно поднимая их вверх, привела в полный восторг.

...Потом их угощали. Ягур поблагодарил щедрых хозяев чувашскими словами: «От обилия ваших яств гнутся ножки стола». Хозяева попросили перевести эти слова на татарский. Говорили на получувашском-полутатарском. Но все было понятно. После долгого молчания к Садри вернулся дар речи. И чтобы радовать жену, он короткую чувашскую фразу намного расширил на татарском – и Фатима, чуть прикрыв свою улыбку персидской шалью, через каждое слово мужа повторяла: «Рехмет!²»

¹ Тедэ (чув.) – обращение к старшему родному брату.

² Рехмет (татар.) – спасибо.

...Когда выехали в обратный путь, Ягур спросил у «табиба»:

– Ну, как он? Ведь хромает...

– После такого другой остался бы инвалидом, а он поправляется на глазах. Скоро побежит.

– Я понял сегодня – мы приобрели настоящего брата.

– И настоящую сестру...

6

Объявился очевидец бегства Садри. Хозяин крайнего дома на Лесной улице рассказывал:

– Тогда наши гуси среди ночи подняли переполох. Вышел во двор – никого. Прошло немного времени, опять гогочут. Опять выхожу. И что вижу? При утреннем тумане из деревни вышел один человек и направился в сторону леса. Он прихрамывал, но шел быстро. Мне и в голову не пришло, что это может быть Садри... А это он и был. Чтобы дойти до Шихирдан, надо пройти две деревни. Конечно, вид у Садри был неподходящий, он не хотел показываться людям, поэтому решил идти по краю леса. Шел, дышал ландышево-березовым духом, пил из родника, ел лесные ягоды и полностью исцелился. Когда дошел до своей Фатимушки, на нем и царапинки не осталось, стал еще пригожее, чем раньше.

– Мужика не обязательно быть пригожим, – проворчал сердцеед.

Наверное, ужас синьяловцев перед возможным злодеянием был настолько велик, что он всколыхнул их глубинные добрые силы. Возможно, то же самое произошло и с татарами – они были благодарны чувашам, что те не убили их сородича. Эти глубинные силы вышли наружу, встретились, и возникла способность видеть друг в друге только хорошее и постоянное желание помогать друг другу. Все испытывали от этого искреннюю радость.

Синьяловцы, посетившие Большой базар и случайно встретившие там Садри, охотно делились своими впечатлениями.

Один чуваш рассказывал:

– Был я на Большом базаре. Мне хомут нужен был. Пошел в торговый ряд, где продают всякую упряжь. Гляжу – там Садри торгует, стоит, как знатный купец. Тюбетейка на нем такая – то там, то сям по краю искорка вспыхивает, видимо, золотом вышита.

– Наверное, Фатима вышивала, – с грустью промолвил синьяловский сердцеед.

– У Садри – богатый выбор. И хомут есть. Спрашиваю, за сколько продает. Дорого просит.

– Ну, у него и товар отменный!

– Да, товар хорош... И цена непростая. Хозяин видит, что я в раздумье нахожусь. Спрашивает меня: «Откуда явился?» – Говорю: «Из Синьяла». Он весь засиял: «О-о! А что сразу не сказал? Я сейчас тебе такой товар подберу, что вовек меня не забудешь!» Я струсил было: не подберет ли он нагайку и не огреет ли меня при всем народе. А он подвинул ко мне хомут, скосил цену ровно наполовину, протянул руку: «Бери! Такого даже у меня самого нету!» Товар оказался отменный.

– Значит, у него будем покупать!

– Само собой!

А обладатель отменного хомута рассказывал дальше:

– Там за мной стоял другой покупатель. Он видел, сколько я заплатил. Вот дает Садри такую же сумму.

– Ишь ты, прилипала!

– Неужели Садри и этому так продаст? Ведь разорится!

– Шиш! Посчитал денежки и говорит: «Добавь столько же!» – Тот: «Ты же продал этому за такую сумму». – А Садри: «Ты на него не равняйся. Он – из особой деревни». – «Что за такая осо-

бая деревня?» – «Там самые добрые люди живут. Мне следовало бы ему бесплатно дать, но сейчас деньги нужны до зарезу, поэтому с него хотя бы полцены взял».

– Молодец Садри! Как своих защищает!

А покупатель из особой деревни все продолжает:

– За такую щедрость мне хочется отблагодарить его... Только не знаю, как... Есть ли у него малые детки?

– Есть. Ягур сказал, из каждого угла сияют черные глазенки.

– Тогда я им вырежу свирели и свистульки.

Односельчане поддержали его:

– Да-да! Это хороший подарок! Представьте себе: идут по улице. Впереди идет Садри, играет на свирели. За ним шествует его многочисленная орава, все свистят из свистулук...

– А Фатима где? – запереживал синьяловский сердцеед.

– Она стоит на крыльце. Встречает своих мусыкканов¹ и счастливо улыбается.

– Ох! Младшему и годика нет, а свистит громче всех!

Все дружно захохотали.

Другой чуваш рассказывал:

– Отправился я на Большой базар. Иду по Шихирданам. Прохожу мимо дома Садри. Ба, хозяин стоит на лестнице, прислоненной к стене дома, и красит наличники. Зеленым цветом.

– Да, татары любят зеленый цвет.

– Как мы желтый, так они зеленый любят.

– Ну, наличники у него как кружевные. Стою – любуюсь. Наверное, он спиной почувствовал, что смотрят на его работу – повернул голову и спрашивает: «Красиво?» – Говорю: «Красиво!» – «На базар идешь? Из какой деревни?» – «Из Синьяла». – «О-о! – сказал он и проворно спустился вниз. – Синьял далеко. Пойдем, выпьешь чаю». Я наотрез отказался: мол, тороплюсь на базар. Он: «Тогда обязательно зайди на обратном пути. Пойдем-ка, что я тебе покажу – только что закончил!» Повел меня на свой двор. Там стоит новенький тарантас. Конечно, я видал тарантасы, знаю, что это такое. Этот тоже такой же, да не такой: кажется, дотронься до него – он сам собой покатится. Или полетит... Я же собираюсь женить старшего сына. В голове моей одна мысль вертится: «Эх, поехать бы за невестой на таком тарантасе!» Он спрашивает: «Нравится?» – «Нравится». – «Если хочешь, сделаю тебе такой! Только скажи, к какому сроку сделать, и принеси чувашские узоры – понадобятся». Но такой товар не по мне, чтоб купить такой тарантас, последнюю рубашку придется продать. «Нет, – говорю, – благодарствую». Какой же он понятливый, наверное, уловил печаль в моем голосе. Вы ни за что не догадаетесь, что он сделал!

– Ну-ну, что он сделал? – поторопили его слушающие.

– Протянул руку и говорит: «С меня – тарантас, с тебя – два воза дров!» Не пожать протянутую руку – это же оскорбление.

– А зачем его оскорблять? Надо было пожать ему руку!

– Я и пожал. А рука у него крепкая, надежная.

– Да это же бесплатно получается. Что нам, лесным жителям, два воза дров.

– Понимаю, что бесплатно. Я решил: дам ему три воза – дубовых, ядреных. За такую щедрость не останусь в долгу: буду ездить на базар – буду заносить им лесные гостинцы, каких у них нет – орехи, грибы, душистые травы для чая.

– Кстати, а чайку попил у него?

¹ Мусыкканов – музыкантов.

– Что я, такой бесцеремонный? С пустыми руками да с первого же приглашения сажусь за стол?.. Вот когда понесу чувашские узоры, возьму с собой сотовый мед, грибы сушеные. Если пригласят, то попою...

– А гостинцы кому вручишь? Хозяину или хозяйке?

– Мне надо будет знать обычаи татар, – ответил осторожный чуваш.

– Я, склонив голову, преподнес бы Фатиме... – помечтал сердцеед.

– А ты до этого выучись говорить: «Салам алейкум!»¹ Татарину будет приятно.

– Выучусь!

– А Фатиму видел?

– Не знаю. В одном окне промелькнуло что-то алое. Там на каждом подоконнике алые цветы. Может, цветочный горшок переставили, может, она взглянула – но точно промелькнуло алое.

– Ах, аленький цветочек... – вздохнул синьяловский сердцеед.

7

Однажды мужики были крайне озабочены.

Разговор начал самый старший:

– Жить спокойно невозможно: нет-нет, и вспомнишь этого Садри, переживаешь за него – как бы он за старое не взялся. Мы его тогда только по головке погладили, а другие и башку могут снести. Ведь мужик неплохой.

– Не «неплохой», а золотой! Просто у него кровь шальная.

– Ничего. Вон Волга наша какая буйная бывает, но берега держат ее крепко, не дают расшататься. И татарину этому нужна преграда.

– Испугается он нашей преграды! Сметет все и вскочит на коня.

– ... мирно пасущегося у этой преграды, – пошутил было кто-то.

– Сейчас не до шуток, – прервал его самый мудрый. – Мы стоим у опасной черты. Не забывайте: он нам не чужой.

– Какую же преграду ему устроим?

– Придется преградить его словом.

– А как? Сказать: «Так нельзя делать?» – А он: «Ладно, ладно, больше не буду». Нам такие пустые слова не нужны.

– Надо взять с него слово, клятву, что больше не будет заниматься конокрадством. Зажать его так, чтоб вся дурь выветрилась.

– Он должен бросить это позорное дело ради Фатимы. Я не хочу, чтобы Фатима плакала, – потребовал синьяловский сердцеед.

– Сказать-то легко, а как сделать?

– Вот вместе и решим. Тянуть нельзя. А потом обсудим с Ягуром. Придется поручить это дело ему. Он сказал, что Садри собирается построить новые ворота. Значит, скоро приедет на наш кордон со своими людьми: будут валить лес.

– А зачем ему новые ворота? И эти – как картинка. Каждый останавливается, не налюбуется.

– Татары такой народ, помогают друг другу. А у Садри же, наверное, полдеревни родня.

– Конечно, он помогает и Фатиминой родне, – позавидовал синьяловский сердцеед.

А самый мудрый сообщил свой план:

– Они будут жить на кордоне. Обычно там еду готовят прямо на поляне рядом с кордоном. Там стоит большой таган. Вот на него ставят большой котел... Вот уже разожгли огонь... Будут варить похлебку.

¹ Салам алейкум (татар.) – приветствую.

- С бараниной.
 - Да-да, татары любят баранину.
 - Татары устали – целый день рубили строевой лес. Теперь сидят вокруг костра: кто на бревнах, а кто прямо на траве. Садри помешивает похлебку. Самая удобная минута, чтобы выбить из него клятву.
 - А Ягур где? У него уже и свидетель должен быть готов!
 - Ягур сидит на пенечке, а свидетель на траве.
 - Пусть он поближе к пенечку подвинется, чтобы в нужный момент Ягур мог толкнуть его.
 - Свидетель сидит вплотную к пенечку. В нужный момент Ягур наступит ему на ногу. Пока что сидят. Вокруг шелестят ландышевые березы. Пахнет свежеспиленными сосновыми бревнами.
 - Пусть соловьи поют, – добавил сердцеед.
 - Да-да-да! Со всех сторон слышны соловьиные трели.
 - А Садри все еще помешивает?
 - Помешивает. Вот Ягур кашлянул, собирается что-то сказать...
 - Ох, какая опасная минута!.. И что сказал?
 - Ягур сказал: «Как хорошо!..» Все кивают головой.
 - Пусть Садри тоже кивает!
 - Кивает! И похлебку помешивает.
 - Ягур продолжает: «Можно быть счастливым, только надо жить по совести».
- Народ запротестовал:
- Нет, нет, так нельзя говорить!
 - Если так сказать, он сразу поймет, на что намекают. Не надо ему напоминать о совести. У него есть совесть! Может, он и сам переживает. Зачем сыпать соль на рану? Надо сказать очень просто. Давай сначала!
 - Итак, Ягур сидит на пенечке. Смотрит, как под котлом полыхают угли. Говорит задумчиво, тихо.
 - Но чтобы все слышали... Давай сначала!
 - Ягур сидит на пенечке. Говорит задумчиво, тихо, будто сам с собой разговаривает.
 - А на душе у него что творится!.. Держись, держись, Ягур! Давай сначала!
 - Ягур сказал: «Все просто в этой жизни: зарабатывай свой хлеб и никого не обижай. Вот и все». Все согласно кивают головой. Вот теперь Садри отозвался.
 - Наконец-то!.. Что, что он сказал?
 - Сказал просто, тихо: «Как всегда, Ягур абый прав. Истинно, никого не надо обижать».
 - И все?! Этого мало! А где же клятвенные слова?!
 - Подожди! Уже приближаются к клятве. Лишь бы у Ягура хватило сил... А Садри продолжает. Остальные слова он сказал сам себе, сказал тихо: «Больше никогда не буду заниматься конокрадством».
 - Ох! А что теперь делать?
 - Вот тут необходимо опереться на авторитет народа, – включился в разговор всесторонне образованный учитель.
 - Как это сказать? Давай быстрее подбирай слова! Время идет! Ягур стоит и не знает, что делать.
 - Надо сказать так: «Все знают, татары – народ надежный, свое слово держат крепко». Вот Ягур встает с места и подходит к Садри... Сначала он говорит про авторитет татарского народа, а под конец произносит заключительные слова: «Садри, мы все – чуваш и татары – слышали, что ты сказал. И мы знаем, как ты сказал, так и будет!»
 - Пусть быстрее протянет ему руку!

- Уже протянул! Они пожали друг другу руки. Посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись.
- А потом что?
- А потом ничего. Просто принесли огромное блюдо. Садри выложил на него куски баранины и поставил прямо на траву. А затем всем в миски налил похлебку. Сначала ели молча, потом постепенно начали шутить, улыбаться. И превратили этот день в настоящий праздник.
- И слушали соловьиный концерт, – утвердил план действий синьяловский сердцеед.

Неизвестно, как Ягур исполнил эту сложную миссию. Но в скором времени он сообщил, что не только Синьял, но и другие близлежащие деревни могут жить спокойно...

В конце концов синьяловцы все поставили с ног на голову: в пропаже коней обвинили самих коней: «Лошади же так любят Садри, что чувят его на расстоянии и сами бегут к нему. Он же не знает, чья это лошадь и откуда она прискакала. Бедняге ничего не остается, как повести ее к себе».

8

Примирение синьяловских мужиков с Садри произошло стремительно. В большинстве своем они были безграмотными, но получили народное воспитание, которое содержало основу жизни: жить мирно и не вредить природе. Когда-то, больше чем сто лет тому назад, в их деревне произошло злодеяние – убийство, которое потрясло всех. Оно не было забыто: как предостережение память о нем передавалась из поколения в поколение. Поэтому синьяловцы с самого детства знали, что самое страшное на свете – это убийство. Теперь оно было совершено ими самими – так они думали, пока лесник Ягур не рассказал, что встретил Садри на Большом базаре. Он оказался жив! Его видели живым! С ним говорили! Хороший он человек или плохой – теперь это не имело никакого значения. Лишь бы он был жив... Но их деревню, где избили его до полусмерти, он назвал самой лучшей деревней. Ее жителей, которые истязали его, назвал доброжелательными, он радушно приглашал их в свой дом. Он не рассказал своим сородичам о том, что произошло в чувашской деревне. Поэтому никто не жаждал мести, чувашки ходили по шихирдановским улицам так же спокойно, как и раньше. Во все это трудно было поверить. Но синьяловцы поверили сразу, потому что по-другому жить было невозможно. Их сердца наполнились благодарностью и радостью. Будто они из теснины вышли в свободное пространство. В этом открытом пространстве не было ни чуваш, ни татар, там были только человек и жизнь, которых нельзя было ранить. Их смех и шутки, возможно, казавшиеся посторонним легкомысленными и беспечными, на самом деле были признаком их освобождения из мрака, признаком очищающего веселья. А про Садри самый мудрый из них сказал: «Он нам не чужой». После этих слов к ним вернулась нормальная жизнь...

Синьяловские женщины повели себя по-другому. Они – хранительницы семейного очага – цепenea от ужаса, видели, как вдруг огонь погас в этом очаге, и почувствовали всем нутром: если он и зажжется (а зажжется ли?), никогда уже не будет гореть ясно. Когда же они узнали, что Садри жив, сказали очень коротко: «Бог миловал нас». Конечно, они почувствовали огромное облегчение, но их души не были раскрыты, как у мужчин. Может быть, мужчинам помогло и то, что они собирались вместе, все вместе слушали тех, кто уже видел Садри, подшучивали над ним, переживали за него (как он? целы ли руки-ноги?), по мере этого души их раскрывались во всю ширь. Женщины же больше молчали, в их душах все еще сохранялся осколок льда, осколок недоверия. Чтобы дойти до черты, которую самый мудрый назвал «Он нам не чужой», им нужна была самая малость – простая, теплая малость – которая постепенно растопила бы это недоверие.

Эту самую малость преподнесла им татарка Зульфия. Она была из маленькой татарской деревни, расположенной рядом с Шихирданами.

После окончания полевых работ чувашки приступали к рукоделию – мяли лен и коноплю, пряли, ткали. Им нужны были краски для крашения пряжи. Зульфия появилась в Синьяле именно в это время. Ясноглазая, быстроногая, она ходила из дома в дом, предлагая разнообразный товар – краски, мулине и бисер. Торговля шла бойко. Скоро выяснилось, что она в Синьяле продает дешевле, чем в соседних деревнях. Может быть, предлагает залежалый товар. Проверили – товар был первосортный. Если в деревне появлялась другая торговка, синьяловские женщины с гордостью отвечали: «Мы все это покупаем у Зульфии». Такое заявление было равноценно знаку качества.

У Зульфии была тетрадка, куда она записывала, кому что принести. Эта тетрадка вызывала у синьяловских женщин восхищение. В ней на каждую хозяйку был заведен отдельный листок. Бывало, только Зульфия зайдет и скажет: «Ну, аппа¹, давай посмотрим, что ты заказывала и что я тебе принесла», весь женский пол – начиная от маленькой девочки до старой бабушки – вмиг собирается вокруг стола. А Зульфия перелистывала тетрадку, находила нужный листок и выкладывала товар. Женщины, очарованные ею, потом рассуждали между собой: «Как ладно она работает, а?», «Какая память, а?»

Особенно привязались к ней девушки. Для вышивок Зульфия доставляла им мулине не только основных цветов, но и разных оттенков. Было видно, что она и сама хорошая рукодельница. Показывала вышивальщицам татарские орнаменты, сама же любовалась чувашскими. Тогда почти в каждом доме стоял ткацкий станок. Зульфия не прочь была поработать на станке, что опять же вызывало у чувашских женщин восхищение.

Самая благородная сила у женщин – сочувствие, сострадание. Оно коснулось и Зульфии.

– Попробуй-ка целый день походить по деревне из дома в дом. Наверное, у Зульфии ноги гудят. А как она домой доберется? – сказала пожилая женщина. А молодая, умеющая похвастаться в нужный момент, с ходу решила сложный вопрос:

– Подождите, кто же мы такие? Садри про нас что сказал? То-то! Мы – самые добрые люди. И живем мы в лучшей деревне. И что? Лучшие люди, живущие в лучшей деревне, не могут отвезти Зульфию домой? Она приносит нам кораллы, которые достают со дна морей, а мы отпускаем ее пешей? Вот мы с муженечком сегодня же запрягаем нашу буланую и доставим Зульфию до родных ворот!

– Будем отвозить ее поочередно.

– И на тарантасе отвезем.

Проводившие Зульфию до дома, вернувшись обратно, сообщили удивительную новость. Оказывается, Зульфия была племянницей Садри. «Своя!» – сказали синьяловцы.

А осколок недоверия, притаившийся в сердцах женщин, таял и таял, пока не исчез полностью.

Как-то вечером лесник и его жена сидели на террасе кордона и смотрели на закат. Лес уходил в сумрак. Только там, где еще оставался солнечный свет, громоздились багровые облака.

– Знаешь, Марье, – сказал вдруг Ягур, – я часто вспоминаю тот злополучный день, когда избивали Садри. Что было бы, окажись я тогда не на кордоне, а в деревне?..

– Не думай об этом, – успокаивала своего мужа Марье.

– Мне часто снится один и тот же сон. Будто кричат на площади. Будто я бегу туда. Кулаки мои сжаты. Кажется мне, что я тоже буду бить. Но просыпаюсь и лежу, будто я умер. Мне хочется, чтобы он был рядом, чтобы в случае чего я мог его защитить...

¹ Аппа (чув.) – сестра.

- Что ты говоришь? Он какой смелый, бесстрашный! Он один может защитить всю деревню.
- Это так... Но кто же будет защищать его самого?.. Ты же знаешь, как я его люблю...
- Их... – поправила жена.
- Конечно, их... Когда я вижу Садри, мне рядом с ним не хватает Фатимы, а когда вижу Фатиму, мне рядом с ней не хватает Садри. Мне кажется, они до сих пор жених и невеста.
- Они не могут жить друг без друга. Говорят, такие любящие и умирают в один день. Посмотри-ка, не пожар ли там.
- Это такой закат... Я все же хотел бы, чтобы он был рядом, мне так спокойнее...

9

Действительно, детские и юношеские впечатления остаются в памяти навсегда. Мне сейчас 75 лет, я не боюсь никакой ненастной погоды. В любую непогоду мне кажется, вот сейчас откроется дверь, и я услышу голос с татарским акцентом: «Кызым¹, как поживаешь?»

Когда я училась в средней школе, в ненастные дни, в пору полного бездорожья, в течение трех лет ко мне приходил шихирдановский Абдулла с хлебом. Я помню каждый его приход. Но чаще всего вспоминается один морозный день (про такой мороз чуваши говорят: «Воробы на лету падают замертво»). Оконные стекла были покрыты толстым слоем льда. Мы закрыли ставни, и лед начал подтаивать. На мокром стекле отражался жалкий свет нашей лампы-мигалки.

В такой сумрачный вечер к нам явился Абдулла с мешком продуктов. Он был в тулупе, валенках, в шапке-ушанке. Мы все повеселели, окружили его, мы хотели прикоснуться к нему, посидеть рядом с ним...

Перед уходом он спросил у тети Плагги: «А керосин у вас есть?» – «Есть немного», – ответила она.

Абдулла пришел на следующий же день: принес нам десятилинейную лампу и канистру керосина.

А в 1956 году он пришел ко мне в конце мая. Кругом цвела желтая акация. Оттого день казался золотистым. Мы сидели с ним на скамейке перед домом. Я уже сдала выпускные экзамены и собиралась домой. Дядя Абдулла поздравил меня с окончанием средней школы и сказал: «Кызым, я знаю, ты будешь поступать в институт. Надо поступить обязательно. Это нужно всем нам». В этих словах чувствовалось не только доброе пожелание, но и требование, с меня как бы требовали поступления в институт. Абдулла посмотрел вдаль и сказал будто в пространство: «Наш Ильгиз так хочет поступить в институт...» Я знала, что Ильгиз поступал в институт (если так, значит он поступил, по-другому и быть не может!), поэтому спросила с удивлением: «Разве он не учится?» – «Он поступал два раза, но его не пропустили». – «Кто не пропустил?» – «Нелюди». – «Какие нелюди?» – «Потом поймешь. В последний раз экзаменатор сказал ему: “Молодой человек, ты очень способный. Держись! Сейчас тебя не пропустят. Приходи через два года. К этому времени обязательно многое изменится. Приезжай и сразу разыщи меня. Я тебя буду ждать”. Вот это время подошло. Он поедет поступать». – «А сейчас Ильгиз где?» – «Он в деревне, плотничает. У него золотые руки». – «Как у его деда?» – спросила я, вдруг вспомнив, что Садри до сих пор вспоминают как лучшего строителя в округе. – «Да, – сказал он, – он вообще очень похож на своего деда...» И опять посмотрел вдаль, в пространство. Но я увидела его глаза, такого горестного взгляда я не видела никогда. Казалось, они плачут, но без слез... Мне стало безумно жаль этого человека. Я хотела его утешить: «Ильгиз обязательно поступит!» Дядя Абдулла попытался пошутить: «Теперь

¹ Кызым (татар.) – доченька.

это зависит от тебя: ты поступишь – и он поступит!» – «Я поступлю, обязательно поступлю!» – эти слова я произнесла как клятву. Потом попросила: «Как только он поступит, сообщите мне сразу». – «Сообщим».

На дорогу он мне подарил кусок колотого сахара...

Я все лето готовилась к вступительным экзаменам. Я должна была поступить: считала это своим долгом перед мамой и Абдуллой.

На каждом экзамене мне казалось, что в это же самое время сдает экзамен и Ильгиз. Я не сомневалась – он сдает блестяще. Во время экзамена по физике (это был главный предмет, мне непременно надо было получить «отлично») произошло неожиданное. Первые два вопроса я знала очень хорошо, а вот задачу решила только наполовину. Когда я отвечала, экзаменатор (женщина) слушала меня очень внимательно. После моего ответа на второй вопрос она сказала: «Достаточно!» И больше не стала спрашивать. Поставив «отлично», она обняла меня: «Девочка, ты обязательно поступишь!» Я навсегда запомнила ее фамилию – Немировская. Я поступила в институт. Была уверена, поступил и Ильгиз. Я ждала только подтверждения этого. В первых числах сентября пришло сообщение: Ильгиз поступил в строительный институт. Я заплакала от счастья...

10

Я живу в Москве. Но по литературным делам часто приезжаю в Чебоксары. В 2009 году приехала в Чувашское книжное издательство. Когда зашла к директору, увидела на его столе две толстые книги крупного формата.

– Вот какая книга вышла, познакомьтесь, – сказал мне директор.

Духотомное издание называлось «Книга памяти жертв политических репрессий в Чувашской Республике».

Я открыла первый том. Книга начиналась с татарской фамилии: Абаев. Шихирдановский р-н, с. Шихирданы. Эта строка пронзила меня. За долю секунды я вспомнила два непонятных момента. В далеком детстве я спросила у мамы: «А дядя Садри сейчас где?» – Мама ответила тихо, будто про себя: «Может быть, его и в живых уже нет». Когда в далекой юности я пожаловалась маме, что моя хозяйка тетя Плагя назвала Садри разбойником, она сразу же приехала к ней для объяснения. И они долго говорили, и обе вытирали слезы. И дядя Абдулла кого-то называл «не-людьми».

Теперь же я не сомневалась, что в этой страшной книге есть и фамилия Садри, брата моего деда Ягура. Листать такую книгу можно было только подальше от людских глаз. Взяв двухтомник на некоторое время, я вышла в коридор. Нашла пустой конференц-зал. Устроилась там у окна в углу за каким-то шкафом. И просидела там почти целый день.

Я ведь не знала фамилию Садри. Может быть, не ведали ее и мои родственники, они знали его имя и его дом, а этого было достаточно, чтобы общаться десятилетиями. Теперь же установить его фамилию можно было только одним способом: перелистывать тысячи страниц, среди бесчисленных фамилий находить татарские из Шихирдан и искать имя «Садри».

Когда листала эту книгу, часто глаза мои не видели строк, будто во мне хранился сосуд, переполненный слезами, и ждал своего часа, чтобы вылиться потоком. Я вытирала, вытирала их, а они текли и текли не иссякая... Тысячи-тысячи фамилий были указаны по алфавиту: от «А» до «Я».

А шихирдановские татары упоминались по всей книге:

АБАЕВЫ... АЗИЗОВЫ... АМЕРХАНОВ... БИКЧУРИНЫ... ВАЛИТОВ...

Отец с сыном... Четыре брата... Три брата... Два брата...

ВАЛИУЛЛОВЫ... ВАХИТОВЫ... ЗАБИРОВ... ЗАЙНЕТДИНОВЫ... ЗЕМДИХАНОВЫ...

Род занятий: единоличник, единоличник... мулла, мулла... культработники, учитель, колхозник колхоза «Красный Октябрь», кузнец, бывшие красноармейцы, бухгалтер, торговец, конюх, парикмахер...

ИБЯТОВ... КАМАЛЕТДИНОВЫ... КРЫМОВ... КУПКАНОВ... КУРЯКОВ...

Обвинительная статья у всех одна – 58-я.

КУЧАТОВ... МЕЗИТОВЫ... МИЗЯКОВ... МИНУЛЛОВЫ... МУЛЮКОВ...

Приговор вынесен Спецтройкой при НКВД ЧАССР.

НАСЫРОВ... ПЕТКЕЕВ... ПУГАЧЕВ... РЯМКЕЕВ... САЛЕЕВЫ... САМАТОВ...

Приговор: расстрелять. Конфисковать лично ему принадлежащее имущество.

СУБХАНГУЛОВ... СУФЬЯНОВЫ... ФАСХУТДИНОВ... ХАЙБУЛЛОВЫ... ХАЛИТОВ...

Приговор: заключить в концлагерь.

ХУСНУТДИНОВЫ... ЧЕРЕКОВ... ЧУЛАКОВ... ЧУМАКЕЕВ... ЧУРАКАЕВ...

Приговор: сослать в Северный край. Направить этапом.

ШАКУРОВЫ... ШАМАСОВ... ШАМБАЗОВ... ЯКУШЕВЫ... ЯНТЫКОВЫ...

Приговор: заключить в исправительно-трудовой лагерь.

Имя «Садри» я встретила дважды: по сравнению с нашим дядей Садри один был слишком молодой, а другой был не из Шихирдан, а из соседней деревни...

В книге были приведены и некоторые документы. Каждая буква в одном документе показалась каплей засохшей крови... Документ, подготовленный нелюдьми:

«Из рассекреченных документов из Центрального архива ФСБ Российской Федерации:

Немедленно приспособить соответствующее помещение в здании НКВД (желательно подвальное), пригодное под спецкамеру для выполнения приговоров о расстреле.

Исполнение приговора – расстрел производится ночью.

После выполнения приговора трупы должны быть вывезены к заранее приготовленной яме, тщательно зарыты и ямы замаскированы.

...Должна быть обеспечена полная конспирация места, времени, а также техника исполнения приговоров о высшей мере наказания.

От всех лиц, привлекаемых к работе, связанной с перевозкой трупов, приготовлением и засыпкой ям, – должны быть отобраны подписки о неразглашении».

Книгу надо было возвращать. Она стала невероятно тяжелой, будто состояла не из бумажных страниц, а из железных дверей... Лязгающих: «Следующий!», «Следующий!»

Я не хотела никого видеть. Наверное, не в силах была даже поздороваться: человеческие слова исчезли, я даже не могла бы их вспомнить. Единственное, что я могла сказать, были слова чувашского парня: «Я не хочу, чтобы Фатима плакала...»

Иван МАКАРОВ

ВЫПИТОЕ И ПРОЛИТОЕ

*Книга воспоминаний
(Отрывки)*

Буря мглою

Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя... Выпьем, добрая подружка бедной юности моей! Выпьем с горя, где же кружка?..

Почему-то лучше всего я представлял себе кружку, из которой поэт с няней собирались выпить, и как они ее ищут. Я представлял себе кружку синей, эмалированной, эмаль местами отбита, такая кружка была у нас.

Подружка, старушка няня, сидела почему-то на табурете, а поэт стоял над ней с гусиным пером в руке. Так было нарисовано в книжке. –

И вот: «Где кружка?» – Начинают искать. Сначала одна няня ищет, поэт ждет, стоит с пером в руке, потом и он не выдержал, ищут вместе. Кружка должна быть на кухне, как наша синяя, у которой, где эмаль отбита, металл темен и ржав. Длинная, довольно узкая кухня (как наша коммунальная), три стола, газовая плита. На окне белая занавеска. За окном темно, это там «буря мглою небо кроет». Поэт и няня открывают шкафы, заглядывают на полки. Даже под столы. Но где же она?

...И поэт был не прост. Выпить – так сразу кружку. В нашем доме пили из рюмок: были такие простые стеклянные граненые рюмки на ножках (последняя совсем недавно разбита). А из кружки пили воду, молоко, которое я тогда пить не любил, иногда чай.

Я ни капли не лгу и не сочиняю, я именно так и представлял себе, когда мне, маленькому, читали эти дивные строки и показывали картинку в книжке.

Воспоминания

Наши воспоминания досаждают не только нам, но и тем, кому мы их рассказываем. Ничего не поделаешь. Проба пера неизбежно сопровождается порчей бумаги.

Мурка

В начале жизни я почти ничего не помню.

Но и до непосредственного своего появления на свет человек уже оказывает заметное влияние на ход жизни. Приготавливается всякая чепуха: тряпки, коляски кроватки. Строятся, наверно, и всякие планы.

Моему появлению на свет предшествовало событие печальное.

Еще не будучи рожден, я (невольно?) оказался причиной смерти другого существа: из-за меня усыпили кошку.

Кошку звали Муркой, она была любимица всей семьи, и все же была отнесена в ветлечебницу. Мать моя была тогда особенно мнительна в отношении всякой заразы (это было тогда модно и как бы даже научно). И вот во избежание контактов новорожденного с животным, носящим на себе целые легионы микробов, от животного пришлось отказаться: другого способа оградить меня от опасности инфекции ввиду тесноты жилища не предвиделось.

Итак, я начал с того, что из-за меня погибла кошка.

Впоследствии я видел ее на фотографиях: очень красивое животное. Я узнал эту грустную историю довольно рано. Пока я рос, мне не раз рассказывали о необыкновенном уме, воспитанности и прочих добродетелях погибшей из-за меня кошки.

Много времени прошло, и теперь я рассказываю об этом без особенного сожаления и даже почти без жалости. Но это когда рассказываю. А стоит представить и задуматься – холодок по коже. Нехорошо получилось.

Смена караула

Окно в нашей комнате было расположено не как это обычно делается, не в середине стены, а немного сбоку, почти в углу, так что в пасмурные дни в комнате было темновато. На подоконнике рос лимон, но плодов не давал: не был привит. Окно выходило в переулок, напротив был штаб (московского военного округа), военный трибунал и гауптвахта. С известной периодичностью разводили и сменяли часовых. Солдаты с пистолетами на боку шли по переулку строем. Я знал уже, что идущий впереди называется разводящим. Немного помаршировав, солдаты уходили, а один оставался стоять у высокой застекленной двери. До какого-то возраста я внимательно смотрел маленькое военное представление, потом наскучило, и я редко, только в тоске детского заключенного в четыре стены безделья обращал внимание на проходящих строем. Мне и в голову не приходило, что стоящий на посту часовой, наверно, больше всего думал о том, что время уж слишком медленно идет, и хорошо было б, если б оно шло скорее...

Трусоват был Ваня бедный

Почему-то в детстве я очень боялся собак (это продолжалось до тех пор, пока первая укусила, тогда я понял, что это не очень страшно), поэтому стихов Пушкина про вурдалака (из «Песен Западных славян») понять совершенно не мог.

Там мальчик ночью идет, если помните, домой через кладбище, слышит, как кто-то, ворча, грызет кость, думает, что это вурдалак, который его съест, и боится. А когда оказывается, что это собака, совершенно успокаивается и даже сердится.

Это было непостижимо: бояться вурдалака, который был, как объяснялось, плод воображения, мистика и суеверие, и не бояться собаки (грызущей к тому же кость!), которая вполне настоящему могла укусить...

Подразумевается счастье

Я, конечно же, не хожу в лесопарк, где деревья сбрасывают и разбрасывают кругом свои желтые и красные осенние, сухие и мокрые листья. Я только, мимо проходя, вижу, как возвращаются из парка гуляющие. Они несут охапками кленовые листья и камыш, несут родниковую воду во

всевозможной посуде (потому что водопроводная, говорят, вредна). Маленьких детей несут на руках. Которые постарше идут сами.

Девочка идет за мамой. Мама знает дорогу. Не раз и не два проходила она здесь рука об руку с папой.

Уж и девочка не раз и не два проходила здесь с мамой: по крайней мере, один выходной в месяц посвящается прогулкам в парке. Не так ли возникает чувство Родины здесь, среди одинаковых, блочных, пяти- и девятиэтажных домов?

Родина. Красный флаг. Что-то от корриды.

Родина – что-то такое поэтическое или военно-патриотическое, будто не поэты и не военные вовсе и не родились нигде...

У людей праздник, и все они как один идут гулять в лесопарк.

Там пудель, нюхая, выходит из-за куста, а большая ворона клюет какую-то дрянь и думает, думает...

Пожилая женщина, фармацевт, собирает косточки, немного мяса, размачивает черствый хлеб, все это смешивает, добавляет сулему и стрихнин, несет в лесопарк и кладет там под куст – может быть, найдет и съест какая-нибудь собачка...

Все равно я не пойду гулять в лесопарк, где дует над дубами ветер, и летят мелкие березовые листья.

Хотя иногда так просто кажется: пойди в лесопарк и...

С листьями и камышами семья идет к автобусу. Ребенок кашляет. Подразумевается счастье.

Люди идут, и они кажутся себе вполне в порядке вещей: они совершенно сами себя не стесняются, им не стыдно быть.

И это совершенно естественно и правильно, но только когда они так вот, почти толпой выходят из лесопарка, это почему-то кажется странным.

Громко лает, охраняя оставленную на лавке канистру с родниковой водой, маленькая белая собачка.

Собачка нервничает. Дайте собачке воды.

Конечно же, я не хожу в лесопарк, но что же я делаю, когда не хожу в лесопарк?

Что я делаю? Ничего. Я вспоминаю.

Время идет назад?

...Это все уже в прошлом, все воспоминания (о том, как я не слишком любил идущих в лесопарк людей?). И теперь я уже вспоминаю о том, как вспоминал тогда... Воспоминание о воспоминании? Не слишком ли?

Родина

Никогда я не был так близок к земле, как в детстве. Позднее сказывалось прямохождение. Наш двор. Утро. Никогда и нигде я не видел столько света.

Буря мглою

«То по кровле обветшалой вдруг соломой зашуршит...»

– Кто там?

– Путник запоздалый.

Детский сад. Зимний вечер

На улице темно, я стою у окна. Один. Я стою и смотрю, как темно на улице. Горят, конечно, какие-то фонаря, окна светятся, сверкают проезжая трамваи. Но это далеко, далеко. За всеми уже пришли, я жду, когда же за мной...

Ничего, думаю я, когда-нибудь и за мной придут.

Череп

Однажды летом или поздней весной во двор принесли череп.

Не помню точно, сколько мне тогда было лет, но в школу я, кажется, уже ходил.

На другой стороне улицы, за домами была тогда стройка (у больницы водников), и оттуда ребята постарше его принесли. Нашли в котловане. С левой стороны у виска в черепе было две маленьких дырки. Саша Ветров, самый старший и, соответственно, самый умный (5-й класс) взял череп левой рукой, а в правой у него был воображаемый револьвер:

– Бах!.. Потом от первого выстрела рука дрогнула, и другая пуля неточно попала...

Мы, маленькие, стояли вокруг, смотрели и слушали.

Отверстия в черепе были совсем рядом и по величине действительно вполне могли быть пулевыми.

Но я не очень верил, что отверстия в черепе были от пуль. Это слишком романтично, даже, страшно сказать, слишком *красиво* тогда казалось, что-то слишком нездешнее в нищете нашей обыденной, со всех сторон огражденной жизни.

Когда рассматривать череп надоело, им немного поиграли в футбол, и долго еще лежали во дворе тут и там куски, осколки черепа, черепки. Гуляя один, я часто останавливался над ними. От нечего делать? Или эти некрасивые, неяркие и по всему близкие к земле предметы чем-то привлекали меня? Необычностью происхождения? Да, помню, я искал в них чего-то необычного, загадочного, не такого, как все вокруг. Искал и не находил.

Изнутри осколки были все в тонких, вьющихся, ветвящихся линиях, как ветки дерева. Вероятно, следы кровеносных сосудов.

Помню

Помню, что-то еще помню. А вот что именно помню, вспомнить никак не могу.

Труби, золотая труба

Пионерский лагерь в последний раз. Затянувшееся детство.

Труби, золотая труба!

Мы еще не умерли в этом, мокром, как плащ, саду. Мы живем здесь в теплом и странном мире преждевременных чувств.

Самого грязного из пионеров, который курит и сквернословит, не выгоняют из лагеря за умение играть на трубе.

Он встает раньше всех и плетется со своей трубой на пустой асфальтовый двор.

И трубит золотая труба.

Вечер. Мы гуляем за территорией, что, естественно, категорически запрещено.

За высоким штакетником горит фонарь. Тень от штакетника далеко убегает в кусты, в поле. Пейзаж становится полосат.

– Мне холодно.

Я взял ее руки, они были горячие, казалось, она вся горела.

Согреть я ее не успел.

Появившийся откуда-то пионервожатый Толя, большой, лысый, похожий на обезьяну средних лет, загнал нас назад, в лагерь.

Отбой.

Трубят золотая труба.

Другой вечер. Мы внутри. Но в самом дальнем углу огороженной территории, за кустами смородины и крыжовника вдоль забора гуляем.

– Не надо! И никогда не надо курить при мне...

– Почему?

– Отец курил всегда...

– Ну и что?

– А потом он нас бросил...

Отбой.

Трубят золотая труба.

Дозволенное нарушение режима. Предполагается всю ночь не спать. Мероприятие называется «Встреча восхода солнца».

Мы шли, растянувшись по дороге, и громко пели под гитару похабные песни.

По обе стороны дороги было поле, весь в росе серебрился овес.

Мы шли навстречу свету, орали и пели. Наша грубая матерщина широко неслась над предрасветной землей. В груди сладко щемило от невиданного чувства свободы.

Я помню, плыли в тишине

Четыре билого мицне...

Но лишь теперь понятно мне,

Что это было Каберне...

Не пойман – не вор

Говорят, не пойман – не вор. Предрассудки. Пойман, не пойман, все равно вор. Даже если никогда ничего не украл, не пробовал и в мыслях никогда не имел.

Все равно вор. И надо бежать.

Кажется, все время куда-то бегу, а кругом какая-то сплошная комиссия по делам несовершеннолетних.

Иногда останавливаешься, замедляешь бег. Кажется, убежал.

Как какой-нибудь дефективный беспризорник, из книг про 20-е годы, который свинтил в подъезде лампочку и несет на рынок. Неужели, наконец, улыбнулось счастье?

Нет! Рано радоваться.

– Эй, дефективный! Постой... Да куда же ты?.. Стой, сука!

Ребенок убегает по гулкой, как барабан, мостовой, прячется в ржавчине переулков...

Может быть, теперь, наконец, убежал и не пойман, значит, не вор...

На детское плечо опускается тяжелая рука взрослого.

Влип! Поздно бежать. Мгновенный ужас сменяется равнодушием обреченности.

А взрослый говорит:

– Не разбей, дурачок, лампочку.

Ребенок смотрит вниз. Над ним высокий седой старик со светлыми печальными глазами. Он кажется просветленным от голода и похожим почему-то на старого художника или – на патриарха.

Ребенок уходит нетвердыми шагами. Улица поката. Нужно еще устоять на ногах. В окнах закат. У дефективного кружится голова.

– Ничего, – шепчет он, – повезло, добрый дяденька...

Стихи:

*Вдруг откуда-то летит
Маленький комарик,
А внутри его горит
Маленький кошмарик*

Еще стихи:

*Соседний дом идет на слом,
И одиноко-одиноко
Родильный дом стоит, как слон,
Назло текущему потоку*

Да-да. Мы все появились на свет в родильных домах. Или почти все. И не можем, сказать даже про дом, где выросли, как про родной по-настоящему дом.

Школа жизни. Математика

Никак не могу вспомнить, что к чему.

Что к чему прибавляется. То ли постоянная к интегралу, то ли интеграл к постоянной.

А от перемены мест слагаемых только в школьной алгебре ничего не меняется, а на самом деле меняется многое... Очень, очень многое!

Сом

Сретенка. Поворот на Садовое. Рыбный отдел. Живой сом. Цена: 1 р. 04 коп.

Пусть кто-то вздохнет о старине, пусть кто вздохнет о былой цене, а я вздоху о соме.

Действительно живой, он лежит прямо на прилавке, лицом к покупателям, свесив хвост назад, за прилавок, в рыбный отдел.

Он открывает и закрывает рот. Тяжко дышит. Рядом с сомом ценник: 1 р. 04 коп.

Сом, слон, сон...

И с отвращением читая жизнь мою

Осень. Холодно, сыро. Грустно. Главное, холодно. Кажется, что оттого и грустно.

С пачкой унылого печенья и банкой сайры я грустно стою у окна гинекологического отделения. Тут не лечатся и не рожают. Тут аборт делают.

Я был молод (19 лет), глуп, ничего не понимал, только что-то очень плохое чувствовал. Какой-то мутный холод внутри. Холоднее осеннего.

За окном, в коридоре. Ходили женщины в некрасивых домашних халатах.

Окошко, в которое я несколько минут спустя, совал свою дурацкую передачу, было неудобное, низкое, чтобы говорить, приходилось нагнуться...

Я что-то беспомощное говорил, в любимые глаза смотрел с жадностью...

Воспоминания

Прежде, чем отчаяться и решиться к своим воспоминаниям приступить, я много других прочел: Г. Державина, Екатерины Великой, протопопа Аввакума, Ник. Чуковского, Евг. Шварца, Н. Ильиной, П. Абеляра, Дж. Оруэлла, А. Вертинского, Ив. Ив. Дмитриева, и его племянника Михаила, Надежды Тэффи и других многих, не все вспомню вдруг. Прочел и заметил любопытное: чужие жизни, отраженные памятью, захваченные в распорядки слов, кажутся огромными, почти безграничными, в то время, как своя – такая маленькая, не заметно даже.

В пути

Автобус останавливается. По бокам лес. Елки, палки, папоротник, сыро.

Девочки – налево. Мальчики направо.

Все так. Но это уже только в моей памяти так.

Мы еще невелики ростом: совсем невысокая трава в хвойном лесу, папоротники, осока и какая-то еще, не знаю, как называется, – с большими круглыми листьями нам едва не по пояс.

И не автобус останавливается. Целая колонна автобусов. Нас везут в пионерский лагерь.

А дальше? А дальше... А дальше трубила труба. Золотая.

Пушкин

«А почему памятник Пушкину, а улица Горького?» (ребенок в троллейбусе спрашивает).

Поэт

I

В нашей школе поэт стоял у входа в столовую. Папиросный окурок в его руке сменялся недоденным яблоком, к которому он так же не проявлял интереса.

Поэт сидел один в своем огромном (по его росту, он и сам был огромен в виде памятника) кресле, высоко подняв тяжелую голову.

Камни и растения нашего самодельного зеленого уголка молчали у его ног. В маленьком пруду с непроточной водой и цементными берегами плавала конфетная бумажка.

Поэт. Памятник. Крашеный гипс.

2

Отец рассказывал, как в его детстве, в довоенной южноуральской деревне Пушкина знали: на гулянках на его стихи пели песню и даже под нее плясали:

Прибежали в избу дети,

Второпях зовут отца... и т. д.

Вспомни!

Вспомни! Вспомни!

Стоит только напрячь память, и – многое, многое вспомнишь.

Вспомнишь даже, где вчера вечером свою шапку бросил.

Выпьем

Выпьем. С горя. Где же кружка?

В самом деле, где?

Кружку Пушкин будет искать?

Остановка в лесу

Ничего не поделаешь. Мы все уходим куда-то.

Девочки – налево. Мальчики – направо.

Антон БОТЕВ

КАРЛЫШ И МАЛСОН

О

о.1. Зимой плавал на пароме в Швецию, с ее заливными лугами, утренним лесом, ночными трелями соловья, ходил по Вазастану, смотрел, как дети катаются на коньках, и вспоминал о Малыше и Карлсоне. Карлсона часто воспринимают как воображаемого друга, по большей части русскоязычные исследователи, отравленные советской мультипликационной экранизацией. Если смотреть мультфильм, а не читать книгу, то, действительно, Карлсон очень похож на воображаемого друга, или *тульпу*, сказали бы русскоязычные исследователи, если бы знали такое слово. Я помню, как обидно было мне в детстве, что Карлсон является все время исключительно мальчику и улетает, не дождавшись никого из посторонних.

Если считать, что Карлсон не порождение психики Малыша, а существовал в реальности, то это его поведение, хоть и довольно странное, все же может быть объяснено (стеснительностью, скрытностью и т.д.). Но оно не вяжется с образом Карлсона как веселого шалуна, и потому мало правдоподобно. Но пусть. Пусть. Если даже в него поверить, книга получается лишенной интересного подтекста, связанного с воображаемым другом (что, конечно, не означает, что не останется других подтекстов; но этот конкретный пропадет). Существование воображаемого друга вроде бы не противоречит остальным мотивам Астрид Линдгрен (см. исторический обзор критики в [M1]¹), а без него воспринимать этот великий текст становится гораздо менее интересно. Можно, но зачем. От читателя ожидается живая заинтересованность в судьбе толстого человечка с моторчиком? Seriously? Давайте все-таки исходить из того, что это книга о воображаемом друге. Это главный постулат настоящего разбора.

о.2. Ладно, хорошо. Если считать, что рассматриваемая книга имеет дело с воображаемым другом, мы встречаемся с некоторыми труднопреодолимыми сложностями, наиболее трудно преодолимой из которых является то, что Карлсона видит не только Малыш, но и вся его семья, и, помимо семьи, домоправительница фрекен Бок, одноклассники Кристер и Гунилла, а также разбойники Филле и Рулле, не говоря уже о дяде Юлиусе, который с Карлсоном, можно сказать, даже дружит. Не как Малыш, но все же по-своему дружит. Для тульпы такого количества свидетелей все-таки многовато. Проблему можно обойти, вообразив, что на самом деле Малыш придумал не только Карлсона, но и его встречи со всеми перечисленными персонажами, или все это ему снится². Однако это примерно так же неинтересно, как считать, что толстый человек с мотор-

¹ [M1] Майофис М. Милый, милый трикстер: Карлсон и советская утопия о «настоящем детстве» // Весёлые человечки: Культурные герои советского детства. М., 2008.

² В одном тексте я встречал малоубедительную (может быть, безграмотную, но хотя бы не откровенно тупую) версию, что и сам Карлсон снится Малышу. Суть этого текста в том, что автор берет известные ему факты из фрейдовской теории толкования сновидений и применяет эти факты к мультфильму, находя в нем признаки сновидения. Среди аргументов автора: «сновидение есть исполнение желания спящего», «у сновидения единственный способ познания, а именно воспоминание», «в сновидении бессознательное начинает проявлять себя» и т.д. <https://nevzdrasmion.livejournal.com/14395.html>

чиком существует на самом деле. Ну пускай он существует в плоском пространстве сновидения, измерений от этого не прибавится.

о.3. Я предлагаю другое, органическое объяснение загадки Карлсона, разрешающее указанную нестыковку, но не впадающее при этом ни в реализм, ни в солипсизм. Воображаемый друг, несомненно, есть, но все ищут его не там. Решение свое уподоблю коперниканскому перевороту в науке. Не Солнце вертится вокруг Земли, а Земля вертится вокруг Солнца! Смею надеяться, прочтя настоящий трактат, миллионы людей одумаются, воскликнут, что были неправы, посыплют голову пеплом и признают свою слепоту. Решение лежало у них перед носом, и все же они его не видели, хотя и смотрели в упор! Хорошо, что есть я, который все им объяснил. Свою роль сравню с ролью Прометеуса, но не того Прометеуса, что принес людям огонь как продукт окисления низменной материи, а Прометеуса духовного, несущего людям огонь знаний. А духовный Прометей, как ни крути, куда важнее телесного. Профанное пламя, которое принес первый Прометей, уже не загасить¹, а огонь знаний тухнет постоянно.

I

1.1. Но довольно предисловий. Сущность моей уважаемой теории, ее краеугольный камень в том, что отнюдь не Карлсон является воображаемым другом Малыша, а МАЛЫШ ЯВЛЯЕТСЯ ВООБРАЖАЕМЫМ ДРУГОМ КАРЛСОНА. Почему мы имеем право так считать? Несложно ответить, тысячи причин. Потому, например, что уже само название говорит об этом. «Lillebror och Karlsson på taket», или «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». В названии есть и Малыш, и Карлсон, а больше никого нет. При этом Карлсону посвящено гораздо больше слов (в шведском названии три, в русском пять, в то время как Малышу всего одно). Если меряться словами, то Карлсон главнее, я уж не говорю, что в предложении смысловое ударение (акцент) обычно падает на последнее слово (сравните «я пришел домой» и «домой пришел я»)². В названиях остальных двух книг саги Малыш даже не упоминается. Вообще свидетельств как минимум симметричности Малыша и Карлсона много, например, слова мамы Малыша (существа, равно обожаемого и Малышом, и Карлсоном): «Я думаю, что и Карлсон не может обойтись без Малыша». Короче, у нас есть все основания полагать, что Малыш и Карлсон это два как минимум равнозначных героя, Карлсон никак не хуже (это плохое, неудачное слово) Малыша, не говоря, например, о щенке, которого он тоже не хуже (и которого, кстати, вообще нет в названии). Речь в книге идет как минимум о Карлсоне не менее чем наполовину (а скорее всего, даже более). Арифметически – он есть в каждой главе. Поэтому с более³ чем пятидесятипроцентной вероятностью настоящим, реальным персонажем является именно Карлсон.

1.2. Если Малыш воображаем, то, например, и пропеллер Карлсона воображаем (самим Карлсоном)? Такого вопроса на самом деле не стоит, безжалостно вычеркнем этот вопрос. Если пропеллер Карлсона так же воображаем, как и сам Малыш, можно дойти до того, что и все события, описанные в романе, воображаемы и происходят не в реальности, а в отравленном (к примеру) делириумом мозгу Карлсона. Если в пункте о.1. был описан грех чистого реализма (*и Карлсон, и Малыш реальные*), то здесь, как и в пункте о.2., мы рискуем впасть в противоположный грех чистой фантазии (*реален только главный герой*). Оба эти греха суть одно. Давайте, конечно, давайте вообще опишем приход наркомана, весьма продуктивное занятие. Не в этом цель нашего исследования (говоря наиболее общо, она в том, чтобы показать, как тульпа может коммуницировать

¹ В конце концов, в некоторых кафе в Стокгольме постоянно работают настоящие живые каминьы.

² Если довести эту мысль до абсурда, можно дойти до того, что главный герой книги есть Крыша. В каком-то философском смысле это так и есть, примерно как Пещера Платона, но в данном случае углубляться будет излишне.

³ (не менее).

с реальным миром). Так что как бы там «на самом деле» ни было, будем продолжать думать о Карлсоне так, как он описан в тексте, то есть что он с моторчиком. Совершенно неважно, с моторчиком он или без моторчика.

Что еще можно о нем сказать? Себя он описывает как «в меру упитанного мужчину в самом расцвете лет». Тут тоже можно учитывать его возможное искаженное восприятие себя, большинство мужчин считают себя в меру упитанными и в расцвете лет, иначе они бы занялись спортом и начали вести здоровый образ жизни – в реальности же толп ТРЕЗВЫХ и СПОРТИВНЫХ мужчин в открытом доступе мы не наблюдаем, только по подписке. Кроме указанных фактов жизни Карлсона, или, скорее, интерпретаций, ни сам Карлсон, ни автор текста (Астрид Линдгрен) не дают почти никаких других фактических сведений, кроме разве факта наличия бабушки, но это тоже неудивительно – почти у каждого млекопитающего есть как минимум две бабушки (только у Христа, насколько мне известно, одна). Все, что мы знаем о Карлсоне – что он пухлый коротышка с моторчиком, живущий на крыше, и что у него есть бабушка. Еще он умеет говорить по-английски. Еще какие-нибудь мелочи типа того, что он любит сладкое. Все остальное, что только возможно придумать, не будет противоречить тексту повести. Можно равно представлять его мускулистым пухлым докером, рыхлым пухлым безработным или *офисным пухлым планктоном*. Он может по вечерам бухать или ширяться, вести здоровый образ жизни (маловероятно) или писать стихи, одновременно рисуя красных петушков. Он может, подобно Питеру Паркеру или же, к примеру, Кларку Кенту, по ночам бороться со злом (отголоски этого мы видим в сцене наказания воров Филле и Рулле). Он может быть кем угодно! В конце исследования я попробую его описать, но пока что любой пухлый мужчина низенького роста, не обязательно даже европеоид, может сказать: *je suis Carlsson*¹.

1.3. Рассмотрим остальных членов семьи Малыша: маму, папу, Боссе и Бетан. В тексте книги они все видели Карлсона (а в мультике нет). Если бы Карлсон на самом деле был воображаемым другом, тут возникли бы проблемы. Но поскольку воображаемый друг Малыш, проблем нет. Действует простое общее правило: член семьи воображаемого друга тоже является воображаемым. То есть и у мамы, и у папы, и у Боссе, и у Бетан не остается никакого иного выхода, кроме как быть воображаемыми. Во второй части трилогии Карлсон говорит про Боссе и Бетан: «Сами они выдумка». Одноклассники Малыша Кристер и Гунилла, ребята во дворе, которым Карлсон устраивает представление с собакой Альберг – разумеется, тоже воображаемы, Карлсон говорит о них в первой части практически то же самое, что о сиблингах Малыша – что они «на редкость глупая выдумка». Интересно здесь, во-первых, что Кристер и Гунилла образуют единое целое, как мужское и женское начало дружбы, которой (в реальности) лишен и Карлсон, и его воображаемый друг (Карлсон употребляет слово «выдумка» в единственном роде не случайно); во-вторых, Кристер и Гунилла – *воображаемые друзья второй степени*: если членов семьи Карлсон придумал сам, то привилегию придумать себе друзей он предоставил воображаемому другу первой степени (это подтверждается и тем, что самовлюбленное существо не назвало бы свою выдумку на редкость глупой). Как воображаемые друзья второй степени они, естественно, и меньше проработаны. Возможно, такие же слова (а именно что Малыш на редкость глупая выдумка) Карлсон слышал от своих родителей, коллег-докеров, в службе занятости, в офисе от ракообразных с соседнего стола или, скорее всего, от одной из двух бабушек. Когда Карлсон познакомится с Кристером и Гуниллой в реальности, то есть в воображении первого уровня, он перестанет считать их воображаемыми друзьями исключительно Малыша (тульпами от этого они быть не перестанут, но Карлсон присвоит их уже *своему* воображению), они, возможно, обретут индивидуальность и начнут действовать самостоятельно.

¹ Вообще говоря, не обязательно даже пухлый и не обязательно даже низкого роста.

1.4. Дополнительным свидетельством того, что из Карлсона и Малыша реален именно Карлсон, служит тот факт, что в книге роль Карлсона активна, а роль Малыша (и всех прочих, с кем Карлсон имеет дело) пассивна. Карлсон всячески пригнетает Малыша и его друзей, а они готовы на все, лишь бы не услышать, что он так не играет. Карлсон затягивает пылесосом любимую марку Малыша, а тот, вместо того чтоб ударить его по голове, как сделал бы любой нормальный ребенок, оправдывается за то, что сначала обиделся. Он отбирает у детей сласти, оскорбляет их, обманывает, а они воспринимают все как должное. Даже папа Малыша просит остальных членов семьи никому не говорить о существовании Карлсона. Так дети боятся сказать родителям о приставаниях странных дядь. Карлсон как будто герой саг, словно античный бог, неуязвимый и непобедимый (на протяжении почти всей книги; далее с ним произойдет трансформация). Он побеждает всех, с кем вступает в конфликт, даже если это просто спор, им же и инициированный, не говоря уж о настоящих конфликтах, будь то низведение фрекен Бок или жуликов (опять инициированные им). В некоторых советских и даже российских критических статьях (см., например, интерпретацию в [М1] статьи [С1]¹) его сравнивали с трикстером, нарушающим правила, выдуманные взрослыми, типа Питера Пэна, но нет: трикстер не замечает правил, а Карлсон имеющимися правилами пользуется, но все время оборачивает их в свою пользу. Это не трикстер, а богатырь, о чем говорит и его пухлость, и указание на полный расцвет сил.

1.5. Учитывая, что Карлсон вообразил себе друга-ребенка, а не взрослого, не животного, не воображаемую любовницу или подчиненного, а также учитывая стиль его общения с Малышом, можно поставить ему диагноз. А можно и не ставить, впрочем, воздержимся.

1.6. В книге есть и сцены, в которых Карлсон не участвует. Очевидно, что если это воображаемые герои, как, надеюсь, дошло уже до самого тупого читателя, то действуют они в воображении Карлсона. А раз они действуют в воображении Карлсона, то те реалии, с которыми они имеют дело (например, телевидение, шведские деньги, идея семьи, привидения, жулики, Вазастан и т.д.), содержатся в реальности Карлсона, по крайней мере, он имеет о них представление. Кроме того, воображаемые им персонажи ведут себя так, как вели бы себя, по его представлениям, реальные личности. То есть, скорее всего, в пределах нормы. Той нормы, которая привычна Карлсону. Вряд ли он бы смог вообразить какие-то конвенциональные вещи, о которых до этого не знал. Скорее он, как некий Голлум, помнит что-то из детства или видит что-то сквозь мутную толщу реальности. Сцены с персонажами без участия Карлсона говорят о его жизни в реальном мире больше, чем сцены с его участием (а они говорят нам скорее о его мироощущении и о том, как он видит себя в этом опасном и яростном мире).

1.7. Например, мы видим, что в мире Карлсона нормально иметь семью, состоящую из троих детей, мамы и папы. Нормально, что мама шлепает ребенка: хотя он богатырь, не знающий поражений, маме он позволяет себя шлепать. Про родителей Малыша Карлсон не говорит, что они выдумка. По всей видимости, семья для него – это базовая ценность.

1.8. Вообще, видимо, мать для Карлсона – один из главных персонажей. Ей он, в отличие от остальных, в целом повинует. Даже один из тех немногих фактов, которые он сообщает о себе – это существование бабушки, а ведь бабушка – это мама в квадрате, или даже два в степени мама, что в случае мамы, равной двум, одно и то же. Малышу скупой на похвалу Карлсон говорит: «У тебя не мама, а золото». В исповедовании культа матери он схож с уголовниками, кстати, так же, как в своем асоциальном поведении – он живет на крыше, один, стреляет из пистолета, ворует деньги, кидает из окна мусор и так далее. С другой стороны, и в книге Карлсона неоднократно принимают за ребенка – это дает повод сравнить криминальное сознание с детским.

1.9. Заметим также, что Карлсон никогда не показан в одиночестве. В одиночестве показан только Малыш, причем неоднократно. Возможно, одиночество – это вообще главное свойство

¹ [С1] Смирнов Л. Малыш и Карлсон, который живет на крыше // Театр. 1972. №7.

Малыша. Поэтому никакой бабушки у Карлсона, скорее всего, уже нет, и троих детей у него тоже нет, и свое одиночество он вытесняет в одиночество Малыша. Этот пункт может помочь с определением диагноза из п. 1.5.

1.10. Теперь, после всех этих подготовительных сведений, можно в общих чертах дать интерпретацию сюжета «Карлсона». От книги к книге его воображаемая вселенная расширяется. Сначала он создает себе воображаемого друга, или *тульпу* – Малыша. Разведение тюльп – довольно распространенное занятие. Например, в сообществе тульповодов на reddit¹ в момент написания этого трактата насчитывалось 32 303 тульповода². Далее Карлсон по всей теории тульповодства дает Малышу свободу воли, то есть свободу воображения, и помогает ему вообразить – школу и семью. Однако просто так «вообразить» у него не получается, поэтому сначала он создает Кристиера и Гунилла, знакомится с ними, и только потом знакомится с братом, сестрой, мамой и папой Малыша. Обратите внимание, что мир Карлсона заполняется по экспоненте: сначала один воображаемый друг, потом два, потом еще четыре. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить теории, например, Мальтуса. Карлсон – стихийный мальтузианец! Все вместе эти семеро друзей заполняют его ближний, внутренний круг. Не случайны также аналоги одновременно и с Большим Взрывом, и с семью днями творения. Так заканчивается первая книга. Уже в ней Карлсон задумывается о том, чтобы заполнить персонажами дальний круг, приглашая на представление ребят со двора. Но все эти ребята еще безымянны, кроме мальчика по имени Кирре – олицетворения жадности, и представляют собой заготовки человеков. Географически ближний круг располагается в квартире Малыша³; это пространство не совпадает с собственным домиком Карлсона (назовем самого Карлсона представителем нулевого круга, а его географической локацией – домик на крыше). Жуликов Филле и Рулле, которых Карлсон пугает в первой книге, мы тут не считаем, потому что *сами они* Карлсона пока не видели. Воображаемыми друзьями могут быть только те, кому ты открылся, а как дружить с тем, кто тебя даже не видел в лицо? Мало ли что у Карлсона в голове помимо тюльп. Может, это настоящие жулики, а может, тоже выдуманные, это пока что неизвестно.

По-настоящему Карлсон начинает заполнять дальний круг во второй книге, воображая себе фрекен Хильдур Бок. С одной стороны, она не совсем чужая, поскольку мы видим ее только в доме Малыша, но, с другой стороны, она уже представляет собой внешний мир. Пока это только ростки внешнего мира, но они прорастают, когда Карлсону приходит в голову теоретическая идея того, что можно попасть в Большой мир – когда он воображает мечту фрекен Бок попасть в телевизор. Сначала он сопротивляется и интерпретирует это комически, но потом понимает, что только домом и его крышей вселенная не ограничивается. После этого Карсон упоминает, что летал к сестре фрекен Бок в Фрейгатен. Все происходит постепенно. Ползучая социализация.

Однако по-настоящему внешний мир вторгается в ближний круг только с приходом господина Пёка, собственно, представляющего собой телевидение; и мир, каким Карлсон его знал, начинает рушиться, когда семья Малыша включает телевизор, в котором показывают фрекен Бок. Телеящик оказывается в данном случае, как и почти во всех случаях, ящиком Пандоры. Это начало конца света и одновременно конец второй книги.

В третьей книге Карлсон уже не способен удержать созданный им мир в рамках своего сознания. Мир вторгается в ближний круг Карлсона, о чем предупреждал папа Малыша еще в первой

¹ <https://www.reddit.com/r/Tulpas/>

² А на момент редактирования, примерно через четыре месяца, уже 34 102 тульповода.

³ Интересный вопрос: если Малыш воображаемый, то воображаема ли его квартира? Строго говоря, квартира Малыша – пространство, где живет воображаемый друг. Как продукт творения она может быть так же реальна, как Нарния, а может быть так же реальна, как электричка из Москвы в Петушки.

книге. Уже в самом начале третьей книги газета (еще одно СМИ!) пишет о розыске Карлсона, а в конце находит и печатает его портрет, тем самым заполняя внешний мир до конца. Потенциальное количество воображаемых персонажей сравнивается с количеством жителей реального мира.

Так всегда бывает, когда начинаешь выдумывать мир – сначала кажется, что ты полностью управляешь им (легче всего Карлсон может навязать свою волю Малышу, потом Кристеру и Гунилле, потом членам семьи Малыша и далее in the order of appearance), но потом мир выходит из-под контроля, приходится устраивать символический потоп. Непосредственно после того, как Карлсон узнает о том, что газета обещает за него десять тысяч крон, он забывает выключить кран на кухне, и всю квартиру заливает. Но уже поздно. Персонажи перестают слушаться Карлсона, у них начинает проявляться собственная воля – в частности, появляется дядя Юлиус, который впервые иногда по-настоящему, всерьез, может победить Карлсона, не давая ему попасть в комнату, где он (д. Юлиус) интимно уединяется с фрекен Бок.

Воображаемые друзья Карлсона, демиурга и одновременно богатыря в самом расцвете сил, приступают к строительству своей вавилонской башни. Но Карлсон слишком добр, или слаб, или ленив, или все вместе, чтоб по-настоящему уничтожить мир.

В итоге, объединив, наконец, внешнюю реальность и воображаемый мир, Карлсон перестает видеть между ними разницу, излечивается и избавляется от дуальности в своем сознании. Малыш (тульпа Карлсона, обретшая собственное сознание) до самого конца беспокоится о том, что Карлсона найдут (не желая терять свою эксклюзивность), но просветленный Карлсон в последней сцене стреляет из пистолета и поет свою песенку.

1.11. В качестве послесловия осталось рассказать о вскользь упомянутых ранее интересных персонажах – воришках Филле и Рулле, а также сестре Хильдур Бок по имени Фрида Бок.

Можно подумать, что воришки Филле и Рулле это наивные незадачливые бандитики, но нет, они далеко не так просты. Они появляются уже в первой части трилогии, Карлсон их пугает, но они видят не его, а мару, иллюзию, как любые непросветленные личности. Карлсон все время предстает перед ними некой сущностью без лица, как будто в кошмаре. Уместно вспомнить, что библейский бог тоже никому не открывает своего лица, и мы можем только догадываться, что у него такие же образ и подобие, как у созданных им людей. Филле и Рулле, желая познать истину, не могут ухватить ее за пропеллер, и даже снаряжают в третьей книге специальную экспедицию по его (Карлсона) (читай «ее (истины)») поискам и поимке. Но они ничего не делают для того, чтобы обрести просветление. В итоге с помощью дяди Юлиуса они все-таки причащаются Карлсона, но приносит ли это им какую-нибудь радость? Нет, это не приносит им совершенно никакой радости, они убегают в ужасе, узрев лик Бога. Это все из-за ограниченности. Это бракованные первые люди, которых вообразил Карлсон, скорее всего, даже раньше Малыша, неудачные творения, обреченные на вечные скитания. Как гномы, созданные Ауле, они появились преждевременно и теперь как бы вне времени.

Фрида Бок так же сложна. Это персонаж, олицетворяющий бесконечность или бездонные глубины бессознательного. Мы ни разу не видим ее, не слышим ее, не осязаем. Один раз Карлсон хвастается, что видел ее, но его словам мало веры. Все, что мы знаем о Фриде, мы знаем от ее сестры Хильдур Бок. Неизвестно, есть ли вообще такая Фрида. Если есть, то это самый таинственный персонаж книги. Фрида – это область непознанного, того, о чем мы можем только догадываться, мир, лежащий даже за пределами внешнего мира. Можно сказать, что Фрида Бок вне пространства. Если бы четвертая книга о Карлсоне существовала не только в Вавилонской библиотеке, она бы описывала взаимоотношения Карлсона с Фридой Бок (и перволюдьми Филле и Рулле, все вместе они обозначают выход за пределы нашего обычного мира).

1.12. Это все хорошо и даже, положив руку на сердце, грандиозно, но возникают все новые вопросы. Если понятно, к чему Карлсон пришел в конце, то откуда он взялся? Если процесс разрас-

тания мира закономерно приходит к катастрофе, то почему о Карлсоне ничего не было слышно до тех пор, пока Малышу не исполнилось семь лет? Вопросы, вопросы, кругом одни вопросы.

2

2.1. И даже так. Миллионы воображаемых друзей, не слишком ли это сложно? Не нарушает ли это принципа Оккама, когда сущности множатся без необходимости? Может быть, не отказываясь от воображаемости Малыша, подойти к этому делу с другой стороны? От множества сущностей все равно не уйти, но если этими сущностями станут не воображаемые друзья Карлсона, а, переходя на следующий уровень абстракции, отношения творения? Ну, то есть если Малыш на самом деле воображаемый друг не только Карлсона, но и всех остальных, некоторые из которых всех не воображаемые, а самые настоящие. А некоторые, например, Кристер и Гунилла, все равно воображаемые.

Это вроде бы не сложно. Чего тут сложного? Малыш – воображение не только Карлсона, но и семьи Малыша, фрекен Бок, Кристера и Гуниллы¹, дяди Юлиуса. А загадочные Филле и Рулле не видят Малыша до самого финала, вечные скептики, но потом знакомятся с ним и они. Но если по порядку:

Сначала мы видим, как Карлсон знакомится с воображаемым другом. Технически для этого необходима подходящая комната, пустующая большую часть дня, где можно с ним тусоваться. В книге рассказывается, что в то же самое время, но параллельно, с Малышом тусуются Кристер и Гунилла. Если Кристер и Гунилла тоже выдуманы Карлсоном, то об этом выше уже написано, тут ничего не меняется. Если же они настоящие – дети семи лет, то они легко могли придумать себе игру, в которой существует воображаемый друг, и это даже не патология. Но все же им неудобно, что они придумали себе Малыша, а никто в него больше не верит. И тогда они со свойственной детям жестокостью принуждают Малыша вообразить себе Карлсона, чтобы у того тоже был воображаемый друг, потому что друг воображаемый создан по образу и подобию друга воображающего, а у того воображаемый друг есть. Тогда Кристеру и Гунилле не будет так одиноко в своем тайном, как они подозревают, пороке. И они заставляют Малыша хвастаться тем, что у него есть воображаемый друг. Это же только естественно. Что может быть естественней? У каждого воображаемого друга должен быть свой воображаемый друг.

И вот Кристер и Гунилла приходят домой к Малышу, в ту же квартиру, что облюбовал Карлсон (судя по тому, что истинные обитатели квартиры – родители Малыша – относятся к этому спокойно, это не совсем посторонние для них дети – это объяснится в пункте 2.3), и что же они видят? Вообразите их удивление: они видят реального Карлсона! Который тоже видит Малыша. Дети понимают, что это уже не игра, что Малыш уже немного как бы и существует. И они ведут себя так, будто он существует, в частности, вместе с Карлсоном выгоняют Филле и Рулле, которые пришли их грабить, и существование Малыша замещает их стресс от встречи с бандитами.

2.2. При этом, даже не знаю, стоит ли об этом говорить в силу очевидности, Малыш, о котором договаривались Кристер и Гунилла, не обязательно совпадает с Малышом, которого видит Карлсон. У них у всех есть обобщенный конвенциональный образ Малыша: ему семь лет, у него голубые глаза, он мечтает о собаке и т.д. Но сравнить своих Малышей они, разумеется, не могут, что, кстати, вскользь иллюстрирует принципиальную непередаваемость личного перцептивного опыта. И не могли бы, будь даже Малыш реален. Вместо Малыша мог быть и какой-то субститут, искусно сработанная кукла, например, или гаечный ключ, или банка супа Campbell's, или диктофон, или кресло-качалка, или тефтелька, или башня из кубиков, или танк, или все предметы

¹ Если они вдруг НЕ воображаемые.

сразу – в зависимости от силы воображения *реальных* персонажей повести. Но все-таки тульпа чаще всего – чисто психическое явление, костыли и подпорки лучше оставить фильмам ужасов, зрители которых не отличаются воображением и требуют обязательного видеоряда.

2.3. Далее родители, Боссе и Бетан. Они тоже все вместе воображают Малыша – непонятно, по каким причинам, например, отец является тираном и заставляет всех верить в Малыша, потому что мать отказывается зачинать третьего ребенка. Отец тоскует и придумывает себе еще одного мальчика. Что ж, пусть так, решает мать, и они вместе с отцом дают на детей, чтобы те верили, что у них есть младший братик. Верят или нет, неизвестно, но в любом случае поддакивают отцу, не решаясь протестовать против родительской власти. Возможно, они с самого начала сознательной жизни слышат про Малыша и не могут себе представить жизнь без него, о чем, собственно, и мечтал отец, заводя воображаемого сына. Но из-за этого сына у всей семьи возникают психологические проблемы. Папа постоянно на работе, у мамы головные боли и переутомление (ей даже приходится ездить лечиться), у Бетан постоянные неудачи с мальчиками и частая смена партнеров, Боссе плохо учится.

Отец выделяет Малышу отдельную комнату и заводит ему друзей – пресловутых Кристера и Гуниллу, опять будем считать, что они настоящие. Что объясняет, почему у них есть постоянный доступ в квартиру. Возможно, у них даже есть свои ключи, у каждого свой или один на двоих. У Малыша имеется на кухне собственный стул, ему всегда выделяют место и раздают на него тефтельки и пончики. Правда, у него плохой аппетит. Сторонний наблюдатель удивился бы, зайдя после обеда на кухню и видя маму, которая то плачет, то смеется, то поет песенки – и обязательно ест тефтельки. Просто сторонний наблюдатель не знал бы, что она говорит с воображаемым Малышом и доедает за ним. От всего этого она ужасно растолстела, и это уже не та мама, в которую когда-то влюбился папа. Может быть, папе уже и не нужен от нее третий ребенок, и ситуация из временной превратилась в постоянную. Да и мама, если раньше была согласна на третьего ребенка, когда-нибудь, теоретически, то теперь у нее уже есть трое, а на четвертого она никогда и не была согласна категорически. А время идет, а часы тикают, и больше детей у них не будет. Ситуация аллегорически¹ показывает вред от нетерпеливости, помноженной на деспотию: выигрывая в малом, проигрываешь в большом. Отец, как и деспот Эпира Пирр – показательные примеры людей, которые ни за что, никогда в жизни не прошли бы маршмеллоу-теста.

Семья часто слышит звуки в пустой комнате, когда там нет Кристера и Гуниллы, а заходя туда, видит разбросанную одежду и игрушки. Отчасти это убеждает всех в существовании Малыша, а папу так даже несколько воодушевляет. На самом деле, очевидно, там шалит Карлсон со своим воображаемым другом, но семья этого не знает.

Конечно, папа кое-что подозревает. Он боится признаться себе, что, возможно, нет никакого Малыша, а беспорядок в комнате объясняется какими-то другими, естественными, причинами. Именно поэтому семейство никак не может познакомиться с Карлсоном. Хрупкая мечта может разбиться вдребезги. И что тогда останется у папы?

Сложно сказать, что происходит в его голове, когда в конце первой книги они все-таки знакомятся с Карлсоном. Может быть, увидев чужое безумие (т.е. безумие Карлсона), он прозрел и ужаснулся своему – в таком случае это очень сильный человек, раз он потом поддерживал игру, зная, что это ложь, и даже нанял фрекен Бок. Может быть, он, наоборот, окончательно сошел с ума. Может быть, он начал пить. Может быть, ударился в спорт (маловероятно) или творчество, или нашел утешение в домино. Мы крайне мало о нем знаем, знаем только, что он стал куда-то ездить в командировки. Может быть, у него, как у Кристера, Гуниллы и, наверно, всех остальных,

¹ Возможно, тут стоит упомянуть, что у Астрид Линдгрен тоже было только двое детей.

наконец пропали сомнения в существовании Малыша, отчего тот еще немного овеществился. Кто знает? Во всяком случае, благодаря остаткам здравомыслия, инстинктам или вновь обретенной истине сразу после встречи с Карлсоном (на самом деле – с Малышом) он просит всю семью никому о нем (Карлсоне, на самом деле – Малыше) не рассказывать. Папа решает держаться до последнего: теперь, когда вся семья знает о существовании неучтенного ребенка, могут пойти разговоры, дойти до компетентных органов, по документам у них всего двое детей, будут проверки, и в зависимости от того, существует Малыш или нет, папу упекут в тюрьму или сумасшедший дом. В любом случае это выход из зоны комфорта – не то что выход из зоны комфорта, а разрушение всего его мира. Папа все это понимает, и потому в попытках сохранения мира призывает семью не рассказывать никому о существовании Карлсона/Малыша. Дьявольски изощренный план, что и говорить – но больше ничего тут придумать, кажется, было нельзя.

На этом заканчивается первый том книги о том, как семья старается сохранить своего воображаемого сына и брата. Карлсон здесь – связующее звено, крупница, с которой начинается процесс кристаллизации Малыша. Процесс запущен, и процесс этот должен завершиться смертью воображаемого героя. Столкновение с реальностью возможно выдержать, когда ты реален или нереален, но нельзя выдержать, когда ты реален, но *по-другому*, наполовину реален. Увы, слишком поздно. Машина заведена, ревет и движется на всех парах к пропасти. Просвещенный читатель¹ на этом месте может вспомнить кинофильм «Полено» Яна Шванкмайера – там воображаемый друг тоже овеществился и руинировал жизнь придумавшей его родительницы, правда, иным способом: он ее просто-напросто съел. Малыш не такой брутальный, но тоже голем, конечно.

2.4. Во втором томе саги о Свенсонах появляется фрекен Бок. Очевидно, найм фрекен Бок – уступка жене, которая, наконец, приняла существование Малыша и, следовательно, в полной мере приняла жизнь многодетной семьи. Когда детей было трое, но при этом один несколько призрачный, жизнь была легка, потому что усилий в быту прикладывалось как для пятерых, а сопротивление среды было как от четверых. С истинным появлением Малыша сопротивление среды возросло. Поэтому жизнь семьи стала тяжелее, им понадобилась домоправительница.

Фрекен Бок, конечно, сначала не верила в существование Малыша. Например, оставшись с ним в первый раз дома одна, она готовит плюшки только для себя, что свидетельствовало бы о безусловной профнепригодности ее как домработницы, если бы ребенок существовал. Но, конечно, никто бы ее не уволил. Скорее всего, ей еще и доплачивали, чтоб помалкивала².

Постепенно и закономерно с ней происходит все то же, что и с остальной семьей. Домработницы, няни, дворецкие, лакеи – группа риска при ментальных заболеваниях семьи, которую они обслуживают. Исчезновение плюшек, странные звуки в комнате, привидения – все это заставляет фрекен Бок поверить, что *тут что-то или кто-то есть*. Она верит в Малыша, но как в привидение. Трансформация фрекен Бок остроумно показана в одной из сцен. Сначала фрекен Бок запирает Малыша в комнате (на самом деле, как мы *теперь* понимаем, запирает пустую комнату). Потом она входит в эту пустую комнату, которая пуста уже во всех смыслах (даже воображаемого Малыша там в это время нет). И в этой пустой комнате она ищет Малыша, потому что постоянно слышит тут звуки. Пока она его ищет, Малыш в комнате и оказывается. Его принес Карлсон. Разумеется, эту сцену следует толковать не только буквально, но и иносказательно, как иллюстрацию изменений в сознании фрекен Бок. Совмещение двух пластов реальности

¹ Может быть, этот читатель – ты, читатель!

² На этом месте читатель из предыдущей сноски вспомнил бы телесериал 2019 года «Дом с прислугой» М. Найта Шьямалана, в котором семья нанимает няню для воображаемого ребенка, которого заменяет кукла. Я произвел собственный research – и понял, что сюжет довольно распространен. Например, имеется кинофильм 2015 года «Кукла» режиссера У. Б. Белла с точно таким же сетяпом. Что ж! Распространенность сюжета только подтверждает его правдоподобие, это всем известно.

показано здесь блистательно, один из лучших примеров подобного рода в мировой литературе, если понимать, о чем идет речь.

Как сказано по похожему поводу, first there is a mountain, then there is no mountain, then there is.

В итоге фрекен Бок знакомится с Карлсоном, и выясняется, что никакого привидения нет, а есть только, как она считает, сорванец с моторчиком. Вообразите себе ее удивление и опасение за собственный рассудок, когда выясняется, что сорванец, о котором ее предупреждал папа Малыша, существует на самом деле! Только он не говорил, что у него есть моторчик. Но это ничего. Это ничего.

Получается, что фрекен Бок сначала принимает Карлсона за Малыша. От расстройства и от потрясений она то ли на самом деле сходит с ума, то ли делает очередной шаг к просветлению, и для сведущего человека сцена с приходом телевизионного человека по фамилии Пёк – это чистое безумие. Господин Пёк, как известно, отведал ее соуса, пригласил выступать на телевидение и ушел. Но фрекен Бок всё восприняла не так. Она так охвачена радостью, что попадет в телевизор (или погружается еще глубже в пучину безумия), что даже не замечает его ухода, и субъективно для нее господин Пёк все еще остается на кухне. И когда Карлсон входит в комнату и говорит «Гордая юная девица входит в парадный зал», а господин Пёк принимает его за девочку – то никакого господина Пёка на кухне нет, и это не господин Пёк, а другая часть личности фрекен Бок или ее подсознание принимает его за девочку. Место господина Пёка занимает другая часть личности госпожи Бок. Не случайно имена Бок и Пёк очень похожи, не думаете же вы, что эту книгу дураки писали. И всю дальнейшую сцену фрекен Бок говорит сама с собой. Одна часть личности считает Карлсона милой девочкой, а другая – гадким сорванцом. При этом характерно, что обе ощущают Малыша, но почти не реагируют на него, потому что Малыш – все еще всего лишь тень человека, а тени положено знать свое (скромное) место.

Но даже осознавая Малыша как тень, будучи в душной атмосфере дурдома, где все говорят о каком-то Малыше, а Малыш совсем не такой, как о нем все говорят (например, он с моторчиком и толстый, а не с голубыми глазами и худой), фрекен Бок тоже постепенно овеществляет его и тем самым приближает его конец.

2.5. В самом начале третьего тома в газетах объявляется награда за сведения о человечке с моторчиком. Но нет, это не Карлсон, как пытается нам сказать автор. Мы уже поняли, что эта книга хитрее, чем кажется. В газетах объявляется награда за сведения о Малыше. Безумие! Безумие, как черный дым, распространяется из дома Свенсонов, безумие проникает во все уголки Стокгольма. Воображаемого друга уже не скрыть – о нем знают, помимо Карлсона и семьи: Кристер и Гунилла, дети со двора, которым Карлсон устраивал представление (олицетворяющие, конечно, *всех* детей в городе), фрекен Бок, телегосподин Пёк (настоящий) и многие другие.

Убедившись, что фрекен Бок сошла с ума, и теперь ей можно доверять, вся семья разъехалась кто куда, оставив ее одну с их воображаемым Малышом. Возможно, они договорились с Карлсоном, чтобы тот уже легально играл его роль, о чем говорит то, что в третьем томе **КАРЛСОН ВПЕРВЫЕ СПИТ В КРОВАТКЕ МАЛЫША**. Символически это означает, что Малыш уже настолько овеществился, что почти реален.

Настоящей проверкой на реальность Малыша является приезд дяди Юлиуса. Дядя Юлиус является родственником папы, регулярно гостящим в его доме, и, естественно, в курсе его психологических проблем. Но он знает призрачного Малыша, а что будет, когда Малыш почти настоящий?

Приехав, дядя Юлиус, как и все, погружается в пучину безумия, он совсем не удивляется наличию Малыша, но удивлен тому, что домоправительница как будто и в самом деле его видит. Но ему нравится фрекен Бок. Дядя Юлиус, видимо, очень хороший человек, какими часто бывают конченные брызги, он не хочет ее огорчать. Однако атмосфера дома давит и на него, и он начинает

верить в мир троллей¹ (Ну, как верить: только на словах, конечно. Если вы влюблены в женщину, вернее, она вам очень нравится, и вы раздумываете, не влюбиться ли в нее, а она вдруг видит духов – естественно, вы будете задаваться, не всерьез, а так, чтобы навести, так сказать, мосты к девушке, подбить к ней клинья – не существует ли мира, доступного особо чутким душам, воспринимаящим тончайшие вибрации и пр.).

Но разгадка одна.

Но разгадка одна.

В третьем томе автор книги, реализуя свой преступный художественный замысел превращения Малыша из воображаемого в реального, постепенно меняет местами его и Карлсона. Так, когда Карлсон под зонтиком пролетает мимо окна дяди Юлиуса, пугая его и фрекен Бок, а Малыш сидит в своей комнате, на самом деле это Малыш под зонтиком пролетает мимо окна дяди Юлиуса, а Карлсон сидит в его комнате. Малыш воображаем, пролететь под зонтиком воображаемым личностям ничего не стоит, его видела фрекен Бок, а дядя Юлиус из любви к ней лишь подыграл.

Именно то, что фрекен Бок так испугалась, и обеспокоило дядю Юлиуса и всколыхнуло в нем любовь к ней. Бывают такие люди, для которых любовь возможна только в сопряжении с жалостью. Именно теперь дядя Юлиус окончательно решил для себя увезти фрекен Бок в Вестергетланд, подальше от безумной квартиры, в надежде когда-нибудь ее (ф. Бок) излечить.

Что же Малыш? Карлсон посещает газету и рассказывает о себе всю правду, но, как мы помним, Карлсон уже не Карлсон, а Малыш, и потому это именно Малыш, а не Карлсон, рассказывает о себе всю правду. «Моя мамочка – мумия, а отец – гном», – говорит Малыш о себе². Естественно, это говорит не Карлсон. Только у воображаемого персонажа мамочка может быть мумией, а отец гномом. Никто не мешал Карлсону (пока он еще не стал Малышом) придумать Малышу (пока он еще не стал Карлсоном) каких угодно родителей.

Этим визитом завершается процесс овеществления Малыша, и, в общем, книга тоже завершается. Дядя Юлиус с фрекен Бок уезжают, вверив сумасшедшую семейку своей судьбе. Место Малыша в семье теперь естественно и плавно занимает Карлсон. А Малыш в последней сцене стреляет из пистолета и поет свою песенку.

¹ Как известно, слово «троль» в этой книге, как и во многих переводах со шведского, употреблено неправильно. Троль – это не тупое огромное существо, сидящее под мостом с дубиной. Это в принципе любое сверхъестественное существо, часто не видимое человеческому глазу, примерно как фэйри. Например, в словаре Ушакова (внезапно!) почти правильно: ТРОЛЛЬ, я, м. [швед. troll]. В скандинавской мифологии сверхъестественное существо (великан, карлик, волшебник, ведьма).

Или в известном Online Etymology Dictionary (<https://www.etymonline.com/word/troll>) (приведу словарную статью почти полностью, она очень интересна):

*supernatural being in Scandinavian mythology and folklore, 1610s (with an isolated use mid-14c.), from Old Norse troll "giant being not of the human race, evil spirit, monster." Some speculate that it originally meant "creature that walks clumsily," and derives from Proto-Germanic *truzlan. But it seems to have been a general supernatural word, such as Swedish trolla "to charm, bewitch;" Old Norse trolldomr "witchcraft."*

The old sagas tell of the troll-bull, a supernatural being in the form of a bull, as well as boar-trolls. There were troll-maidens, troll-wives, and troll-women; the trollman, a magician or wizard, and the troll-drum, used in Lappish magic rites. The word was popularized in literary English by 19c. antiquarians, but it has been current in the Shetlands and Orkneys since Viking times. The first record of the word in modern English is from a court document from the Shetlands, regarding a certain Catherine, who, among other things, was accused of "airt and pairt of witchcraft and sorcerie, in hanting and seeing the Trollis ryse out of the kyrk yeard of Hildiswick." Originally conceived as a race of malevolent giants, they have suffered the same fate as the Celtic Danann and by 19c. were regarded by peasants in Denmark and Sweden as dwarfs and imps supposed to live in caves or under the ground.

Таким образом, мир троллей – это мир сверхъестественных существ вообще.

² Вспомните сравнение Филле и Рулле с гномами Ауля.

2.6. Немного зловеще выглядит тот факт, что о свершившейся трансформации еще не знают ни папа, ни мама, никто, кроме фрекен Бок и дяди Юлиуса. Возможно, это намекает нам на нечто ужасное, на то, что никто из них этого не пережил.

2.7. Это все хорошо, и похоже на правду, но опять НЕ ВСЯ ПРАВДА. Остается несколько вопросов. Почему дядя Юлиус, приехав, стал сразу расспрашивать Малыша о школе, как реального мальчика, а не привидение, еще не успев осознать, что фрекен Бок сошла с ума? Получается, он-таки тоже *видел* воображаемого друга? Ему ведь еще не надо было никому нравиться. Просто поставим себя на место дяди Юлиуса. Он приехал пожить у своего родственника Свантесона, пока всей его семьи не будет дома. Естественно, он рассчитывает, что и призрачного Малыша они заберут с собой. Малыша они не забирают, но это ладно, дядя Юлиус хорошо знает, что его не существует. Но тут с Малышом остается домоправительница фрекен Бок. Это немного нарушает планы дяди Юлиуса, но ничего, потерпеть можно, тем более что домоправительница внешне ему сразу нравится. Но дальше, что ему делать дальше? Заговаривать с Малышом – сразу представлять себя в ее глазах сумасшедшим. Нужно это дяде Юлиусу? Наверно, нет. Может быть, он сам сошел с ума? Маловероятно. В этом случае дядя Юлиус обязательно рассказывал бы кому-нибудь о Малыше, и жизнь семьи Свантесонов давно бы уже разрушилась, чего так опасался папа еще в п. 2.3.

Кроме того, уже упоминалось, что дядя Юлиус единственный, кто может дать отпор Карлсону; это объяснялось тем, что Карлсон, дескать, создал целый мир, с которым уже не может справиться, и дядя Юлиус всего лишь олицетворял его слабость (т.е. силу нового мира). Однако с тех пор мы уже отказались от версии, что Карлсон создал целый мир. Теперь мы считаем, что Малыша создал не только Карлсон, но и остальной мир. Так что теперь снова непонятно. Вопросы, вопросы, проклятые вопросы.

3

3.1. Правда, как это обычно бывает, тяжела и ужасна. А книга содержит не три, а четыре дна.

3.2. Я помню это как позавчера. Вернулся из Виттенберга окрыленный, с отличными оценками по всем предметам. Дверь мне открыла мать, ее отчего-то обнимал Сванте. А где папа, спросил я, и они изменились в лице, разве ты не знаешь, что папа умер? Как это умер? От горячки. От какой горячки? Змея укусила. Нет, из окна выпал, сказал Сванте. Да, точно, из окна, сказала мама. А потом змея, сказал Сванте. Да, сказала мама, потом змея. Откуда мне это знать, меня же не было целый семестр. Мне никто не сообщал. В общем, папа умер, а я тебе писала, сказала мама. Как это умер, сказал я, когда. Нет, я ничего не получал. Да это и не так давно было. Когда, сказал я, как это умер. Да месяца два тому. Как это умер, сказал я. А я думала, ты так занят учебкой, сессия, не можешь приехать, удивлялась, чего это не пишешь. Как это умер, сказал я. Может быть, письмо не дошло? Извини. Как это умер, сказал я. Это все от того, что почтальонам у нас так мало платят, вот они и пренебрегают своими обязанностями. Как это умер, сказал я. Ну так, умер, умер, торжественно заговорил вдруг Сванте, что теперь делать, раз умер, у всех отцы умирают, у него тоже отец умер, у того отца тоже умер отец, и у того отца умер отец, и обязанность сына какое-то время проявлять угодливую печаль; но погружаться в нескончаемый траур – путь в нечестивость; это не по-мужски: показывает недостаток веры, слабость духа, нетерпеливость ума, и разум самый простой и неразвитый. Ведь так и должно быть, это же обыкновенное дело, отчего же так остро принимать это к сердцу? Ффф! Это грех перед небом, грех перед покойным, грех перед природой, грех перед здравым смыслом, который понимает, что, ну, у каждого отцы умирают, у меня вон тоже умер. Утри слезы. Ведь два месяца прошло! Пора сказать себе: «так и должно быть». Вот как ты заговорил! сказал я Сванте. А кстати, что ты здесь делаешь? В общем, папа умер, и Сванте меня так утешал, вот и вышло, что он теперь мой муж, сказала мама. Извини. Как твой муж? Ведь это я должен был быть твоим мужем, ты же мне обещала. Тебя же не

было почти год, сказала мама. И ты был совсем малышом. Вот этот малыш, мой младший братик Сванте, он теперь твой муж, я никак не мог поверить. Ну да, чего тут такого, спросил Сванте. Ты же на полгода младше меня. Я помню, как тебе исполнялось восемь лет, и ты задувал свечки, такой был пухленький маленький карапуз, мечтал о щенке, и мы с Кристером и Гуниллой нашли тебе щенка, неужели не помнишь этого? Ну и что, что было. А теперь я твой папа, получается. Тебе рано было щенка, ты помнишь, что ты потом с ним сделал? Ты помнишь? Ну помню, помню. Извини, сказала мама. Малыш, малыш, мама, мама, все повторял я. Кто старое помянет, тому глаз вон, сказал Сванте. Еще новостей нет каких-нибудь, таких же интересных, спросил я. Да нет... нет, сказала мама. А чего у тебя живот, спросил я. Ах, это, сказала мама, но это же еще не новость. Вот будет новость, тогда сообщу. А как зовут эту новость, спросил я. Если будет мальчик, то Боссе, сказала мама, а если девочка, то Бетан. Это от кого, спросил я. От папы? Ну конечно, от папы, от кого же еще, сказала мама. Вот еще новость: Гунилла собирается замуж, сказал Сванте. Замуж? Впрочем, ладно. Извини, сказала мама. Ну ладно, ему надо переварить новости, сказал Сванте, покажи ему его комнату, пусть отдохнет. Да как обычно, чего там показывать, будет жить в своей старой комнате, сказала мама. Там же теперь мой кабинет, сказал Сванте. Ах да, точно. Может, пускай в гостиной спит, на диване, сказал Сванте. Нет, сказала мама, подумав. Пускай поживет в своей комнате пока, а ты будешь работать в детской, пока не родились Боссе или Бетан. Ну ладно, сказал Сванте. Хороший план. Только кроватку пока отнесем в его комнату. Извини, сказала мама. Как это умер, сказал я. Ну умер, что ж теперь поделаешь, сказал Сванте. Заткнись, малыш, сказал я. Извини, сказала мама.

3.3. Я помню это как вчера. Раздался звонок в дверь. Сванте открыл, вошла Гунилла. На ней были красивые бусы. Привет, Сванте, сказала Гунилла, и мне тоже сказала привет. Осторожнее, помой руки, разуйся здесь, сказал Сванте. Привет, привет, не виделся сто лет, сказал я Гунилле. На две недели раньше срока, сказал Сванте. Очень тяжелые роды, не утомляй ее. Конечно, конечно, сказала Гунилла. Гунилла! Как я рада тебя видеть, сказала мама. И я вас тоже, фру Плунт... Свантесон. Они со Сванте засмеялась, а мама устало улыбулась. Поздравляю вас, фру Свантесон! Ура! Покажите же мне ребеночка. Ах, как похож на Сванте, просто удивительно. Действительно, очень удивительно, сказал я, ты же мне говорила, что он от папы. Не надо ее утомлять, ради бога, закричал Сванте. Выйди из комнаты! Сам выйди, малыш, закричал я. Выйди, пожалуйста, правда, сказала Гунилла, и я вышел, крикнул в двери «Малыш!» и хлопнул ею. Взял книжку почитать, но снова кто-то пришел, и Сванте с Гуниллой помчались открывать. Это оказался Кристер, он сказал привет, Сванте, привет, Гунилла, и мне тоже сказал привет. Осторожнее, руки мыть, в прихожей разуваться, весело сказал Сванте. Привет, Кристер, сказала Гунилла. Привет, сказал я. Ну, покажите мне фру Свантесон, закричал Кристер. Как я рад вас видеть, сказал он маме. И я тебя, Кристер. Поздравляю вас, фру Свантесон! Покажите ребеночка! Ух ты, как на папу похож! Я промолчал, потому что внутрь меня не пустили. Ну что ж, пойдемте пить вино по такому случаю, сказал Кристер. Они вышли из комнаты. Посидишь с нами, Йон, спросил меня Кристер. Вы что, ему еще рано, засмеялся Сванте. Это тебе еще рано, малыш, закричал я. Тут меня позвала из родительской комнаты мама. Йон, посиди с мной, Йон, сказала она. Почитай мне книжку, Йон. Меня зовут Йон! И я сидел в комнате и читал ей книжку, не помню, какую, пока Кристер, Гунилла и Сванте пировали на кухне. Потом я пошел в свою комнату и попытался разжечь там на полу костер. Но его довольно быстро потушили. Оставьте меня с Гуниллой, закричал я. Я принесла тебе обратно все твои подарки, сказала Гунилла. Я выхожу замуж. Так ты порядочная девушка, спросил я. Ну, конечно, я порядочная девушка, сказала Гунилла. И красивая? К чему ты клонишь? К тому, что если ты порядочна и красива, то это несовместимо. Разве порядочность не сопутствует красоте? Конечно, сопутствует. И скорей красота погубит порядочность, чем порядочность спасет красоту. Раньше это было парадоксом, а теперь доказано, посмотри на мою маму. Я тебя когда-то любил.

Я знаю. А вот и нет. Не любил. Ну что ж, тем обиднее. Ну и иди нахрен. Уйди в монастырь. Стань писательницей. Смени имя, я не говорю про фамилию. Вам, женщинам, нас, мужчин, больше не одурочить. Давай я за тобой запру, чтоб этот придурок Кристер не вломился. Я все же тебя любил. Ну пока, ага, ладно, ну пока-пока. Еще увидимся. Ну ладно, пока.

3.4. Я помню это как сейчас. Ты знаешь, кто я, спросил Сванте. Конечно, знаю, ты фишмонгер. Нет, я не фишмонгер. А я говорю, что фишмонгер. Конечно, нет. А раз нет, то не мешало бы тебе быть таким же честным. Фишмонгеры честные? Да. Это такая редкость, один из десяти тысяч только честный. А среди фишмонгеров один из ста. Согласен. Согласен. И я согласен. Давай мириться, переставай валять дурака. Есть у тебя дочь? Да, есть. Как ее зовут? Бетан. Я так и знал. Так и знал. А что ты читаешь? А я тут разговариваю с одним малышом. Что за малыш? Ну, такой семилетний малыш, который мечтает о собаке, но еще не знает, что не справится с ее воспитанием, и эту собаку придется выкинуть из окна. А все будут думать, что она сама, собака, выпала из окна. Вот с этим малышом я разговариваю. Ха-ха! Здесь же его нет, малыша. Ну ты просто его не видишь. Хорошо, а что он говорит тебе, этот малыш? Ты не хочешь этого слышать. Нет, хочу. Нет, хочу, нет, не хочешь, нет, хочу. Ладно, ты сам напросился, сейчас мы его и спросим. Да здесь же нет никого. Я сказал ему, что старого Йона Плунта не укусила змея, он умер не от горячки, не выпал из окна. Старого Йона Плунта убил Сванте, чтоб жениться на его матери раньше молодого Йона. Это чудовище, сказал Малыш тонким голосом, он сам змея, змей-искуситель, со своим даром остроумия, вероломным, колдовским даром, будь прокляты такие дары, когда от них такие соблазны, это чудовище совратило маму с пути истинного. Это ты в Виттенберге научился чрево... Не перебивай его, ты же сам просил. Теперь терпи. О, что это было за падение! От отношений с человеком, высоким во всех отношениях, с которым она шла рука об руку с клятвы, данной в церкви в Гетебоге – пасть до интрижки с сущностью во всех отношениях ничтожной, особенно в сравнении со своим мужем... Довольно, сказал Сванте, с меня хватит. Чего ты хочешь? Ты спрашиваешь меня или Малыша? Никакого Малыша не существует! Я существую, сказал Малыш. Он существует, сказал я. И я требую собственную комнату, сказал Малыш. И он требует собственную комнату, сказал я. Да живи с ним вместе, пожалуйста. Но я не могу жить с взрослым в одной комнате. А я не могу жить с ребенком в одной комнате. Ну у нас правда нет больше комнат. Смотри: пока Боссе и Бетан маленькие, ты можешь жить в третьей комнате, они будут вместе, но когда они подрастут... А что с домиком на крыше? Да, Малыш, ты прав, что там с домиком на крыше? С каким домиком на крыше? Ну ты что, малыш, не помнишь, мы с тобой были маленькими, играли на крыше, там был пустой домик... Надо же, Сванте не помнит, а Сванте восьмилетний помнит. А, да, припоминаю, домик на крыше! Вроде он до сих пор продается. Я проверю. Проверю. Но это получается, я все-таки буду жить не с мамой. Но ведь другого выхода нет. Ладно, тогда так. Я готов жить не с вами, я вижу, как я уже вам осточертел. Готов. Но только тогда сделаем вот что. Я вообще уеду в Англию, а потом в Вестергетланд. Я даже сменю имя. Но с одним условием. С каким? Малыш будет жить у вас. Вы его не выгоняете. Вы находите ему каждый год новых семилетних Кристера и Гунилла. Они с ним дружат. Они дарят ему на каждое восьмилетие щенка. Когда проходит положенный срок и щенок умирает, после положенного срока, как это ты говорил? Обязанность хозяина какое-то время проявлять по собаке угодливую печаль; но погружаться в нескончаемый траур – путь в нечестивость. После положенного срока вы дарите Малышу на восьмилетие новую собаку. И мне все время будет то семь, то восемь лет? Да, Малыш, тебе все время будет то семь, то восемь лет. Только я хочу, чтоб собаку мне дарили пораньше, пока не пройдет еще положенный срок. Молчи, мальчик, когда взрослые разговаривают. Так что, по рукам? Мне надо подумать. Йон... Да, что ты хочешь сказать, Малыш? Казалось, она крепость целомудрия, но как истинная добродетель устоит перед любыми чарами разврата, точно так же и похоть, даже будучи на небесах, презреет ангельское ложе и предпочтет помойную яму... Ладно, по рукам.

И смотри, я буду приезжать к тебе иногда из своего Вестергетланда, чисто поправить здоровье, посмотреть, все ли в порядке, все ли как мы договорились. Да. Да. Да. Да. Да. Звать меня будут дядя Юлиус. Иногда я буду инкогнито бывать в нашем домике на крыше, я уже приобрел его в аренду на девяносто девять лет. Но не бойся, ты меня никогда не увидишь. Никто из вас меня не увидит. Кроме Малыша, естественно, да, Малыш? У меня есть специальный маленький пропеллер, и мы с тобой будем веселиться. Да? Да. Да. Да. Да. Да. Поклянись здоровьем матери. Обоих наших матерей. Да. Да. Да. Да. Да. Малыш, ты все слышал. Да, Йон. Не Йон, а дядя Юлиус. Да, дядя Юлиус, я все слышал.

3.5. Я уехал в Вестергетланд, но меня никак не могло отпустить. По большому счету я блефовал. Если Сванте решит не соблюдать наши договоренности, что я мог ему сделать? Но нет. Он был слишком напуган. Я часто бывал в домике на крыше и наблюдал за семейством Свантесонов, а также время от времени я приезжал к Сванте в качестве дяди Юлиуса Янсона, и все было честно. Семейство, конечно, ненавидело меня – все, кроме Малыша. Боссе и Бетан относились к игре в Малыша как к причуде родителей, но в целом не возражали. Все было нормально. Сванте адаптировался, и мне это не нравилось. Мне нужна была его кровь.

С Гунилой я, конечно, сошелся. Она последовала моему совету и сменила имя на Астрид. У нас родился (внебрачный) сын Карл, и он был ровно то, что нужно – толстый и капризный. Он был мне противен. Гунилла тоже растолстела, и я перестал ее любить за то, что она породила такого уроду¹. Она меня тоже разлюбила, и расстались мы более или менее безболезненно. Карл все время хотел есть, у него были воображаемые друзья, которые научили его плохим словам и вульгарной музыке и которых я никогда не мог увидеть, он ненавидел животных. Как и его мать, он очень любил деньги. Полная противоположность мне. Внутренне. Но не без задатков. А внешне, если не считать ожирения, довольно сильно на меня похож. И это было, эта комбинация качеств, была, как я уже сказал, то, что надо. Почему Карл так напугал Сванте – потому, что он подумал, что это я вернулся, я, Йон Плунт из его детства, только чудовищно растолстевший и опухший. Я раздобыл для Карла самую дурацкую одежду его размера, которую смог найти, собственноручно привязал к спине вентилятор, дал все вводные для роли Йонсона. Карл стал спорить: ему не нравилась фамилия Йонсон. В этом он весь: какую бы простейшую вещь у него ни попросить, обязательно все испортит, обязательно захочет все сделать по-своему². Сошлись на фамилии Карлсон. Как будто он сам себе отец. Жаль. Йонсон было наилучшим вариантом, учитывая ту фамилию, которую я взял как дядя Юлиус – Янссон. Карлсон, мне кажется, был наихудшим из возможных вариантов. Но я не возражал. Я был не в той позиции, чтоб возражать. Ведь это же был, в конце концов, мой сын, а кроме того, от его старания зависел успех моего предприятия. Карлсон так Карлсон. Не так уж принципиально.

Если не принимать в расчет мое тщеславие, обоснование моего сына даже в чем-то красиво и логично. Ведь Малыш – значит маленький (en lillebror betyder en lilliput), и, значит, раз он лилипут, то и я тоже должен быть лилипутом, а иначе нечестно и я так не играю. А знаешь, как по-польски будет лилипутство? Karłowatość. Значит, Карлсон. Не знаю, кто его по-польски надоумил.

Местные гопники Филипп и Рудольф раздобыли мне копию ключей квартиры Свантесонов, и я мог теперь всегда попадать в их дом. Один раз перед очередным визитом очередных Кристера и Гуниллы я устроил так, чтобы они встретились с Карлсоном и запустили процесс кристаллизации, овеществления туплы, как было подробно описано в пунктах второй части настоящего трактата. Дальнейшее вы в общих чертах знаете.

¹ Не урода, а успешного ученого, в меру упитанного мужчину в самом расцвете сил, лучшего в мире рисовальщика петушков, отца троих детей и PhD в области философии из Виттенбергского университета.

² Вообще-то это называется упорство.

3.6. Осталось рассказать о фрекен Хильдур Бок. Вот найм домохозяйки устроил не я. Все, что случилось дальше, было только закономерно. Машина событий была запущена и работала с точностью швейцарского часового механизма смерти. Она (фрекен Бок) действительно мне нравилась (как человек), и я решил вытащить ее из этого гадюшника. Я увез ее в Вестергетланд и нашел там работу домоправительницей у хорошего человека с тремя детьми, вдовца. Они потом поженились.

3.7. А я уехал за границу и больше никогда не возвращался в Стокгольм и не видел ни семейство Свантесонов, ни Карла, никого, никого. Даже в свой последний приезд в Швецию в Стокгольме, тем более в Вазастане, я не останавливался.

Нет, вру, один раз все-таки был. Я написал книгу, где в завуалированном виде рассказал обо всей этой истории, чтобы Сванте Свантесон прочел ее, и ему, наконец, СТАЛО СТЫДНО. Используя связи Гуниллы в издательском мире, я уговорил ее поставить свое имя на обложку, и книга стала хитом. Классическая ситуация win-win, даже win-win-win; выиграли все: я облегчил душу, Астрид заработала денег, и даже семейство Свантесонов осталось в выигрыше – никто не понял подоплеку, и вместо всеобщего осуждения Свантесоны получили всеобщую популярность. Впрочем, это выигрыш сомнительный, если вспомнить, как папа в книге просил остальную семью никому о Карлсоне не говорить.

3.8. Книга о Карлсоне стала почему-то особенно популярна в Советском Союзе. Да уж ясно почему! Тут-то умеют ценить духовных Прометеев, несущих людям огонь знаний. Хорошо все-таки, что я существую, лучший в мире эксперт по Карлсонам, Коперник, видящий жемчужное зерно там, где не видят другие, хотя оно и лежит у них перед глазами. Ровно как старушка и очки. А если и видят, то говорят: к чему оно? Какая вещь пустая! А я, признаться, был бы гораздо более рад зерну ячменному¹ – те еще хуже, презренные филистеры. Они даже хуже моего сынули². Тот хотя бы живой³. Профанное пламя уже не загасить, а огонь знаний тухнет постоянно. Потому-то я и переехал в Москву и выучил великий русский язык⁴.

¹ Оно не столь хоть видно, да сытно.

² «Сынуля» на самом деле, как уже было сказано, – успешный ученый, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, физических и моральных, лучший в мире рисовальщик петушков, отец троих детей и PhD в области философии из Виттенбергского университета.

³ Вот это чертовски верно!

⁴ Йон Плунт-младший, он же Юлиус Янсон, умер до распада Советского союза. Комментарии к тексту написал, а также необходимые правки и дополнения в первой части трактата внес его сын, Карл Карлсон.

Михаил НЕМЦЕВ

«И БЕЖИШЬ К НЕЙ А ОНА
ДУМАЛА СВОЙ ВНУТРЕННИЙ СТРАХ»:
О воспоминании и понимании в стихах Сергея
Шубы

Сергей Шуба живёт в Новосибирске. Там же выходят малотиражные сборники его стихов. С одной стороны, поэтический материал, с которым он работает, вполне типичен и поэтому узнаваем. Он пишет об «обычной», сразу же узнаваемой повседневности недоброй жизни в российской городской провинции. С другой стороны, я распознаю в его стихах важное для меня, как читателя, и дорогое мне переживание, замеченное и осмысленное Сергеем. Внимание к такому опыту я считаю важной особенностью стихов Сергея Шубы, и именно его я редко встречаю в современных стихах. Это переживание я предварительно назову *опытом понимания возможности*. Наблюдения за поэтикой Сергея Шубы я постараюсь представить на примере стихотворений из его нового сборника «Слепые пятна»¹.

1.

Многие стихи Сергея представляются мне по сути своей комментариями к важным, но не называемым событиям. Персонаж Сергея придумывает их «сам про себя», чтобы сконцентрировать проживаемую повседневность, чтобы волей-неволей пережитое превратить таким образом в опыт. Точнее, чтобы извлечь из неё опыт посредством метафор, которые позволяют говорить о чём-то как бы вскользь, избегая называть события и явления своими именами. Однако, выдумав эти метафоры, он сразу же начинает их как бы внутри себя обсуждать, пробовать на вкус, выражать другими

словами, переходит к внутреннему обсуждению их, конденсируя уже их с помощью других метафор. И вот о таком вторичном обдумывании и написаны его стихи. Следовательно, их нужно читать как комментарии к продуманному о чём-то случившемся – или, точнее, даже так: к продуманному о том, что случилось вместо того, что могло бы случиться. При чтении его стихов приходит на ум слово «метаметафоризм». По этим метаметафорам, как по налётам (улика, оставленным Сергеем в тексте) можно восстановить оставленное им «за кадром» стихотворений.

При этом у Сергея много «обычного» поэтического бытописательства. Его стихи написаны почти всегда свободным стихом от первого лица с нарративной интонацией, имитирующей разговорную речь. Их персонаж всегда один и тот же, что не удивительно. Думаю, что само по себе документально точное описание этого жизненного мира, тщательно вновь и вновь выписываемого, Сергей Шуба считает своей специальной художественной задачей. Жизненные миры «не выбирают», как и времена в известном стихотворении Александра Кушнера. Но, оказавшись в одном из них, можно его повнимательнее рассмотреть – он интересен, потому что именно там, внутри этого жизненного мира и происходят события, осмысляемые в этих стихах.

Лирический персонаж Сергея – всегда мужчина неопределённого возраста «после молодости», но ещё вдали от старости – без «дома» как такового, хотя с крышей над головой. «Смотришь и думаешь: другого в этом городе нет и не будет / смотришь и думаешь: пластиковых коробок у мусорного ведра уже много». Живёт он в каких-то не вполне уютных, не холодных и не жарких помещениях, где нормально (типа, есть вайфай, стол, где лечь и т.д.) – но долго жить там и невозможно. Да никто не собирается. По сути своей, его съёмные комнаты, кухни, квартиры – не более чем локализации, чекпойнты. Место житель-

¹ Сергей Шуба. Слепые пятна. Новосибирск: А-СИБ, 2020. – 80 с. Электронная версия сборника на сайте «Полутона». Все цитаты, кроме специально обозначенных, – из этого сборника.

ства ведь и нужно, чтобы происходящее где-то могло бы происходить. Именно чтобы можно было противопоставить обыденность места события и самого События, относящегося к внутренней жизни и потому противостоящего внешним обстоятельствам, эти последние требуют точного описания. Сергей без иронии документирует такой быт. Как писал он в более раннем стихотворении, «Я больше не стану там жить / И сдвинусь в этой жиже дней / В другой район / Кому я вру / Здесь чёрствый хлеб, вай-фай, / Немытые окна. / Лампочка в люстре / Часто перегорает»¹. Не живётся где-то, дни превратились там в «жизю» – ну, переезжаешь в другой район. Там будет то же самое. Но сам этот переезд, может быть, немного улучшит самоощущение (конечно, «вай-фай» по новому адресу должен быть, это – минимально необходимое условие обустройства).

Поэтому Сергей охотно указывает места действия, походя сообщает названия районов, улиц и магазинов. Они обычно где-то неподалёку («уже ты говоришь никогда / на зависть коллекционерам / но думаешь о домах на Горького / консерватория там / купца и ещё кого-то»).

Неустроенность этого быта, невозможность укоренения и т. п. в привычном смысле этого слова оказывается первейшим условием существования в этом мире. Неустроенность не проблематизируется, не обсуждается, она сама собой подразумевается. Как необходимость пить и есть. Кто же будет спорить и не соглашаться с необходимостью есть. С необходимостью спать. Происходит ли что-то в т. н. «жизни», кроме обслуживания повседневных нужд, вот вопрос.

«Жизнь откусывает от тебя по дню / А ты длишься в бесконечность / Но не знаешь этого»².

Жизнь, монотонно сосредоточенную на этом длении-выживании, и только, можно называть «урезанной».

¹ Сергей Шуба. Кому я вру. Новосибирск: Здесь, 2017. С. 14.

² Сергей Шуба. Кому я вру. Часть 2. Новосибирск: Здесь, 2017. С. 42.

Вот её схема: «ходит на работу // и домой // чаще молчит // ни на кого не смотрит // потом умирает»³. В этом коротком стихотворении с узнаваемым эскизом жизненного сценария каждая строка выделена в отдельную строфу, и это графически обозначенное одиночество каждой строки подчёркивает одиночество персонажа. Он повернут внутрь себя, его молчание не означает недомыслия. Он похож на молчуна-мыслителя Алёшу Бесконвойного из одноимённого рассказа Василия Шукшина, о чьих сложных экзистенциальных размышлениях знает читатель рассказа, – но не подозревают его соседи и односельчане.

Поэтому только и остаётся, что сосредотачиваться на внутренних событиях. Они – да, происходят. Сосредотачиваться на них удобно на ходу, во время ходьбы. «Надо радовать прекрасных женщин / Бессмысленно думаешь шагая / С левого берега на правый / На встречу»⁴.

Но именно она, повседневность «урезанной» жизни, и оказывается сценой, местом действия для того, что могло бы происходить, но не происходит. Тем не менее, его можно себе хотя бы мгновенно представить. Что может быть дороже такого мгновенного представления?

2.

Итак, покинуть свою локацию можно, отправившись на работу или на встречу. Выйти из дома и куда-то пойти. Однако можно в принципе и никуда целенаправленно не идти. Бесцельно прогуливаться. «Ходить по жизни вокруг да около / как / Гильгамеш».

При ходьбе может происходить, случаться некоторый мысленный «пробег» от точки здесь и сейчас, от действительности «урезанной» жизни – до другой, до некой возможности, до точки существования в полноте. Я наберусь смелости назвать такой мысленный пробег *трансценденцией*. Именно там, в будто бы невероятной, но возможной точке полноты,

³ Там же. С. 33.

⁴ Сергей Шуба. Хриплый звук // TextOnly. 2017. № 46.

Так человек вспоминает событие вместе с его изнанкой: сбывшееся с несбывшимся.

Эти мгновенные воспоминания всегда меланхоличны. Меланхоличность и укоренена в этом знании, как могло бы быть. Но знание такого рода всегда «приходит» из прошлого, вместе с припоминанием. Поэтому оно в первую очередь не раскрывает новую возможность, но сообщает то, что её уже (или больше, или совсем) нет. «Там и тогда» – не знал, а теперь, уже *post factum* – знаешь. И знание, что возможность – была, ценнее вторичных соображений о том, в чём именно она могла бы состоять.

Дальнейший текст описывает подробности воспоминания, при том что само оно так и не названо. Строка «*когда тебя позовут несколько вымерших*» начинается с неявного солагательного наклонения в «*когда... позовут*» (если позовут? когда донесётся призыв? если вообще донесётся призыв?). Но вот, «вымершие» – призвали. Почему их «несколько», я не хочу обсуждать (возможно, что и нипочему). Важнее – почему они «вымершие». Это нечастое слово подразумевает сложную структуру прошедшего времени: «вымершие» были и перестали быть (именно *вымерли*) ещё до того, как началось то время, которое теперь стало прошлым. О «вымерших видах» говорят так потому, что уже после их смерти прошёл какой-то период времени, в котором их уже не было. Он дополнительно отделяет нас, теперешних, не просто от «них», но именно от их смерти. Поэтому они – до-исторические виды.

О «вымерших» можно сказать, что их не просто фактически уже нет, но так давно и безоговорочно нет, что уже и быть бы не могло (следовательно, уже и не будет?). Кроме того, «вымершие» – древние и поэтому малодоступные, редкие. Поэтому призыв или, точнее, *зов* от «нескольких вымерших», – это припоминание о некоем по-настоящему давнем (возможно, погребённом под тем, что происходило потом позднее). Оно из-за своей редкости, а ведь ценно именно редкое, всегда застает врасплох. И инициирует сложное припоминание.

От мгновенного осознания несбывшегося у рассказчика перехватывает дух. Поэтому пер-

вая мгновенная реакция на такой внезапный проблеск прошлого – отвержение: о нет, зачем мне это? Или: почему сейчас? Почему (опять) я? Поэтому читаем «*подумаешь: че такова*». За этим произвольным отказом – попытка как бы уговорить, «отговорить», отсрочить припоминание. Как сразу же выясняется, это припоминание о встрече.

Такое припоминание не только внезапно, оно произвольно. Поэтому в нём есть что-то от откровения, которое навязывает себя, подчиняет волю и захватывает внимание. Оно возникает мгновенно – за разговорами, синхронно с поворотом головы куда-то на реку, с прислушиванием к обсуждаемому где-то в дальнем конце комнаты, с запахами готовящейся еды и так далее. Занимаясь всем этим, мы ни на мгновение не можем остановить работу сознания, мы не перестаём думать. И поэтому благодаря какой-нибудь случайной ассоциации может вдруг возникнуть припоминание. Реплика «*че такова?*» выражает естественный жест отталкивания, он обращён к самой этой принудительной силе припоминания, которая как бы утаскивает куда-то, в какое-то прошлое. Так происходит работа памяти – и понимания чего-то недопонятого или даже вообще не понятого тогда, там.

«*я фильмов смотрел немного*», продолжает свои отговорки персонаж Сергея. Но теперь-то как раз начинается этот характерный для его поэтики метафорический комментарий к метафоре. Почему там, в воспоминаемой ситуации нужно было оправдываться или объясняться в том, что фильмов «*смотрел немного*»?.. Эту улику трудно интерпретировать иначе как реплику из разговора. Тема и предмет разговора не определены, хотя из дальнейшего ясно, что тот разговор вообще едва ли пошёл так, как хотелось персонажу.

«*и Фенимора Купера пересказывал девушке в бигудях*». Много может быть причин начать пересказывать Фенимора Купера. Такой может стать и подвернувшийся повод поговорить, и некая красивая история из (сравнительно экзотической) книги, и желание представить

себя в особенно хорошем свете, и что угодно ещё. Акцентирована в этой строке повседневная деталь: «в бигудях». Беседа на отвлечённые темы с «*девушкой в бигудях*» должна ведь происходить в какой-то доверительной, возможно даже почти интимной для неё ситуации.

«Пересказывал», говорит о себе персонаж. Пересказ – заведомо повторное действие. Это не рассказ (который может быть творческой выдумкой, сказом), пересказ происходит после прочтения и зависит от него. «Пересказывание» некоего писателя, заведомо не имеющего отношения к происходящему здесь-и-сейчас, представляет собой действие, делаемое вместо другого действия. Например, вместо того, чтобы произнести слова, в такой интимной ситуации более уместные. «*Фенимора Купера пересказывал*», говорит персонаж Сергея, комментируя собственные интенции в том разговоре, какими они вспомнились сейчас – и были сразу же взвешены и оценены. И найдены легковесными.

Но ведь и весь этот разговор был как-то заповиновен. Можно заметить последовательность:

Немного – ПЕРЕсказывал – ПОЛслова

– она сама по себе намекает на вполне однозначную оценку происшедшего.

Почему же «натренькает» – «*варакушка*»? Это маленькая птичка из семейства воробьиных. Смею предположить, здесь варакушка – просто девушка, молодая женщина, возможно, та же самая, «в бигудях», детали разговора с которой персонаж сообщает во второй части стихотворения. Возможно, она чем-то напоминает воробья, и персонаж называет её так в диалоге с самой собой по ассоциации. Возможно также, что автора привлекла чисто фонетическая возможность произнести здесь смягчающий уменьшительный суффикс, чтобы передать своё нежное отношение.

«*ВымеРиших... ВаРакушка*» образуют рамку, заключающее в себя припоминаемое событие. Следовательно, главным вспоминаемым событием и был разговор с девушкой, о котором как бы для отвода глаз или от смущения сказано нарочито легкомысленно – «*натренькает...*

на полслова». Этот разговор был ожидаем, но не произошёл. В последней строке даётся его формула. Здесь действия несостоявшихся собеседников противопоставлены одно другому – в длинной строке, с точно поставленной цезурой:

и бежишь к ней а она думала свой внутренний страх

Персонаж устремлён к ней – и предпринимает различные речевые действия (говорит о чём-то, хоть бы и о Фениморе Купере, лишь бы «тренькать»), – а она не может воспринять это, не может двинуться навстречу – дополнить событие встречи, потому что сосредоточена на самой себе – на неизъяснимом другому («внутреннем») страхе.

Он и она находятся рядом, но взаимодействия – взаимного действия, разговора, беседы, встречи – не случается. Эта невозможность смущала его (поэтому вдруг и «*подумаешь: че такого*»), но при внезапном немотивированном, спонтанном воспоминании находится разгадка, почему же так. А именно: *а она думала свой внутренний страх*.

Внутренний страх «варакушки» непостижим – это другое сознание, и этим поставлен объективный предел возможности что-то ещё о ней понять. Поэтому тут-то и конец стихотворения, в котором обычное утро с разговором о пикнике развернулось в краткий, но детальный отчёт о воспоминании о когда-то в прошлом желанном, но неслучившемся (разговоре? дружбе? – в общем, «близости» в самом общем смысле этого слова). Воспоминание высветило внутреннюю логику события, – недоумённо не понятого тогда, но понятого сейчас. Тот прошлый разговор раскрыл свой внутренний потенциал, не использованный, но всё-таки существовавший.

Персонаж романа Александра Грина «Бегущая по волнам» вспоминает короткую встречу с незнакомой женщиной и описывает, быть может, этот же механизм отложенного понимания другой возможности:

«Её краткое пребывание... тронуло старую тоску о венке событий, о ветре, поющем мелодии, о прекрасном камне, найденном среди

гальки. Я думал, что её существо, может быть, отмечено особым законом, перебирающим жизнь с властью сознательного процесса, и что, став в тень подобной судьбы, я наконец мог бы увидеть Несбывшееся. Но печальнее этих мыслей – печальных потому, что они были болезненны, как старая рана в непогоду, – явилось воспоминание многих подобных случаев, о которых следовало сказать, что их по-настоящему не было. Да, неоднократно повторялся обман, принимая вид жеста, слова, лица, пейзажа, замысла, сновидения и надежды, и, как закон, оставлял по себе тлен. При желании я мог бы разыскать девушку очень легко. Я сумел бы найти общий интерес, естественный повод не упустить её из поля своего зрения и так или иначе встретить желаемое течение неоткрытой реки. Самым тонким движениям насущного души нашей я смог бы придать как вразумительную, так и приличную форму. Но я не доверял уже ни себе, ни другим, ни какой бы то ни было громкой видимости внезапного обещания».

Вот так и персонаж Сергея уже понимает, что не доверяет себе – и не доверял ни себе, ни ей тогда, когда она всматривалась в свой другим неведомый страх, и поэтому встреча могла быть только *полу-встречей*.

3.

Другое стихотворение сборника (с. 68) тоже всматривается в такое воспоминание:

мой друг уехал на берег Финского залива
в край мертвых
поначалу звонил
потом я писал ему короткие сообщения
потом его аккаунт стал напоминать
пустой дом
на прогулке я вспоминал как мы
ходили этими улицами
рассказывали истории про Барнаула
и Ростов-на-Дону
обсуждали альбомы местных
и великих групп
теперь кажется что они отправили нас
в никуда
совратили с истинного пути

и всё же мне на территории долгой ночи
интересно какую музыку он слушает

Ключом к этому простому стихотворению я полагаю предпоследнюю строку. А в ней надо обратить внимание на слабое противопоставление «и всё же». К чему же оно относится?

Всё стихотворение представляет собой лирическую элегию – воспоминание о дружбе, которая сошла на нет, когда расстояние между друзьями лишило их возможности непосредственного общения. Здесь автор обращён не к определённом во времени событию, а к самому событийному времени, – и оно в итоге превращается в безвременье, в «вечность».

Сергей Шуба сам переехал в Новосибирск из Ростова-на-Дону. Эта подчеркнутая биографическая деталь вместе с географической локализацией событий придаёт подчеркнуто биографическое, мемуарное звучание его рассказу. Его собеседник, если верить намёку, родом из Барнаула. Их прогулки – это прогулки слегка загрустивших странников в чужом городе. Сергей вводит в игру мифологию (север как «край», или страна «мёртвых» в евразийской мифологии, и Сибирь как «территория долгой ночи», что отсылает к неомифологии «Игры престолов») – при том, что в принципе он редко использует цитаты и реминисценции. Этим он придаёт своей частной истории экзистенциальный универсализм.

Метонимически описано постепенное истощение связи, вплоть до её исчезновения: персонаж перебирает коммуникативные средства, переходя от требующих непосредственного ответа, т.е. соприсутствия, к таким, где непосредственный ответ в принципе не подразумевается (телефон sms блог). Их близость на основе совместного интереса к музыке оказалось слишком поверхностной. Темы, которые увлекали при общении лицом к лицу, когда сама близость и взаимопонимание важнее тематического содержания при этом («обсуждали альбомы местных и великих групп»), выявили свою пустоту.

Когда Сергей пишет далее «*совратили с истинного пути*», можно прочитать эти слова как

запоздалое открытие: путь, т.е. общение, мог бы быть другим. Но тогда, во время тех прогулок, свернуть на другой путь было невозможно. Потому что хотелось говорить о музыке и личном прошлом, то есть наслаждаться близостью и взаимопониманием, рассказывая историю из своего прошлого. Я пишу «хотелось», ведь «*совратили*» сказано с иронией: именно увлекли желанием, чувственным стремлением переживать дружескую близость-дружбу. Автор апофатически утверждает здесь возможность другого пути, другой возможности. Вся первая часть стихотворения оказывается предисловием к событию понимания этой возможности. Она не названа прямо. Но читатель замечает её, когда она противопоставляется пережитому вместе.

Можно предположить, что альтернативная перспектива открывалась тоже через эстетический опыт – тоже через слушание музыки, но другой – «*интересно какую музыку он слушает*». Важно, что «*слушает*» он уже в настоящем времени. Бывшие собеседники уже настолько удалились друг от друга, что исчезла столь важная в дружеском общении необходимость в согласовании времён. Пропав, отношения переместились в мифологическое вечное настоящее. Возможно, и «он, где-то там» тоже сейчас по-новому переосмыслил отношения (хочется использовать кастанедианское слово, здесь – уместное: «провёл их перепросмотр»). И там-то он слушает теперь «правильную» музыку. Следовательно – хотя бы для него какая-то альтернатива состоялась.

В этом стихотворении Сергей тоже показывает, что воспоминание о несбывшемся несёт в себе понимание прошлого события и того, почему оно не могло состояться в полноте. Это осознание, пусть это лишь всегда-уже-опоздавшее понимание возможного, преодолевает «урезанное» повседневное существование.

Взгляд назад, внезапная оглядка в прошлое дают ценное знание о самом себе. На такое новое знание рассказчик может только намекнуть, превращая всё стихотворение в развёрнутый комментарий к опыту понимания.

Но само знание о такой возможности освобождаёт. Хотя бы только тем, что напоминает: «урезанная» повседневность» – это не всё. Случающееся с нами – это не всё, что с нами может быть. Не всё, чего мы достойны.

Сергей Шуба скользит по тонкому льду интонационных намёков, но такой лёд – родная почва поэзии. Его стихи заслуживают прочтения как документация событий самоосознания, самоосвобождения. Он продолжает модернистский поэтический разговор о сознании другим языком. В его стихах этот разговор случается в декорациях съёмных квартир российских окраин. Так уж нам всем довелось жить, и на этой сцене и случается наша трансценденция. «*Смотришь и думаешь: другого в этом городе нет и не будет (...) смотришь и думаешь: сейчас дочитаю и пойду хотя в сущности я свободен*».

Нина АЛЕКСАНДРОВА

САМАЯ СТРАШНАЯ В МИРЕ ЛЮБОВЬ

Егана Джаббарова. Красная кнопка тревоги. – Киев: Paradigma, 2020. – 60 с.

Егана Джаббарова, финалистка премии Драгомощенко, одна из авторок только что вышедшей в Англии антологии русского ф-письма, исследует в своих стихах не просто актуальную тему насилия и травмы – а смотрит на них сквозь призму национальной идентичности. Эта неожиданная смесь позволяет увидеть и проговорить некоторые явления, отделенные от читателя не просто фигурой умолчания вокруг них в реальности, но и железным занавесом другой культуры.

Национальный ориентальный колорит в стихах Еганы ни в коем случае не культурная апроприация, она родилась в азербайджанской семье, выросла внутри мусульманской культуры, но при этом – в России, защитила кандидатскую диссертацию по русской филологии

и таким образом находится на стыке культур. С одной стороны здесь – серебряный век русской поэзии и оптика европейского модернизма, с другой – турецкий язык, мусульманский фольклор и восточный антураж. Егана говорит о насилии, боли и смерти вокруг – которая никуда не исчезает даже внутри этой резной восточной шкатулки, а наоборот, становится только страшнее («благочестивый мусульманин бьет свою жену по лицу / так что раздробливает главную кость лица»).

При этом тексты Джаббаровоной не только о насилии над женщинами – здесь угнетенными выступают и бедный мужчина с сыном, и геи, убитые родными, и раковые больные, и умирающая бабушка, задыхающаяся от беспочвенной ревности, и случайный попутчик с гигантским родимым пятном в виде мыши. Боль всеохватывающая, никто не спрячется «везде куда ни плюнь / остывает земля от лихорадки / копошатся страхи ползают сновидения».

Прошлая книга поэтессы «Поэма Ромберга» фиксировала чувства, сконцентрированные преимущественно вокруг личных переживаний, а в «Красной кнопке тревоги» они распространились на мир вокруг, стало видно, что страшно и больно каждому, что каждый такой же, как ты («жестокосердная жизнь проходит по земле / ничего за собой не оставляя»).

Авторский взгляд выхватывает из реальности мелочи, вещи (платок на лысой голове матери, ярко-желтая кладбищенская земля на кроссовках, красивый серебряный полумесяц брата, «жилет из дешевой ткани с большой пуговицей посередине»), каждая из которых разворачивается в целую историю – о любви и хрупкости, о постоянном фоновом страхе за каждого близкого и родного («когда ты улетаешь на три дня и садишься в белый самолёт / когда брат идёт в школу и несёт тяжелый рюкзак / когда фойе театра наполняется людьми / я испытываю страх / страх и ничего больше»).

За всеми жуткими историями, которые рассказывает Егана, всегда «самая страшная в мире любовь» – сестры к сестре, которую она убивает, но с которой остаётся навеки связана, матери к ребёнку – неважно, станет он преда-

телем или нет, бабушки – к внучке, с которой она за всю жизнь заговорила только однажды. Это мир страшной вывернутой наизнанку любви, о которой не могут рассказать друг другу даже близкие, где ее постоянно приходится заменять чем-то странным («я хочу чтобы ты ела равняется / люблю») – ведь способности говорить о ней нет, нет способности называть вещи своими именами, давать понять значимому другому, что он важен.

В таком мире насилие часто это невозможность сказать, как сильно я люблю тебя, как страшно отпустить и потерять.

«Ты не знал что бывает даже такая любовь»? Было бы спокойнее, если бы всё делилось на чёрное и белое, на злодеев и жертв. В мире тотального непонимания, «misunderstanding», слишком тревожно. «Вся земля пропитана тревогой / на грани припадка / вот-вот рухнет и начнёт / стонать от ужаса жизни» – потому что насилие, любовь и страх оказываются одним и тем же, слитые до полного неразличения в темноте, где «отчетливо горит красная кнопка тревоги».

Мария ВЕРСТАКОВА

СТРАШНЫЕ НЕСКАЗКИ МИЛЫ БОРН

Мила Борн. Голодный остров. Сборник рассказов. – М.: Стеклограф, 2019. – 104 с.

В книге Милы Борн восемь рассказов. Сюжеты можно назвать страшными сказками. Героев объединяют всеобщее несчастье, неумение любить, ноябрьская слякоть, незащищенность, безнадега, убожество быта. В этом аду проступают черты позднесоветского и постсоветского пространства, и страшно от того, насколько узнаваемы улицы, типажи, системы отношений. Будь в этих рассказах доля мистики, тогда было бы не так страшно, менее «про нас».

На читателя вываливается гора житейских неурядиц – студенческая беременность,

самоубийства, изведение родных, малодушие, пьянство, предательство, нищета духа и затягивающая серость провинции. Трезвыми асфальто-земляными красками написан мир, где в любой момент могут кинуть, не выполнить обещаний, забрать деньги, надежду, жизнь. И никто не защитит, даже самые близкие.

Вот пара студентов («Горькое молоко»), нарождающаяся молодая семья, сняли квартиру, ехали через весь город, еле отыскали нужный дом – и оказались на несколько часов перед закрытой дверью, без информации и без вариантов ночлега:

«...позвонили в дверь. Им не открыли. Толик застыл от растерянности. Занервничал, поставил сумку на пол и стал барабанить в дверь кулаком.

– Вот бабка сволочь! – сказал он сквозь зубы и со всей силы пнул запертую дверь ногой. – Деньги взяла. Сказала, тут откроют. А тут никого.

Толик сел на ступеньку и подпер голову обеими руками. Стал что-то прикидывать. Она села рядом. Толик посмотрел на нее.

– Что будем теперь делать?

Она пожала плечами.

– Подождем. Может, просто опаздывают?»

В мирах Милы Борн люди не умеют жить. Они тыкаются в привычные схемы – детский сад, учеба, работа. Но это не спасает от огромной тоски, которую невозможно ни отделить от жизни, ни назвать, потому что ничего для тех людей не знакомо, кроме этой тягостной горечи.

«Ночью Толик смотрел, как она спит. ...И ему начинало казаться, что это уже не она, а какая-то другая, новая, совершенно отдельная от него, незнакомая женщина, которая давно нашла нужный ответ на вопрос, что же будет дальше, но ему не рассказывает. А ведь он тоже хотел знать. Больше всего хотел, лишь бы освободиться от тупой и ноющей неопределенности, от своей слепоты».

В этом мире ребенок – это приговор, диагноз и приглашение предать тех, для кого ты единственная опора. Не я такой, жизнь такая, мог бы сказать этот Толик:

«Автобус надо было опять ждать. Он достал сигарету, закурил. Представил свой долгий путь в сторону леса – к безликой домине, в которой ждала его она, а внутри нее – мучительный вопрос, как же им быть дальше. И вдруг он ясно понял, что никакой это не вопрос. И отвечать на него не надо. Потому что это не вопрос вовсе, а утверждение. Это приговор, как диагноз неизлечимой болезни, которую хладнокровно сообщил ему врач. И ничего уже не будет дальше. Все уже случилось. И он больше не выбирает, потому что сам себе не принадлежит. <...> Ему стало отвратительно и гадко. Он вспомнил раздавленных блох на своей простыне. Докурил, бросил бычок под ноги, утопил в растоптанной жиже грязно-молочного снега. Встал и, позабыв свою ношу, налегке зашагал к метро».

В этом мире горячо молятся о смерти тех близких, кому достается чуть больше любви – как в рассказе «Голодный остров»:

«В моменты, когда <брат>, любясь отцовым подарком, доставал бережно компас из кармана, клал его на ладонь и подолгу смотрел, как магнитная стрелочка, подрагивая, совершает свой таинственный поворот, Арсений умирал от отчаяния. Ему хотелось, чтобы Борис заболел, и его положили в больницу. Или чтобы он вообще умер от какой-нибудь неизлечимой болезни. А компас остался бы и был отдан ему, младшему брату. Арсений никогда не признавался в своем тайном желании. Но оно день за днем разрасталось в нем все сильнее, заполняя его душу настолько, что, казалось, ничего другого в ней больше и не осталось».

И когда желание сбудется, ничто не перемкнет в душе Арсения. В решающий момент самое важное для героя «Голодного острова» – не попытаться спасти брата, а лишь избежать огласки:

«Черная вода колыхалась, еще не придя в себя, будто от сильного удара. В ней плавали серые осколки льда. Но кроме них не было больше ничего. Сначала Арсений закричал от страха. Но потом вдруг подумал, что на берегу его могут услышать. Прибегут взрослые, пота-

шат его на берег. И так все в поселке узнают, что они с братом самовольно пошли на Голодный. Он перестал кричать, осторожно отполз от полыни, попытался встать на ноги, встал, а потом побегал по двум парам уже протоптанных ими следов».

Злодеев в этом грустном, бесприютном мире жалко не меньше, чем жертв, поскольку жертвы в рассказах Милы Борн – все. Все, кроме Фомы из рассказа «Пятница». Его никак не получится назвать жертвой.

Только послушник Фома, совсем еще мальчик, представляется единственным положительным и героическим персонажем. Он при любом внешнем давлении продолжает делать то, во что верит и что считает правильным. Такое мощное в этом рассказе торжество жизни, что виделось бы логичным поставить его в конце сборника. Но у автора, видимо, нет замысла тешить читателей добрыми финалами. Хватит с нас и одного, и не акцентированного тем, что он венчает собой всю книгу.

«Пятница» – рассказ замечательный, многоплановый. Убедительно описан церковный быт, узнаваемы священники. А происходящее на монастырской овчарне захватывает не хуже триллера. Вряд ли читатель раньше сталкивался с таким остроосужетным описанием появления на свет ягненка:

«Белая тоже встала, подалась своим телом вперед, стала искать ласки у Фомы. Пошла к нему навстречу, раскачивая свое разбухшее брюхо. Но вдруг остановилась, как от удара и, заваливаясь на бок, поволоклась в дальний пустой угол. Замерла там. Неожиданно заблелая, расставив ноги и задрожав своим тяжким от плода телом. Другие овцы стали подходить к белой и от любопытства тянуть ее запах своими взволнованными ноздрями.

Фома запричитал:

– Господи, помилуй! Это что же? Это уже пораз?

Он заметался, путаясь в полах подрясника. Хотел помолиться. Но все слова перепутались и никак не хотели складываться в смысл. Тогда он бросил молиться и побегал отгонять отару от белой. Она, дрожа от стремительно приби-

вающей, незнакомой ей боли, повела в сторону Фомы испуганный взгляд».

Описания так натуралистичны, что нет сомнений в достоверности происходящего. Конечно, и в этом рассказе нет приличных домиков или борьбы хорошего с лучшим. Мы по-прежнему в ледяном, жестоком мире, показанном Милой Борн. Здесь священники продают божье имя, и даже у обитателей монастыря нет веры во что-либо, кроме мелкой сиюминутной выгоды:

«Фома поднял голову и встретился взглядом с Лешкой.

– Не надо мне ваших денег.

– Так ты идейный, что ли? Жить хочешь, как птица небесная? Отринув презренный металл? – враз обозлился Лешка.

На переезде на все лады загудели машины, ставшие позади «Москвича».

– Побойся бога, сын мой! – снова загудел отец Анатолий и опять обернулся к Фоме.

– А я не бога, я вас боюсь, – спокойно сказал Фома отцу Анатолию.

– Это почему?

– Да потому, что вы богом закрываетесь, а сами непотребное вершите.

Отец Анатолий охнул, закрыл лицо руками и запричитал:

– Господи! Прости ему! Не ведает, что творит! Не ведает...

Сзади отчаянно жали на клаксоны. Лешка выбросил вперед руку, дотянулся до камилавки Фомы и со всей силы дернул на себя.

– Как? Как ты сказал, щенок?

Фома, крепко прижав к себе одной рукой банку с молоком, другой стал защищаться. Лешка ударил кулаком Фому в грудь.

– А ну, выметайся из моей машины, тварь ты божья! Вот ведь тварь!»

Три рассказа из сборника – «Бабочка», «Карандаши» и «Когда они приехали с моря» – написаны как бы с точки зрения ребенка, по крайней мере, главные персонажи именно дети. Рассказы лишены букварной назидательности. Справедливость и здравый смысл не торжествуют, зло не наказано. Плачущие не утешены, одиноких никто не обнял. Навык

коммуникации не налажен, поскольку взрослые и сами не умеют говорить нужное и передавать экзистенциальный опыт бережно.

В рассказе «Бабочка» первая встреча ребенка со смертью живого существа обернулась первым острым разочарованием. В итоге мальчик, столкнувшийся с ложью и равнодушием взрослых, плачет не только по мертвой бабочке, но и от собственного одиночества:

«Бабочка по-прежнему лежала в траве. Она больше не трепыхалась. Ее красивые крылья были сложены вместе. И наполовину разорванное крыло покоилось теперь на другом, прекрасном и целом, будто бы прятало свою рану, свое уродство за тем, что еще позволяло считать ее бабочкой.

Он подумал с отчаянием, что учительница оказалась совсем не права. Ведь другие бабочки не нашли эту, раненую, смятую. Не унесли спасать в свой тайный, невидимый мир насекомых. А есть ли он вообще, этот мир? Или учительница просто врёт? И каждый – сам за себя... От такой горькой и бессильной мысли мальчик заплакал. Он вообще-то делал это редко. Все-таки почти год он ходил в первый класс и считал себя вполне взрослым человеком. А взрослые – они же не плачут.

В этот момент мать, ушедшая совсем далеко, вдруг обернулась и сердито окликнула его. Он наспех размазал непрошенные слезы по лицу. Наступил с размаху на желто-лимонный лоскуток, впечатав его в землю так, чтобы никто больше не увидел и не узнал, что бабочка все-таки умерла».

Еще один недетский рассказ о детях – «Карандаши». Живо воспроизведена атмосфера советского детского сада, где нет ничего про уважение и нежность, но есть уже так много про ненависть и принуждение. Малыши, еще не умеющие выразить свои чувства и желания, так полагающиеся на всемогущих взрослых, совершенно беспомощны и унижены перед системой уравнивания и принуждения в лице воспитательницы:

«...Раиса Петровна перешла на визг.

– Сядьте, идиоты, сядьте! Прекратите орать!

И, придавливая ладонью детские головы, пошла по рядам.

– Рисуйте, я сказала! Немедленно рисуйте!

Очередь дошла до Верочки. Она сделала шаг назад и отклонила голову.

– Я не буду рисовать!

Раиса Петровна сжала зубы и угрожающе наклонилась над ней:

– Это еще почему?

– Потому что, – едва сдерживаясь, повторила Верочка, – карандаши, которые вы мне дали, чужие. А чужими я рисовать не буду!

Верочка зарыдала. Мальчик Смирнов снова плюнул на пол. И тут пружина, едва сдерживавшаяся в Раисе Петровне, наконец разжалась. Она выбросила вперед крепкую руку, ухватила за шиворот Верочку и волоком вытащила из-за стола.

– Ах ты дрянь! Дрянь упрямая! – замотала она своими складками. – Что ж ты делаешь! Что ж ты мешаешь другим рисовать!

В тихий час дети улеглись еле-еле. Верочку так и оставили запертой в кладовке. Она молча сидела там, привалившись к большому матерчатому мешку с черной, расплывшейся от многочисленных стирок печати с номером детского сада. А Раиса Петровна, обхватив руками свою толстую шею, сидела весь тихий час спиной к детям и не шевелилась».

Есть, однако, в мирах Милы Борн и справедливость, и воздаяние, хоть и щедро приправленные горечью. Рассказ «Дура» – о трагизме жизни провинции. Счастье здесь возможно – правда, только у других, да и то относительное, своеобразное. Через десятилетия честолюбивых мечтаний героям рассказа становится понятно, что высшая роскошь – не богатство, престижная внешность, бойкость-смышленность или переезд в столицу, а рождение и воспитание ребенка, жизнь в своем доме и добывание хлеба ежедневным тяжелым трудом. Но и такое благословение дается не всем, да и в любом случае судьба возьмет свой непомерный налог.

В начале описываемых в рассказе событий школьники издевались над слабой одноклассницей, и в том, что произошло дальше, можно усмотреть элемент мистики. Однако автор не навязывает своего видения работающих в этой вселенной законов и оставляет нам возможность иметь собственное мнение, прокляла ли злых детей мать «дебилки», или они сами чисто случайно накликали свои последующие беды.

Другой ракурс для описания бесчеловечной машины, перемалывающей все живое в унылую серость – рассказ «Импровизация». Героиня – 12-летняя ученица музыкальной школы в провинциальном городе:

«Такая унылая, серая жизнь не приносила никакой радости. В ней не было ни мечты, ни надежды. И Анечка потела в ней в своих шерстяных рейтузах, не надеясь уже ни на что лучшее».

Но лучшее случилось – ее отправили заниматься к приехавшему столичному композитору. Много счастья и вдохновения удалось Анечке испытать. Однако законы несчастья в мирах Милы Борн, как мы уже поняли, неумолимы, и любая яркая, необычная личность будет в нем убита или раздавлена. Как в предыду-

щих рассказах бабочка с надломанным крылом или забеременевшая студентка-отличница. Все окажется перемолоты и здесь. Вскоре композитор, уволенный из школы по оговору, совсем перестал быть похож на столичного франта и любимца муз:

«Он радостно ей кивнул. На нем было незнакомое ей серое пальто – небрежное, наполовину растянутое. Волосы – в беспорядке, короче обычного. Его мотало из стороны в сторону. И, несмотря на то, что люди стояли плотно, он то и дело сваливался на кого-то. На него кричали. Толкали обратно. А он никак не мог ухватиться за поручень, ловил Анечкин взгляд и неловко улыбался».

Долго читателя не отпускают персонажи Милы Борн, много дней будет болеть за них сердце. Ищет, ищет душа, за что зацепиться, как выбраться вместе с ними к свету. И больше некуда прийти, кроме монастырского двора:

«Фома сидел на коленях в овчарне. Он тоже, как другие, молился и пел. Но в его молитве не было больше ни печали, ни слез. В ней слышалась только светлая, красивая песня – благая весть наступающего воскресенья».

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2020 ГОД

ПОЭЗИЯ

Богдан Агрис. «На нитевых и ломких подосновах...» *и др.* № 9-10. С. 3

Ольга Аникина. Дролери. № 3-4. С. 136

Владимир Аристов. «Стертым от времени голосом в трубку проговорил...» *и др.* № 11-12. С. 14

Олег Бабинов. Форточка. № 3-4. С. 164

Семён Безгинов. Абсолютный отец. № 7-8. С. 180

Станислав Бельский. Из серии «И ещё». № 3-4. С. 27

Альбина Борбат. Сны майора петрова. № 7-8. С. 3

Ольга Брагина. Можно в любой момент выйти из дома. № 5-6. С. 139

Мария Галина. «Я была на краю земли...» *и др.* № 5-6. С. 136

Юрий Гудумак. Наследник подзимней империи. № 3-4. С. 3

Данила Давыдов. «изрядно удивительного вдруг...» *и др.* № 9-10. С. 81

Олег Дозморов. «Прийти нужно было к семи утра...» *и др.* № 7-8. С. 164

Дмитрий Замятин. Создатель холмов. № 9-10. С. 29

Настя Запоева. «нам недоступен возвышенный слог...» *и др.* № 7-8. С. 196

Елена Зейферт. Из книги «Греческий дух латинской буквы». № 1-2. С. 160

Лариса Йоонас. «Проблемы со сном аритмия соловьи не дают уснуть...» *и др.* № 7-8. С. 176

Геннадий Каневский. Пусть течет. № 5-6. С. 181

Ия Кива. «так писали музыку оглохшие композиторы...» *и др.* № 11-12. С. 68

Наталья Ключарева. «Три пальто» *и др.* № 11-12. С. 125

Ирина Машинская. «Змеи непостижимое движенье...» *и др.* № 5-6. С. 192

Елена Михайлик. «Генетическая разница между двумя видами кукурузы...» *и др.* № 5-6. С. 3

Владимир Морозов. Любимые птицы предместий. № 1-2. С. 3

Юлиана Новикова. «Ничего не внемлет ничему...» *и др.* № 11-12. С. 115

Алексей Порвин. «Битое зеркало в травах мазутных...» *и др.* № 11-12. С. 3

Илья Семенов-Басин. «Снег в начале мая» *и др.* № 1-2. С. 151

Александр Скидан. «ты заперта на ключ...» *и др.* № 5-6. С. 174

Сергей Слепухин. «Во сне полустёрт отпечаток эстампа...» *и др.* № 9-10. С. 110

Евгений Сошкин. «Шедшая впереди стала падать...» *и др.* № 1-2. С. 117

Евгений Стрелков. «Макарий» *и др.* № 9-10. С. 92

Андрей Тавров. Флот в Авлиде. № 1-2. С. 89

Андрей Торопов. «Милостивый государь» *и др.* № 1-2. С. 137

Данил Файзов. «ровно то стихотворение которое мне сегодня необходимо...» *и др.* № 9-10. С. 55

Наталья Черных. На северо-запад. *Стихотворения 2019-2020 годов.* № 3-4. С. 55

Олег Шатыбелко. Стихотворения Галы Пушкаренко. № 11-12. С. 139

Ганна Шевченко. Русский Босс. № 3-4. С. 117

Рафаэль Шустерович. Части головоломки. № 7-8. С. 186

ПРОЗА

- Каринэ Арутюнова.** На улице Белой Королевы. *Записки из заточения.* № 9-10. С. 42
- Дмитрий Брисенко.** Украденные и перемешанные тексты. № 9-10. С. 38
- Марина Бувайло.** Пил он с трудом. *Терапия. Рассказы.* № 7-8. С. 171
- Арен Ванян.** Невидимая нить. *Рассказ.* № 1-2. С. 100
- Дмитрий Гаричев.** Сказки для мёртвых детей. № 3-4. С. 10
- Иван Гобзев.** Ложиться надо сейчас. *Рассказ.* № 5-6. С. 199
- Татьяна Грауз.** Уязвимое «мы» (*контрольные отпечатки*). № 11-12. С. 119
- Сергей Зельдин.** *Рассказы.* № 1-2. С. 142
- Борис Ильин.** Обитатели дома. № 7-8. С. 200
- Алексей Колесников.** На рынке. *Рассказ.* № 5-6. С. 188
- Павел Кошелев.** Фрукты и фруктики. *Повесть.* № 11-12. С. 73
- Наталья Кудрякова.** Путешествие. № 3-4. С. 168
- Сергей Кулаков.** Летучий голландец. *Рассказ.* № 5-6. С. 177
- Дмитрий Лагутин.** Радио. Кораблики. Деда. *Рассказы.* № 1-2. С. 165
- Саммер Ленц.** Большое космическое путешествие. *Повесть.* № 11-12. С. 20
- Иван Макаров.** Царь Горохов. *Рассказ.* № 9-10. С. 7
- Александр Мендыбаев.** Скамейка. *Повесть.* № 9-10. С. 58
- Сергей Миронов.** Любовь под абажуром. *Рассказ.* № 3-4. С. 100
- Макс Неволошин.** Не нравится – вали. *Рассказ.* № 5-6. С. 194
- Кусчуй Непома.** Статист. *Рассказ.* № 3-4. С. 62
- Владимир Панкратов.** Поедатель рисового супа. *Рассказ.* № 7-8. С. 183
- Дмитрий Раскин.** Доцент Болдин. *Рассказ.* № 9-10. С. 113
- Андрей Резцов.** Из цикла «Мои училки». *Рассказы.* № 3-4. С. 124
- Татьяна Риздвенко.** Пан. *Роман.* № 1-2. С. 9
- Алексей Слаповский.** Ксю. *Потусторонняя история.* № 5-6. С. 9
- Вера Сорокина.** Питерская Одиссея. *Рассказ.* № 9-10. С. 85
- Григорий Стариковский.** Провожатый. *Повесть.* № 5-6. С. 151
- Владимир Тучков.** Любовь в городе мертвых. *Повесть.* № 3-4. С. 140; Милка. Первый бобровый поход. *Рассказы.* № 9-10. С. 97
- Николай Фоменко.** Компьютерщик и черешня. Внучатый племянник. *Рассказы.* № 3-4. С. 34
- Владимир Ханан.** Рассказ. Сны мои. *Рассказы.* № 11-12. С. 8
- Вячеслав Харченко.** Нежность. *Рассказ.* № 1-2. С. 157
- Иван Чернышов.** Здоровье и дисциплина. *Рассказ.* № 3-4. С. 76
- Сергей Шикера.** Портулак. *Роман.* № 7-8. С. 8
- Вадим Ярмолинец.** Бешенковский. У моста Верразано. *Рассказы.* № 1-2. С. 127; В центре всей этой неописуемой фигни. *Рассказ.* № 11-12. С. 130

ПЕРЕВОД

Изольда Баумгертнер / Isolde Baumgertner (1961–2019). Из книги «Рафаил». *Перевод с немецкого Ф. Чечика, Ю. Лариной.* № 7-8. С. 210

Люк Грювес. Из книги «Неизбывное». *Перевод Анастасии Андреевой.* № 5-6. С. 204

Ева Лисина. Брат Садри, или Я не хочу, чтобы Фатима плакала. *Рассказ. Перевод автора с чувашского.* № 11-12. С. 145

Георг Хайм / Georg Neum (1887–1912). «Морские». *Перевод, комментарии Алёши Прокотьева.* № 9-10. С. 120

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Александр Шарыпов. Охломоны и анахореты. Меланхолическая парафрения в двух частях с прологом, эпилогом и интермедией. *Публикация, вступление Владимира Орлова.* № 7-8. С. 215

Николай Шатров. Стихи из собрания Алексея Кириллова. *Публикация, подготовка текста, предисловие Владимира Орлова.* № 1-2. С. 184

Евгений Хорват. Из неопубликованного. *Публикация, вступление Владимира Орлова.* № 5-6. С. 209

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Полстакана сметаны с сахаром. № 1-2. С. 213; Самобеглая коляска Леонтия Шамшуренкова. № 3-4. С. 173; «Живя от правительства в отдалении...». № 5-6. С. 217; Четыре конца китайки синей. № 9-10. С. 148

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая – 5 (*В русском жанре – 65*). № 1-2. С. 205; Запятая – 6 (*В русском жанре – 66*). № 5-6. С. 244; Саратовцы. № 9-10. С. 197

ВОСПОМИНАНИЯ

Лада Белановская. Другая жизнь. Из книги «Путешествия за грань». № 7-8. С. 259

Сергей Боровиков. Третий. № 1-2. С. 255

Иван Макаров. Выпитое и пролитое. *Книга воспоминаний (Отрывки).* № 11-12. С. 163

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Антон Ботев. Карлыш и Малсон. № 11-12. С. 171

Данила Давыдов. Странная рецензия про все на свете и немного про книгу (*Евгений Сулес. Письма к Софи Марсо*). № 9-10. С. 178

Ева Лисина: Геннадий Айги и религия – воспоминания сестры. *Вступление Ангелики Шмитт.* № 7-8. С. 272

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Сергей Стратановский. «Поэт должен беспокоиться не только о том, чтобы его читали...»
Беседа с Олегом Роговым к выходу книги: Сергей Стратановский. Изборник. № 5-6. С. 257

БИБЛИОМАН

Наталья Черных. 4 + 1. О кн.: Татьяна Данильянц. В объятиях реки; Петр Лодыгин. Анна-филия; Евгений Таран. Распечатка; Ольга Аникина. Кулунда; Константин Кравцов. Заострится острей смерти. № 3-4. С. 201;

История трех измерений в трех книгах: Поэтические новинки 2020. О кн.: Владимир Навроцкий. Башня из белых стиральных машин; Мария Малиновская. Движение скрытых колоний; Наталья Разувакина. Быстрая Синева. Избранные стихи 2017-2019. № 5-6. С. 261

НЕПРОЧИТАННАЯ КНИГА

Дмитрий Бавильский. Переживая чуму. О кн.: Бурхан Сёнемез. Стамбул Стамбул. № 3-4. С. 197

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ася Аксёнова. В туннель расставаний. О кн.: Михаил Фельдман. Еще одно имя Богу. № 7-8. С. 300

Нина Александрова. Жизнь бежит впереди. О кн.: Евгения Риц. Она днём спит. № 7-8. С. 289; Самая страшная в мире любовь. О кн.: Егана Джаббарова. Красная кнопка тревоги. № 11-12. С. 193

Сергей Боровиков. Весёлые поминки. О кн.: Геннадий Красухин. Мрамор и глина. Из литературного календаря современных писателей. № 3-4. С. 222;

Когда писатель рядом. О кн.: Михаил Бару. Мещанское гнездо. № 7-8. С. 285

Ольга Бугославская. Крупным и общим планом. О кн.: Владимир Сотников. Холочье. Чернобыльская сага. № 7-8. С. 287;

...And Justice for All. О кн.: Лев Гурский. Министерство справедливости. № 9-10. С. 191

Мария Верстакова. Страшные нескладки Милы Борн. О кн.: Мила Борн. Голодный остров. Сборник рассказов. № 11-12. С. 194

Герман Власов. Воздушный мост поэзии. О публикации: Игорь Вишинецкий. Видение. № 3-4. С. 213

Елена Елина, Александра Раева. Жизнь и биография Исаака Бабея. О кн.: Е.И. Погорельская, С.Х. Левин. Исаак Бабель. Жизнеописание. № 3-4. С. 215

Владимир Коркунов. Там не страшно. О кн.: Сергей Синоптик. Нужное зачеркнуть. № 3-4. С. 206

- Борис Кутенков.** Открытый финал. О кн.: *Евгения Вежлян. Ангел на Павелецкой.* № 1-2. С. 244;
 Дидакт на границе инобытия. О кн.: *Александр Переверзин. Вы находитесь здесь.* № 7-8. С. 296;
 В каждом нерве бытия. О кн.: *Ольга Балла. Сквозной июль. Из несожжённого;* *Ольга Балла. Пойманный свет. Смысловые практики в книгах и текстах начала столетия;* *Ольга Балла. Библионавтика: Выписки из бортового журнала библиофага.* № 9-10. С.185
Денис Липатов. Осень на паузе. О кн.: *Григорий Медведев. Нож-бабочка.* № 3-4. С. 208;
 Там, где снег зарос осокою. О кн.: *Ната Сучкова. Страна: Сборник стихотворений.* № 5-6. С. 265;
 На лунных батарейках. О кн.: *Изяслав Винтерман. Пчеловек: Сборник стихотворений.* № 9-10. С. 193
Мария Малиновская. Человек и смерть. О публикации: *Юрий Рыдкин. Симметрия смерти.* № 1-2. С. 248
Михаил Немцев. «И бежишь к ней а она думала свой внутренний страх»: О воспоминании и понимании в стихах *Сергея Шубы.* № 11-12. С. 187
Юрий Рыдкин. Существенное зияние. О кн. *Ирина Шостаковская. Гараж.* № 5-6. С. 269
Анна Сафронова. Рассказы в декабрьском «Октябре». О журнале: *Октябрь.* 2019. № 12. № 1-2. С. 251
Екатерина Храменкова. Слепок чувств. О кн.: *Анна Грувер, Демиурги в фальшивых найках.* № 7-8. С. 290
Наталья Черных. Вулкан в царстве Протея. О кн.: *Волков Евгений. колОкол.* № 7-8. С. 293;
 Тройная оптика одного романа с Бродским. О кн.: *Вадим Месяц. Дядя Джо. Роман с Бродским.* № 9-10. С. 189

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

- Алексей Голицын.** Письмо Толстому как метод самоубийства. № 3-4. С. 226; Первое дело художника Валентина Юстицкого. № 5-6. С. 272; Дворянин Юстицкий и беспризорник Горшенин. Несостоявшийся побег из Саратова через афганскую границу. № 9-10. С. 208
Вячеслав Лопатин. К выходу книги «Алексей Боголюбов: художник, моряк, путешественник». № 1-2. С. 239; Ранее не опознаны. № 7-8. С. 303

Контакты:

Анна Сафронова (гл. редактор, проза): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (зам. гл. редактора, поэзия, критика): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (документальные исследования): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (архивные публикации, критика): rgv@mail.ru

Алексей Слаповский (проза)

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 14 декабря 2020 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.